Религия — дурман для народа

АТЕИСТ

Библиотечка “Апокрифа”

№№ 4-5

1926

Вып. 4 (апрель 2012)

Научное Общество Атеист

МОСКВА

Редакция журнала «Апокриф»
представляет вашему вниманию
материалы 4-5 номеров журнала «Атеист» за 1926 год.
Материалы других номеров «Атеиста»
ждите в следующих выпусках Библиотечки
или в ежемесячных номерах «Апокрифа».

***В «Библиотечке “Апокрифа”» мы представляем книги по магии, мистицизму, философии, религиоведению и смежным тематикам,
оцифрованные и откорректированные рабочей группой «93 in 39».***

Адрес редакции: 236000, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11.
Интернет: http://93.apokrif.org/, http://vk.com/apokrif93,
http://twitter.com/apocrypha_93, http://apokrif93.a-z-o-t.com/.
Электронная почта: 93in39@gmail.com

OCR — asnecto, 2012.
Корректура — Галчонок Саган, Владимир Новиков, Ли А. Рё-нэн, Olga Yatsyk,
Ник Лухминский, Fr. Nyarlathotep Otis.

Научное Общество «Атеист»

принимает с 1 января 1926 года
подписку иа научный ежемесячный
======= журнал-сборник =======

«АТЕИСТ»

Его отделы:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический** — статьи по вопросам истории религии и культуры, как в нашем, т. е. **материалистическом**, освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство.** Отдел посвящён разоблачению контрреволюционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма**.

4) **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5) **Библиографический** — сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и её критики, выходящих у нас и за рубежом.

6) **Вопросы и ответы**.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПЕРВОГО ЧИСЛА КАЖДОГО МЕСЯЦА. ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1926 год на 12 месяцев ..... 7 р. 50 к.
8 ..... 5 р. 50 к.
6 ..... 4 р. 00 к.
3 ..... 2 р. 00 к.
Отдельный номер ..... 0 р. 75 к.
За 1925 г. №№ 1 и 2 ..... 1 р. 25 к.

Москва, Гранатный пер., дом 1. «АТЕИСТУ». **Телеф. 4-53-12.**

Издатель:
Научное Общество Атеист.

Ответственный Редактор — **И. А. Шпицберг.**

Религия — дурман для народа

АТЕИСТ

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1926

Оглавление

1. **Г. Эйльдерман** — «Карл Каутский и его исторический Иисус» 5
2. **С. Герзон** — «Проституция и католическая церковь» 19
3. **Ф. Штейдель** — «Вымышленность "страстной" истории Иисуса» 38
4. **От редакции** — «У атеистов запада» 45
5. **Т. Гартвиг** — «Частное ли дело религия?» 46
6. **Ф. Келиц** — «Духовное разоружение пролетариата в Германии» 52
7. **Ч. Коэн** — «Кощунство по английскому праву» 57
8. От религии к атеизму (библиография) 60

Научное Общество Атеист
МОСКВА

Выпуск 4 (март 2012)

АТЕИСТ

№ 4 1926

Генрих Эйльдерман

Карл Каутский и исторический Иисус

(По поводу книги Каутского «Происхождение христианства»).

Нельзя, конечно, в тесных рамках одной статьи удовлетворительно разрешить вопрос о происхождении христианства; нельзя также в узких пределах её дать исчерпывающую критику взглядов Карла Каутского на происхождение христианства. Однако вполне возможно указать в ней на наиболее крупные заблуждения Каутского, на его отклонения от марксистского исторического метода, и для этого стоит только выяснить его отношение к некоторым новейшим теориям в области теологии; тогда и самые воззрения Каутского окажутся лишь переряженной, загримированной под свирепый радикализм теологией. В таком плане и связи может быть брошен свет и на важнейшие вопросы, которых вообще придётся коснуться при развитии темы.

Начало христианской религии Каутский усматривает в факте «основания» её историческим Иисусом; существование последнего он признаёт в полном согласии с псевдонаучной либерально настроенной исторической теологией. Это очень на руку подобной теологии, которая признаёт **личность** исключительной носительницей религиозной жизни и никак не может переступить через порог этой теории. Совершенно неожиданно позиции этой либеральной теологии оказались сильно укреплёнными представителем социалистической стороны тогда, когда на них делали самые суровые нападения даже более последовательные последователи из её собственных рядов.

С другой стороны, совершенно ненормальным, положительно чудом представляется тот факт, что Каутский совершенно не сумел попользовать научные результаты, добытые радикальными теологами, отрицающими историчность Иисуса, а они были ему известны из работ Кальтгоффа («Проблема христа» 1902 года и «Возникновение христианства» 1904 года). Когда через шесть лет после появления в свет «Проблемы христа» со своей работой о происхождении христианства выступил на сцену Каутский и стал ломать копья за историчность Иисуса, это было достойным сожаления попятным шагом в области важнейшей религиозной проблемы эпохи.

Мужественное выступление пастора Кальтгоффа против драпирующейся в мантию исторической критики протестантской теологии недолго оставалось одиноким явлением: и всё-таки работа Кальтгоффа, и в настоящее время вполне заслуживающая внимания читателей, осталась высшим достижением в смысле научной ориентировки в данной области. Он разительными доводами показал, что первичным основным явлением оказываются не евангелия, а

церковь, что евангелия, сообщающие сведения об историческом Иисусе, сами — факт вторичный, производный и порождены церковью. Это «святое писание» создано церковниками для того, чтобы укрепить защищаемые ими тенденции. Он воскресил перед нами тот взгляд, какой существовал как раз в древнейшие времена церкви: великий учитель церкви Августин (около 400 года после р. х.), ничем не прикрываясь, сделал, например, такое признание: «Я не поверил бы евангелию, если бы меня не побуждал к этому авторитет католической церкви».

В церковных интересах действительная дата составления этих писаний была перенесена в далёкое прошлое, а авторами их были объявлены известные прославленные лица; авторитетом этих имён хотели подкрепить взгляды, выражаемые настоящими авторами. С течением времени в первоначальный текст вносилась поправка за поправкой и подделка за подделкой для того, чтобы приспособить писание к целям и задачам получившего к этому времени господство церковного направления. Сверх того, авторы священного писания вовсе не писатели-историки в нашем смысле слова; их перья направлялись политическими и агитаторскими стремлениями, их работы имеют явно тенденциозный и поучительный характер.

Кальтгофф заглянул в проблему ещё глубже. Он понял также, какую личную миссию выполнял для церковных «свободных мыслителей» сам якобы исторический Иисус; он был для них соломинкой, за которую хватались в случае крайней надобности в авторитете. К «историческому» Иисусу их привязывал «весьма значительный остаток иерархического сознания, от которого не могли отделаться либеральные церковники. Если свободомыслящий пастор возвещал своё собственное богословское учение во имя исторического Иисуса, на него самого падал луч того церковного нимба — сияния, которым благочестивые на старый манер люди окружали своего христа. «Христос велик, и я его пророк» — вот краткий и внушительный аргумент, которым либеральный пастор вербовал поклонников **своему** Иисусу. Такая тенденция, с самого начала присущая либеральному богословию, не могла, конечно, вести его к чисто научному, объективно-историческому изучению проблемы. Кто исходит из предпосылки, что наша современная христианская культура восходит к личности какого-то определённого Иисуса, тот будет рассматривать каждую попытку выдвинуть истинного и первоначального, т.е. исторического Иисуса на первый план, как акт спасения христианства. Но это просто самообман: напрасно критическая теология приписывает своим жизнеописаниям Иисуса больше чем временное значение. Эта богословская школа может сколько угодно думать, что она своим историческим Иисусом обеспечивает в условиях современной культурной, жизни место для свободомыслящей церкви; однако плохо обстояло бы дело с историческим пониманием и с историческим значением христианской культуры, если бы мы в качестве фундамента её не обнаружили бы ничего другого, кроме такого христа, какого подарила миру либеральная теология и какого вовсе не знали ни литература отцов церкви, ни христианское средневековье, ни даже эпоха реформации.

В борьбе против такого либерального христа, являющегося в основе лишь рационализированным иудеем, оказывается правой даже и ортодоксальная школа, когда она желает иметь и удержать целиком христа евангелий, а не произвольно извлечённые из евангелий отрывки.

Со своей стороны, в первохристианском христе, о котором учила патристическая литература (сочинения отцов церкви), Кальтгофф видит патрона-покровителя церкви; только он чересчур отождествляет символ христа с церковной общиной в целом. Он не принимает во внимание противоречия между клиром и мирянами, т. е. противоречия классового; иначе он увидел бы, что христос — патрон только духовенства, которое прикрывается его **сверх**ъестественным величием и ему обязано почётом, какой оно приобрело. Но, во всяком случае, Кальтгофф гораздо скорее стоит на настоящей исторической почве, чем «историческая теология».

Историческая теология — дочь протестантизма, реформации — выступила с развёрнутыми знамёнами в поход для того, чтобы открыть, найти то первоначальное христианство, то «чистое слово божие», которое было похищено у обманутого человечества католической церковью. Она нашла его в священном писании и проповедала народу. «Каждый христианин мог теперь стать собственным священником для себя самого путём самостоятельного исследования и чтения библии». Но ортодоксальное большинство протестантского духовенства громко признало собственное существование необходимым в силу уже того, что объявило евангелие в его полном объёме божественным откровением, подлежащим принятию от доски до доски. Более умеренная, более либеральная школа стала тогда вычёркивать из него «невероятное» и докапываться до «исторического Иисуса», до индивидуального человека Иисуса.

Но, увы! «Истинный» образ спасителя стирался и бледнел тем больше, чем ближе думали к нему подойти. Он превращался в схему и испарялся, как туман.

Во что же тогда оставалось верить? «Чистое слово божие» становилось не чище, а всё мутнее по мере того, как в него проникали глубже. Казалось, что евангелие Марка, считавшееся древнейшим, лучше всего запечатлело в себе черты исторического Иисуса. Но теолог Вреде после основательного критического исследования этого евангелия не мог не признать, что и оно, в своей целости, «вовсе не даёт исторического изображения действительной жизни Иисуса». «Лишь бледные следы такого изображения вошли в религиозные над-исторические представления. И в этом смысле евангелие Марка тоже принадлежит к числу догматико-исторических работ».

Думали подкрепить историчность существования естественного Иисуса (т. е. Иисуса-человека) тем фактом, что не раз в древности (впрочем, в греческом мире, а не в египетско-иудейских кругах) венценосные вожди и главы философских школ ввиду их деяний и учений обожествлялись своими приверженцами; когда натыкались на явно вымышленные черты в образе героя евангелий, то представляли себе действительно существовавшего человека, хотя бы иудейского раввина, который чистотой своей жизни и своего идеального учения мог бы быть образцом для современного человека. Однако ощипанный образ героя стал скоро таким скудным, неустранённые остатки его характерных черт говорили так мало, что по таким приметам и самый лучший уголовный розыск мира не смог бы его узнать и отыскать. Тем чаще каждый протестантский духовный считал себя вправе наделять по мере сил этого праведника всевозможными прекрасными чувствами и убеждениями.

Каутский думает даже, что несомненным фактом следует считать только рождение и смерть «равви из Назарета»; от всего остального он охотно отказывается; всё же, что не является историческим событием, для него в лучшем случае «фантазия», а то и «подлог», «вымысел», «чепуха» и «глупость».

«Твёрдо установлено,— резюмирует своё решение Каутский, — что лишь очень немногие из раннехристианских произведений принадлежат действительно тем авторам, которым они приписываются, что по большей части они гораздо более позднего происхождения, чем то, какое указывается их датой, и что первоначальный их текст не раз и притом очень грубо изменялся позднейшими переработками и дополнениями. Твёрдо установлено, наконец, что ни одно евангелие, ни одно из других раннехристианских "писаний" не составлено кем-нибудь из современников Иисуса».

Он также совершенно правильно замечает: «Почему обязаны мы принимать слово самого Иисуса в евангелиях за что-нибудь другое, а не за такие речи, какие выгодно было составителям рассказа вложить в уста Иисуса?».

И при всём том Каутский всё же принимает в качестве исторических данных, говорящих о действительном существовании Иисуса — основателя религии, — эти самые писания, которые, по его же мнению, могут, в лучшем случае, иметь лишь культурно-историческое значение вообще.

Пусть всё будет подлогом и фантазией, но за самого-то распятого он держится крепко и торжественно возвещает, что личность его — не плод чистой фантазии и что, следовательно, в основе здесь лежит действительный факт. Основатель христианства жил, он родился и умер потом на кресте.

Каутский приводит и «свидетельства». Выслушаем же их.

Он соглашается, что из евангелий можно извлечь лишь очень немного таких данных, которые (по его мнению) могут считаться с некоторой вероятностью действительными событиями из жизни Иисуса: это его рождение и смерть. «Но, — говорит он, — эти два факта, если их признать, во всяком случае доказывают, что Иисус жил на самом деле, что он не просто мифологическая фигура; правда, они не проливают вовсе света на то, что важнее всего во всякой исторической личности: на деятельность, которую она развивала в промежутке между своим рождением и смертью. То месиво моральных изречений и сверхъестественных деяний, чудес, которое подносят нам в качестве рассказа об Иисусе евангелия, содержит в себе столько невероятного и невозможного, столько явного вымысла, столько неподтверждённого каким бы то ни было другим свидетельством, что оно в качестве исторического источника никакой ценности не имеет».

Немногим лучше, признаёт Каутский, обстоит дело и со свидетельствами относительно рождения и смерти Иисуса. Но он всё же имеет будто бы основания думать, что они под грудой вымыслов скрывают историческое ядро. «Признать его мы должны уже потому, что в этих рассказах есть отдельные сообщения, которые были в высшей степени неудобны для христианства и, следовательно, не вымышлены им: наоборот, в кругах его приверженцев они, очевидно, были слишком известны и общепризнанны, так что авторы евангелий не осмелились заменить их собственными выдумками, хотя такую замену вообще они производили беззастенчиво и часто.

Один из таких фактов — галилейское происхождение Иисуса. Оно очень плохо согласовалось с его давидо-мессианическими притязаниями. Мессия, во всяком случае, должен был происходить из рода царя Давида».

Христиане и в более поздние времена ни за что не хотели отказаться ни от царственного происхождения своего мессии, ни от его божественного посланничества; поэтому они должны были с тем большей ревностью работать над устранением «другого признака его иудейского происхождения; этот признак — его революционный дух».

Христианство, как утверждает Каутский, в самых своих начатках, возникших на иудейской почве, **имело бунтарский характер! (?)** Оно выросло из мессианических ожиданий революционного пролетариата Иерусалима и постоянно готовых к восстанию шаек Галилеи. В силу этого Иисус превращается в вожака восставших галилеян, потерявшего жизнь во время задуманного на Масличной горе набега на столицу.

«С того времени, к которому отнесена смерть Иисуса, до самого разрушения Иерусалима беспорядки не прекращаются. Уличные стычки были самым обычным делом, так же, как и казни отдельных инсургентов. Такая уличная борьба небольшой группы пролетариата и последовавшее затем распятие на кресте её зачинщика, бывшего родом из вечно бунтующей Галилеи, легко могли произвести глубокое впечатление на оставшихся в живых участников стычки, а исторические писатели не сочли нужным упомянуть о таком обычном, повседневном происшествии».

«В условиях тех мятежей и волнений, которые переживало в эту эпоху всё еврейство, и та секта, которая сделала упомянутую попытку борьбы, легко могла использовать для агитационных целей своё выступление, так что оно прочно закрепилось преданием; причём, естественно, личность их героя была разукрашена неизбежными преувеличениями».

После разрушения Иерусалима, продолжает Каутский, гражданские войны при римлянах прекратились, потому что вместе с иудейским общинным самоуправлением были уничтожены и последние остатки демократической оппозиции. Более ста лет держался всеобщий мир внутри

страны. «Политические перевороты, раньше такие естественные, сделались теперь немыслимыми. Подчинение власти императоров и терпеливая покорность представляются теперь не просто заповедью благоразумия для трусов: они всё больше укореняются в сознании, как моральный долг».

Завоевание и разрушение Иерусалима римлянами в 70 году после р. х. кажется Каутскому переломом в иудейской истории, и вместе с тем — в ходе развития христианства. С тех пор, как в христианстве получила преобладание идея пассивной покорности, авторы евангелий заботливо старались устранить всё, что могло бы вызывать столкновении с римскими властителями. В согласии с этим выставленным им тезисом Каутский и находит в евангелиях ещё заметные следы революционного происхождения христианства; совершенно ясно и очевидно, что неудобный в новых условиях бунтовщик-назарянин превратился в страждущего богочеловека, который пал жертвою ненависти и зависти своих земляков не вследствие своего мятежа, а как раз в виду бесконечной своей доброты и святости.

Для Каутского распятый — символ того самоотречения, каким было охвачено после семидесятого года усталое еврейство, а за ними и христианство. Поскольку дело идёт о еврействе, с ним до известной степени можно согласиться; иначе обстоит дело с христианством. На самом деле в эту эпоху особенно острой делается противоположность между разбитым еврейством и победоносно распространяющимся христианством. В период преследования христиан, который можно назвать героическим временем в развитии молодой церкви, иудеи много раз **выступают** перед римскими властями в роли доносчиков и обвинителей христиан. Преследования вообще никогда не вызывают в партии преследуемых преклонения перед символом «усталости и самоотречения». В эти столетия враждебных отношений с римским государством, в эпоху, когда, тем не менее, христианство всё-таки крепло, образ распятого спасителя, мученика из мучеников, стал боевым знаменем молодой воинствующей церкви, символом, возбуждающим угнетённых к борьбе. Что образ распятого обязан своим возникновением именно этой поре страданий, ясно показал всем, кто хотел слушать, Кальтгофф — в 1902 году.

Вместо того чтобы примкнуть к результатам, добытым исследовательской работой Кальтгоффа в основном спорном пункте проблемы, в вопросе об историчности Иисуса, Каутский предпочёл запрячься в теологическое ярмо. Смело можно считать величайшим поражением его на данном поле битвы то, что он возводит христианство к человеку Иисусу как к его основателю. Шатаясь и колеблясь между радикалами и сентиментальными настроениями, он, в конце концов, совершает оппортунистическое отступление. Конечно, он думает, что нет никакой необходимости признавать что-нибудь определённое относительно личности исторического Иисуса, и с его приговором об исторической ценности евангелий можно согласиться; но, с другой стороны, он совершает существенную и богатую последствиями ошибку, строя всю свою систему возникновения и развития христианства на богословском представлении, будто основателем христианской общины и творцом христианской религии является личность — Иисус. И эту идею Каутский берёт из рассказа евангелий, в то же время не признавая их историческим источником в современном смысле слова.

В евангельском изображении мы имеем дело с целым комплексом идей; объяснить его нужно действительными, материальными условиями и при этом ответить не только на вопрос «как?», но и на вопрос «почему?». Каутский же, возводя основание христианской общины к личному, историческому Иисусу у колыбели евангельского христианства ставит само евангелие, то есть нечто производное, созданное церковью ради своих определённых целей, а не церковь, факт первичный, силу, коренящуюся в экономических условиях. Церковная организация, в свою очередь, была создана широким экономическим и политическим движением, грандиозной революцией, которая и без помощи еврейства совершилась бы в пределах известного тогда мира,

только, конечно, в несколько иной форме. По указанной причине и предпринятая Каутским в его работе «Происхождение христианства» попытка экономического обоснования проблемы в действительности ничего общего с историческим материализмом не имеет; её скорее **можно характеризовать как замаскированный идеализм,** потому, что Каутский по существу примыкает здесь к старой догматической историографии, хотя и к либеральному её направлению. Эта разновидность богословия, имеющая, во всяком случае, вид очень «свободомыслящей», поступает как раз так, как Каутский, только на первый план помещает и подчёркивает она не революционные, а пацифистские умиротворяющие черты исторического Иисуса.

Сущность богословского понимания истории состоит не в чем другом, как в стремлении вырывать отдельные факты из естественной связи событий и перевёртывать их в собственную противоположность; «потусторонний мир» подменивать «посюсторонним» и, наоборот, тот — этим, а больше всего настоящее — прошедшим, и наоборот.

Могли ли богословы сделать исключение для настоящего случая? Разумеется, нет. Когда древняя церковь нашла подходящим для своих целей распространить идею о мученической смерти христа, а это было задумано духовенством как раз во время гонений на христиан, то историю о распятии Иисуса ввиду её важности отнесли к самой первой эпохе развития церкви.

Всякая великая социальная идеология, как христианская, насаждение и проповедь которой продолжается, как известно, и до настоящего дня, естественно, должна иметь социальную цель, выполнять определённую миссию, а вовсе не служить невинным развлечением для умов. Эту цель, в конечном счёте, надо искать в области экономики; если христианство, несмотря на многообразные изменения внешней оболочки, сохраняло неизменными в течение двух тысячелетий свои основные и главные черты, то, стало быть, его развитию соответствовала какая-то линия экономической эволюции, идущая от начальной эпохи христианства до наших дней. В тот период, к которому относится возникновение христианства, проявился важный экономический фактор, оставшийся по существу неизменным, экономическая категория, которой явно не может быть ни рабство, ни люмпен-пролетариат. Между тем, именно эти оба элемента особенно выдвинул Каутский для того, чтобы мотивировать присущее, по его мнению, христианству «презрение к труду».

«Достойно внимания, что возникновение христианской религии точно совпадает с упадком рабского хозяйства в древнем мире и массовым появлением “свободных рабочих”; это обстоятельство делает совершенно понятным смысл христианской проповеди об искупительной силе добровольной жертвы и свободном самопожертвовании. Множество социальных элементов, освобождённых падением рабского хозяйства, необходимо должно было попасть в новую зависимость. Римская императорская власть утратила своё влияние на умы многих, да и процессу хозяйственного обнищания масс она оказалась не в силах поставить сколько-нибудь действительную преграду. Христианство же было широко разветвлённой организацией, накрывавшей обеденные столы для людей, вышвырнутых жизнью, и взывающей к отпущенным на волю рабам, особенно домашним рабам, более или менее знакомым со всевозможными ремёслами: “Не трудящийся да не ест”».

Высказанные выше положения, естественно, требуют доказательств, но их привести и не трудно. Мы должны были ограничиться тем, что коротко обрисовали важнейшие обстоятельства дела. К тому же часть читателей уже убедилась в том, что Каутский потерпел неудачу и в своей попытке анализа социально-экономических условий раннехристианской эпохи. Это особенно худо, потому что как раз здесь следовало бы ожидать от него лучших результатов. О «презрении к труду» в раннем христианстве не было и речи. Если Каутский приходит к такому конечному выводу, он тем самым становится в прямое противоречие с действительной экономической сущностью раннего христианства, да и христианства вообще. Из этого очевидно, что **Каутский**

просто выворачивает наизнанку историю, ища корни христианства в классе рабов. Христианская проповедь о ценности и высоком достоинстве труда имела для рабов, принуждаемых к труду внешнею силой, очень мало смысла или даже совсем не имела его. Между тем для людей, освобождённых от рабского ига (а отпускалось на волю в это время много рабов), совершенно уместным казался мощный религиозный призыв к продуктивной деятельности, призыв, раздававшийся с христианской стороны. Последний соответствовал и тому развитию, которое совершалось вследствие непрекращающегося распада рабовладельческого хозяйства именно в эти первые столетия существования христианской церкви до начала великого переселения народов.

Каутский принимает, правда, во внимание роль революционного движения в зарождении христианства, но ограничивает её исключительно пределами еврейской нации, отказывает ей в мировом масштабе, а для христианства нужен именно такой. Каутский просмотрел возникновение в древнем мире, во всём его объёме, новой исторической силы, нового класса, который в течение трёх веков, с момента начала христианской эры, фактически готовился к тому, чтобы захватить римское государство в свои руки. Революция не заканчивается, как думает Каутский, семидесятым годом, т. е. годом разрушения Иерусалима; наоборот, можно сказать, что с этого-то времени революционная волна в мировой римской державе впервые начинает подниматься. Каутский считает таким образом, что революция закончилась почти у самой колыбели христианства или лишь немногим позже, и самую историю раннего христианства он обрывает там, где она, собственно, только и начинается. Он совсем не понимает значения великих гонений на христиан, этого рычага развития древней христианской церкви и источника её литературного творчества.

Первые столетия после Августа, как и всякая революционная эпоха, представляют картину стремительной смены различных социальных явлений и учреждений. Промежуток между годом, к которому относят смерть Иисуса, и моментом наивысшего развития гонений, продолжался ли он одно или несколько столетий, имеет чрезвычайно важное значение и меняет все представления.

Странно также, что Каутский, настаивая на том, что основанием своим христианство обязано историческому Иисусу, возникновение этой религии относит ко времени, значительно более раннему, чем написание евангелий и даже рождение «богочеловека», как называет себя Иисус.

Экономические и идеологические факты у Каутского нигде не стоят в органической связи, сближаются между собой лишь насильственно, и поэтому как те, так и другие преподносятся в исковерканном виде.

Подлинную историческую связь и последовательность указывает нам здесь, кроме Кальтгоффа, ещё и Артур Древс, автор «Мифа о христе» (1910 и 1911 г.). Этот профессор философии, опирающийся на идеи Кальтгоффа, выставляет следующее положение: **христос вовсе не обожествлённый человек, а очеловеченный бог.**

Мы представляем себе положение следующим образом. Христос — почти божество: он — совокупность всех религиозных, т.е., проще сказать, клерикальных сил в христианской общине; небесный символ, земным представителем которого является священник. Противоположность духовенства и мирян, всё более выясняющееся различие между ними, создаёт и религию и бога — таинственного и мощного, а также христа, бога понятного, доступного, почти осязаемого: и то и другое — только отражение различных сторон того же самого духовенства. Сын божий очеловечен для того, чтобы он сильнее мог влиять на человечество. Для этого его заставляют даже родиться в семье ремесленника. В эпоху гонений со стороны государства, когда церковь мобилизует все свои силы для победы в бою, он принимает совсем человеческий образ и получает определённые индивидуальные черты — черты священника. Затем утверждается власть суверенного вождя общины — епископа. Христос, земной копией которого является он, становится теперь венцом всех мучеников, праведником из праведников, образцом всех

верующих. Спаситель, правда, не теряет своего божественного происхождения и божественной сущности, но он, бывший раньше божеством, теперь, когда община возглавляется монархом-епископом, делается в евангельском изображении индивидуальным человеком.

Сказав, что христос почти бог, мы тем самым подчёркиваем его божескую природу. Но это божество совсем не обожествлённый человек, наподобие греческих военачальников и римских императоров, которым воздавали божеские почести; это — бог, выросший из мощи еврейского духовенства. Как известно, священники именовали себя служителями бога, его исполнительными органами, его представителями на земле, правили его именем и, в областях египетско-иудейской культуры, назначали даже царей. Эту «вежливую», смиренную форму владычества и управления христианские епископы нашли наиболее разумной и целесообразной в тогдашних условиях. Во всяком случае они должны были начать войну с обожествлением людей, чем и вызвали преследование со стороны императоров: это преследование объясняется ещё и тем, что к этому времени общинные кассы «бедных» христиан были полны, и, следовательно, имело смысл их конфисковать. Прославление мучеников создало кадры «святых», а епископ был святым уже по должности, хотя бы и не заслужив мученического венца: Иисус же христос стал идеальным исповедником и мучеником, с которым князь церкви до известной степени отождествлялся, например, в таинстве святой вечери.

Повесть о «страстях» Иисуса, без сомнения, древнейшая и основная часть рассказа о его жизни; это — пункт кристаллизации, вокруг которого сконцентрировалось всё остальное и округлилось в образ «сына человеческого». Он придёт опять судить в день страшного суда, когда и сильные земли должны будут дать отчёт в своих поступках. Еврейское представление о мессии получило здесь дальнейшее развитие. Христос, как и иудейский мессия, — царь: он, естественно, стоит выше римских правителей и императоров. Нет сомнения, он снова сойдёт с неба на землю: ведь один раз он уже был на земле. А пока он утешает своих верных словами Откровения святого Иоанна:

«То, что имеете, держите, пока прийду.

Кто побеждает и соблюдает дела мои до конца, тому дам власть над язычниками.

И будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные они сокрушатся, как и я получил власть от отца моего.

И дам ему звезду утреннюю». (Апокалипсис, 2:25-28).

То время, когда христианство, в силу своего противоречия римской государственности, вмешалось в политические дела, является эпохой интенсивного очеловечивания «сына божия».

Каутский помещает этот конечный результат эволюции, «сына человеческого» евангелий, в начале её и делает из него человека, подобного другим; и вместе с тем возводит его в ранг основателя христианства. Он произвольно изменяет здесь историческую последовательность событий, как и в вопросе об отношении христианства к производительному труду. Призыв Иисуса к верующим — уподобиться лилиям долин и птицам небесным и не заботиться ни об одежде, ни о пище, — Каутский объясняет люмпен-пролетарским презрением к труду. В действительности же христос хочет в данном случае только дать утешение беднякам внутри общины и побудить к пожертвованиям богатых членов церкви. Бродячие ремесленники, бродячие проповедники, вдовы, сироты, нуждающиеся всех сортов, одним словом, «бедные», к которым духовенство прежде всего благоразумно причисляло самого себя, имели реальные основания утешаться подобным образом в виду наличия общинных касс, по-видимому, в большинстве случаев, доверху наполненных. Они соответствовали пророческому сосуду с маслом, который никогда не пустел; чуду насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами. Однако в эти кассы притекали не только дары богачей и зажиточных, но и, в ещё большей степени, заработанные трудом лепты бедных членов общины.

Вследствие принятой им основной точки зрения, Каутский видит в последнее время римского мирового владычества только упадок, ничего не замечает, кроме упадка. Нигде не видит он, как скопляются новые силы, как образуется ядро для нового подъёма. Мы вовсе не должны так мрачно смотреть на тогдашнее положение, особенно Востока. Если бы дело шло так, как представляет себе Каутский, то германские племена, перешедшие во время великого переселения народов границы римской державы, не нашли бы в ней никого, кроме вымирающих люмпен-пролетарских масс.

Один взгляд на развитие и расширение католической церкви достаточно убеждает нас, что такое представление ложно. В качестве руководительницы наиболее активного общественного слоя, мелкобуржуазных ремесленников, она одержала победу над языческой реакцией лишь незадолго до того, как на границах государства показались варвары. Как известно, христианство оказалось в состоянии не только сохраниться и удержаться под чуждою властью, но в следующие столетия римские епископы сумели даже подчинить грубые воинственные народы и обеспечить себе этим мировое владычество.

Каутский классовым противоречиям уделяет гораздо меньше внимания, чем национальным. Он охотно оперирует такими явлениями как противоположность между евреями и римлянами, иудействующими христианами и христианами и язычниками и тому подобное. Поэтому и национальным войнам иудеев против римлян и отдельному событию — разрушению Иерусалима римлянами — он придаёт несоразмерно большое значение в развитии христианской секты и её религии.

Соответственным образом и распространение христианства представляется ему какой-то пересадкой, «притычкой» с одного места на другое, от одного народа к другому. Идеи у него почти самостоятельно переселяются из своего центра, Иерусалима. В лучшем случае он указывает на торговых людей, на купцов, как на разносчиков этого идейного товара.

Важнейший фермент этого социального процесса, по-видимому, «не замечен» им: это — бесчисленные бродячие ремесленники-подмастерья, которые, как и ткач ковров Павел в Эфесе, обыкновенно снова брались за своё ремесло во всех городах, лежащих на их пути, а в общинах своих братьев во христе находили моральную и, что ещё важнее, материальную поддержку. Их собственная готовность жертвовать могла быть безграничной, но, конечно, их взносы в общинную кассу составляли лишь незначительную часть её содержимого. Обычно класс вольных ремесленников пополнялся отпущенными рабами, которые в эту эпоху всеобщего обеднения часто оставались без работы и массами выбрасывались на волю. Их бунтарскому настроению руководители церковной общины должны были делать известные уступки. Так возникли революционные и оппозиционные черты в образе евангельского христа.

Евангелия служили средством для усмирения этих беспокойных душ, были, по крайней мере, попыткой в этом направлении. Революционный образ христа вообще нельзя считать первоначальным: **с самого начала составители евангелий работали в целях умиротворения**; в книгах же новозаветного канона его едва можно открыть под слоем оппортунистических и пацифистских красок. Революционное прошлое иудейского народа стало предметом изображения, очевидно, потому, что эпоха возникновения самих евангелий была как раз периодом затишья и перерыва в революционном движении. Но клерикальная верхушка христианской общины преследовала при этом определённую цель — овладеть беспокойными оппозиционными элементами, направить их движение в спокойное русло, устремить их внимание в направлении потустороннего мира и, таким образом, обезвредить их.

Если мы хотим найти ключ к объяснению происхождения религии, нам нужно правильно понять своекорыстные намерения духовенства, его классовую обособленность от массы мирян, во много раз превосходящей его численностью. Самые лучшие указания в этом смысле даёт история

позднейшей эксплуататорской деятельности церкви и накопления церковных имуществ, особенно земельных. Зародыш этой эволюции имеется уже в самом начале христианства. Более или менее так обстояло дело и во всякой другой религии.

Классовые противоречия, а не национальные различия, являются собственно зерном, из которого развиваются религии. Вера в духовный мир возможна только при смутном представлении о каком-то высшем и по иному устроенном бытии, о существах, стоящих за членами господствующего и эксплуатирующего класса, в идее с ним отождествляющихся. Это в равной степени правильно и для первобытных религий, и для христианства. Разумеется, раннехристианское движение было классовою борьбой, но христианское духовенство не столько вело классовую борьбу, сколько просто выступало конкурентом римской власти. Оно эксплуатировало общину верующих так тонко, искусно и вместе с тем основательно, что его методы и до сих пор являются образцом для эксплуататорских групп и классов, и что церковь сделалась, по-видимому, необходимой союзницей для этих мировых хищников. При внимательном рассмотрении отдельных форм христианского культа, особенно причащения и других таинств, становится совершенно ясным, что все идеологические и культовые элементы христианства выросли из стремления его духовенства неограниченно властвовать и распоряжаться не только умами, но и физической, рабочей силой людей; не говорим уже о том, что отодвигание на задний план всего земного сравнительно с «небесным», т.е. духовным, церковным, сильнейшим образом содействовало превращению земных богатств в «небесные сокровища», т.е. опять-таки в церковное имущество.

Христианство, как и всякая другая религия, обязано своим происхождением классовым противоречиям, а не национальным; поэтому основной задачей является вовсе не отыскание родственных связей между христианством и другими культами с целью вывести элементы христианского культа из того или другого постороннего. Всегда надо иметь в виду освещение происхождения первоначального культа, а для этого, в конце концов, неизбежно обращение к экономическим условиям, возникающим на почве классовой борьбы.

Истинная основа первоначального христианства есть первоначальная христианская община. Христианство родилось не в один определённый момент, в течение долгого времени оно складывалось и обновлялось; поэтому нам следует отыскать в этой первой церковной общине такие условия, которые постоянно питали и обновляли христианство, в которых оно появилось и «в первый раз», которые, если можно так выразиться, выработали его. С самого начала в христианской общине были налицо внутренние противоречия, борьба между духовенством и мирянами: в той или другой форме они восходят к моменту возникновения самой общины и уж во всяком случае к началу христианства как культа и религии. Это противоречие и дало возможность развития и процветания представлений о «том свете»; надежды на него должны были отвлекать от мыслей о земном мире, вызывать полное подчинение верующих и устранять всякое сопротивление их эксплуатации.

Каутский строит религиозно-исторический мост между иудейством и христианством и приходит в результате к убеждению, что христианство не внесло в мир ни одной новой идеи, ничего, что не существовало бы раньше у других народов, особенно у народа еврейского; ища объяснения возникновению этих идей, он бредёт по такой колее, которая не может привести к историко-материалистическому разрешению вопроса. Разумеется, он не один пользуется таким чисто буржуазным методом исследования: и Древс, и даже Кальтгофф — впадают в ту же ошибку.

Артур Древс вёл ожесточённую борьбу с либеральным богословием и собрал подавляющее количество доводов и фактов, говорящих **против** существования исторического Иисуса. В конце января и начале февраля 1910 года он выступал на Берлинском религиозном собеседовании, устроенном «Союзом монистов», открыто защищал, при поддержке богословов Штейделя и

Липсиуса, свою точку зрения и совершенно разбил возражения противников. **Но выставленные им здесь тезисы мы можем принять только отчасти**: они страдают той же методологической слабостью, какую мы отметили и характеризовали у Каутского. По Древсу, всё важное, значительное и существенное в религиозном смысле взято христианством из еврейских и языческих источников. Некий же «невыдуманный» остаток, который всё же получается при этой работе выделения, представляет собой нечто второстепенное и лишённое значения. (При этом Древс, конечно, совсем не интересуется тем, что для нас представляется самым важным, — а именно экономическими и классовыми отношениями). Крещение, тайная вечеря, распятие и воскресение христа, — всё это только культовая символика мифического, а не исторического Иисуса, и возникновением своим она обязана **дохристианской** вере в еврейско-языческое божество-спасителя. Христианство не внесло никаких или почти никаких новых религиозных идей.

Интересно, что Древс, говоря об идеях, замечает в известном смысле правильно, что у либеральных теологов в подавляющем большинстве нет веры в идеи. Но мы не может стать на идеологическую точку зрения Древса; иначе мы пришли бы к признанию идей самостоятельными силами, распространяющимися по земле и управляющими миром. Не можем мы следовать за Древсом и тогда, когда он пытается создать замену старой религии; это уже само по себе предприятие не материалистическое, а Древс ещё идёт к нему откровенно метафизическим путём. Само собой понятно, что от таких воззрений нас отделяет целый мир; но зато, когда такие люди, как Древс и Кальтгофф, которым нельзя отказать ни в мужестве, ни в последовательности мысли, с состраданием пожимают плечами по поводу отсталого разрешения Каутским вопроса об историческом Иисусе, мы их вполне понимаем.

И Кальтгоффу, конечно, недоступен настоящий материалистический подход к проблеме, и недаром он исторический материализм перекрещивает в «материализм реалистический»; но он безусловно приближается к марксистской точке зрения и поэтому приходит во многих случаях к поразительно верным выводам. Разумеется, методологические оговорки по поводу марксистского понимания истории не могут не отражаться вредно и на самом его исследовании. Достаточно следующего примера: троичность божества он объясняет тем, что в тринитарианской церкви слились три культурных течения древнего мира: римская политика (бог — дух святой), греческая философия (бог — сын) и иудейская теология (бог — отец). Неужели епископы на вселенских соборах могли бы, как это случалось не раз, вцепиться друг другу в волосы из-за этой самой святой троицы, если бы она была понятием с таким академическим содержанием? Гораздо скорее здесь дело шло о важнейшем для самого существования духовенства вопросе, о его тактике по отношению к массе рядовых членов общины, о наиболее подходящей формуле объединения веры в создателя, сверхчувственную первопричину, веры в священнослужителя, видимого сына божия и веры в церковь, в общину праведников. Но об этом в другом месте.

Противоположность между духовенством и мирянами, т.е., в конечном счёте, классовое противоречие по общему правилу оставляли в стороне и игнорировали до сих пор все исследователи раннего христианства; между тем, это как раз тот пункт, с которым становится вполне ясным происхождение последнего. В этом отношении Древс и Кальтгофф избегли, по крайней мере в главных чертах, ошибки Каутского. Они не приняли за чистую монету то сияние, каким церковь с определённой целью окружила начало христианства, не стали прославлять добрые старые времена, не приняли идеальный вымышленный образ богочеловека христа за историческую личность Иисуса. У них нет пропасти между некой первоначальной детской чистотой и невинностью и позднейшими «извращениями» христианского учения, нравственности, мысли и организации.

Те разные социальные тенденции, которые, по Каутскому, сменяли друг друга, нужно, наконец, признать одновременными и переплетающимися, определить их как классовые

противоречия; это — важный методологический шаг, который спасает от капканов, расставленных представителями богословия, пишущими «историю». Каутский не видит влияния более высоких по своему положению общественных слоёв в самом начале христианства, он видит в нём только движение снизу вверх и высказывает сожаление о том, что оно было позднее искажено и изуродовано вмешательством образованных и состоятельных классов, а также и самым процессом распространения из Иерусалима по всей языческой римской империи.

Каутский, забыв о диалектическом методе, не замечает, что это движение снизу само было вызвано угнетением и насилием, возбуждено лицемерием, ложью, пустыми обещаниями, постоянно обманываемыми надеждами на избавление от земных бед: оно поэтому является продуктом классовой борьбы верхов против низов, т. е. против пролетарской массы; да и сама эта масса и с экономической и с идеологической стороны — продукт господствовавших тогда общественных и хозяйственных форм.

Евангелия, созданные церковными писателями, считаются с настроением массы мирян и революционеров, но только для того, чтобы использовать его в целях руководящей верхушки общины, например, как угрозу скупым богачам, которые ничего не жертвуют церкви. Евангелия идеологическими средствами стараются подавить оппозиционное движение, предотвратить серьёзные революционные выступления. Поэтому никому не удалось и не удастся, как и Каутскому, открыть в новом завете ясного, никакими противоречиями не затемнённого, образа христа-революционера, какие бы при этом ни избирались редакции и обработки евангелий: ни одна из них не была выражением исключительно стремлений низших классов. Эти литературные произведения — работа духовенства, а это значит, что они представляют собой изображение стремлений низшего класса в том виде, в каком они отразились в головах его противников.

В этих массах, конечно, жила мысль о коммунизме, хотя бы только о коммунизме потребления, общности имуществ, коммунизме раздела. И в евангелиях, и в деяниях апостолов коммунизм выставляется как идеал и остаётся идеалом. В практической жизни церкви он выступает лишь в форме зависимости её членов от общинной кассы, от церковного имущества: они пополняют её подарками и пожертвованиями и, в свою очередь, получают из неё пособия. Церковный коммунизм — стремится явным образом выжимать деньги и из карманов богатых, но это вполне объясняется условиями того времени. Однако от революционно звучащих угроз по адресу имущих было очень далеко до осуществления их силой и до основных социальных реформ. И это расстояние увеличивалось по мере того, как христианское духовенство сближалось с высшим общественным слоем и становилось частью его.

Каутский находит «энергичными, но в то же время неопределёнными» те революционные стремления, которые вызвали, по его мнению, древнейший евангельский образ христа. В соответствии с этим он и рисует основателя христианства атаманом бунтовщиков, погибшим в одном из дерзких предприятий, но ещё при жизни производившим на своих немногочисленных приверженцев «неизгладимое впечатление». «Неизгладимым» это впечатление должно быть для того, чтобы объяснить его могущественное действие в последующие времена. Кроме того, Каутский, по-видимому, в этих именно чертах: «энергия, но неопределённость», — усматривает пролетарский характер революции.

Что же произошло с этой великолепной революцией, когда в неё вмешались и дали ей направление непролетарские, оппортунистические элементы, когда революционные тенденции преломились в поповской среде и воззвания полились уже из уст святых отцов? Она перешла в свою противоположность, в проповедь мира. Так по Каутскому.

Разумеется, такой пацифизм и альтруизм существовал и с самого начала в форме сознания взаимного братства у значительной части христиан. Оно восходит, развившись особенно в период

государственных гонений, ещё к лозунгу «Любите врагов своих», выставленному расчётливым фанатизмом.

Мужество исповедников, их готовность жертвовать собой были сильнейшим средством пропаганды, и этого не могли не понять руководители общины. Поэтому епископы только ввели в известные рамки революционное одушевление, чтобы можно было собирать с него кровавую дань, но высшей заслугой объявили благочестие. Массу народа не возбуждали к атаке против правительственной власти, чтобы не вызвать преждевременной вспышки революционной энергии, но где борьба загорелась, там требовалось, как идеал, исповедание веры, даже пред лицом смерти, и соблюдение заповеди «любите врагов своих».

Часто преследуемым должна была казаться очень тяжёлым ограничением допустимость **лишь пассивной** борьбы за победу их класса, дозволительность только отказа приносить жертвы перед статуей императора. Но в этих гонениях выросло христианство. Это всё-таки был период революционной борьбы, хотя настоящее оружие зазвучало позднее, в руках христианских солдат, определивших исход гражданской войны и приведших Константина к победе.

Если любовь к ближнему революционна, то христианство, конечно, было революционным. Но ведь Каутский понимает «революцию» не так. Он думает отыскать её в Палестине первых времён Римской империи, где ещё теплилась последняя искра национальных восстаний, не растоптанная ногами римских легионеров. Вот — «революция» Каутского, породившая будто бы христианство. Он не замечает, что христианская религия была рождена гораздо более широким социальным движением в мировой римской державе, что вожди этого движения смотрели на национально-еврейское восстание лишь как на иллюстрацию к своей идее об идеальном богочеловеке, полезную, например, как средство обуздания революционных порывов христиан. Авторы евангелий были слабо проникнуты иудаизмом; это, вероятно, эллинизованные евреи.

И сам Каутский оказывается добрым христианином, охотно влагающим меч в ножны. В те времена, когда им написано «Происхождение христианства», он имел ещё сравнительно правильное представление о революции: «Путь к власти», написанный тогда же, удостоверяет это. Но с тех пор, как большевики опередили его и осмелились вступить на путь к власти без его благословения, Каутский всё больше переходит на поповскую сторону и рекомендует мирное соглашательство. От революции — к пацифизму и оппортунизму, — вот его путь, и его же он видит в ранней истории христианства. Уже из этого можно заключить, что марксизм Каутского был весьма поверхностным даже и в ранний период его литературной работы. При ближайшем рассмотрении такие научные произведения Каутского как «Происхождение христианства» обнаруживают вопиющие промахи. Слово и дело, теория и практика совершенно разошлись между собой в этом сочинении; на это указывают многие места, а именно те, где Каутский говорит, что с принятой им точки зрения можно было бы вовсе не упоминать о личности Иисуса и объяснить христианство, не вводя этого лица. Конечно, Каутский, как и Меринг, усвоил это радикальное положение, которое защищал ещё Бруно Бауэр; но на практике произведение Каутского выворачивает эту теорию наизнанку. Ни в коем случае он не объясняет христианства без помощи личности Иисуса, наоборот, вся его схема возникновения христианства в существенных чертах целиком примыкает к богословскому взгляду, по которому эта религия основана человеком Иисусом. Только Каутский делает основателя христианства революционером-пролетарием, чтобы он мог прийтись по вкусу и доброму социалисту; в том же духе изображает он и само учреждение, общинную организацию христиан в первые времена. Каутский, конечно, не мог бы честно поддерживать в течение долгого времени такой идеал, такое построение, которое не мирится с историческим материализмом.

Казалось бы, к Каутскому можно отнести те слова, которые написал Кальтгофф в первой главе своей книги «Проблема христа»:

«Самой трудной, но и самой благодарной задачей социологического изучения христианства является, без сомнения, история христианства первоначального. Здесь методы современного исторического исследования должны подвергнуться решительному испытанию. Если они окажутся непригодными здесь, уже нельзя будет претендовать на их всеобщую применимость».

«Решительного испытания», по выражению Кальтгоффа, Каутский, разумеется, не выдержал. Но исторический материализм при этом не потерпел неудачи, как думает, судя по вышеприведённым словам, Кальтгофф: провалился только Каутский со своим извращением марксистского метода, Каутский, который в этом случае должен спустить свой флаг даже... перед богословом Кальтгоффом.

С. Герзон

Проституция и католическая церковь

(в средние века и в эпоху Возрождения)

В истории господства капитала главе об истории проституции принадлежат самые скорбные и вместе с тем самые позорные страницы.

Проституция как социально-экономическое явление есть, в сущности, обращение чувственной любви в безличную товарную единицу, которую может покупать всякий, когда и как угодно.

Уже это одно предполагает неравенство экономических сил в руках отдельных общественных группировок; должен быть класс материально мощный, который обладает возможностью покупать, и класс материально приниженный, который вынужден продавать право получения чувственного наслаждения.

Половой инстинкт сам по себе не может быть рассматриваем как экономический фактор, но всякие выявления этого инстинкта неизбежно обусловлены экономическим состоянием общества.

Поскольку, с одной стороны, обладание ценностями будет совершенно одинаково у всего населения, поскольку, с другой, женщина будет чувствовать себя не порабощённой, а абсолютно равной с мужчиной, — постольку будут уничтожены самые корни проституции, — вынуждающие целые армии людей в целях возможности существования изыскивать пропитание ценой своей личности, постольку женщина всячески будет сопротивляться попыткам лишить её человеческого достоинства и превратить в средство наслаждения мужчины, в орудие его господского права.

Но в условиях экономического неравенства общественных групп и приниженности женщины «прелюбодеяние и проституция являются неизбежными социальными явлениями»[1].

Деклассирование тысяч людей, вызываемое развитием капитализма, необходимо ведёт к пополнению кадров проституток женщинами так же, как к пополнению военных армий — мужчинами (ландскнехты, наёмные солдаты современных стран).

Любая историческая эпоха может дать богатый материал для иллюстрации этого положения, но средневековью и Возрождению — эпохам роста городов и сосредоточения капиталов, сначала в руках церкви и феодалов, а затем городских сословий, — принадлежит одно из первых мест в этой области.

Независимо от общих причин, которые рождают проституцию, указанные эпохи[2] имели специфические условия, заключавшиеся в том, что по мере развития индустрии в городах увеличивалось число холостых подмастерьев, не имевших права вступить в брак (ибо мастера боялись, что семейные интересы подмастерья могут быть пагубными для накопления богатств в пользу мастера), а это создавало прямую угрозу целости и «святости» мелкобуржуазной семьи.

Семья нуждалась в охране, бюргерство полагало, что, предоставляя подмастерьям возможность покупного полового общения, оно тем самым, во-первых, защитит своих дочерей и сестёр от ухаживания материально необеспеченных людей, и, во-вторых, лишит последних одной из побудительных причин вступления в брак; торговля телом, продажа и купля «любви» приобретают совершенно своеобразный характер; они признаются не только допустимыми, но и желанными.

---

[1] Эдуард Фукс. История нравов, т. I, стр. 4.

[2] Вернее, конец первой и вся вторая.

Нашей задачей является рассмотрение того, как услужливое католичество, с одной стороны, санкционировало своим божественным авторитетом эту волю светского капитала, а с другой — само плодило проституцию.

В средние века католическая церковь представляла собой, в сущности, огромное капиталистическое хозяйство. Рим являлся могущественным и жестоким эксплуататором, а объектом утончённой эксплуатации была вся католическая Европа.

Главными цитаделями экономического господства церкви служили монастыри, превосходя другие хозяйственные объединения эпохи мощностью и богатством[1].

Рим владел почти третью всей полезной земельной площади; входившие в «моду» индульгенции приносили громадный доход, представляя имущим лёгкий доступ в рай.

Прейскурант индульгенций, освобождавших и от духовной, и от светской кары, за сделанные или подготовлявшиеся преступления, свидетельствует лучше всяких слов об их характере.

Так, отпущение таких грехов как воровство и грабёж, подвиги частые для средневекового рыцаря и кавалера Возрождения, стоило различно, в зависимости от ценности добычи, но, во всяком случае, часть награбленного подлежала передаче церкви: это давало право на оставление другой части у себя.

За изнасилование плата была выше, чем за убийство отца или матери, если они не принадлежали к церкви. Первое доставляло — надо думать — больше удовольствия, чем второе.

Бесчисленные поборы и налоги в пользу Рима, примеры которых мы увидим ниже, охватывали все стороны жизни средневекового человека.

Церковь руководилась такими же интересами, как и всякое капиталистическое хозяйство. А это вело к внутреннему родству между нею и светским капиталом.

Выступавшая же в качестве революционного класса мелкая буржуазия, изведённая и церковными поборами, и низостью священнослужителей, благодаря узости материальных условий своего существования, не могла принести ничего иного, кроме самой куцей морали, прикрытой ханжеством и лицемерием. Попытки сбросить иго церкви, исходившие из широких народных масс, не могли иметь успеха и по неорганизованности этих масс, и потому, что церковь, борясь за своё могущество, успела стать союзницей господствующих классов и совместно с ними держала весь экономический базис жизни в своих руках. Тем готовнее шла она на помощь господствующим слоям общества, и обратно — они шли навстречу церкви.

Нравственные нормы, касающиеся половых отношений, более всяких других способствуют классовому обособлению; задачей католической церкви было установление «божественной» правоты классовой морали.

Вместе с тем, моральные догмы католичества всегда были только простым отражением экономических требований.

Опустошение Германии, вызванное продолжительной войной, так что на две женщины приходился один мужчина (точнее 2,5 к 1,5), а от 17 миллионов населения осталось только 4, — побудило Нюренбергский крейстаг разрешить каждому мужчине в течение 10 лет иметь двух жён.

Церковь, защищавшая, как мы это увидим ниже, моногамию, допустила осуществление постановления Нюрнбергского крейстага от 19 февраля 1653 г., — за двоежёнство никто не был предан анафеме.

С проституцией дело обстояло несколько сложнее; потребовалось «божественное» обоснование не столько её самой, сколько порождающих её условий: приниженности женщины, незыблемости брака, рабства и т. п., ибо проституция — только следствие этих причин.

[1] Процесс обращения монастырей из производственного союза в средство эксплуатации, поскольку он касается нашей темы, будет рассмотрен ниже.

Кроме этого, так сказать, прямого пути, церковь плодила проституцию окольной тропой — через аскетизм, монашество и борьбу с диаволом.

Наконец, представление о том, что божеству угодно господство ничем не ограниченного полового инстинкта, — также находило себе отражение и в христианстве вообще, и в католичестве в частности, — а это вело к особому виду проституции, якобы в честь бога, так называемой религиозной проституции.

Двойственный характер и самой религии, и её морали лучше всего демонстрируется на отношении католичества (да и всего христианства) к проституции: второй целью нашей работы является рассмотрение этого.

Мы остановимся сейчас только на средневековье и Возрождении, ибо экономические условия (а в зависимости от них и характер половой морали) этих двух эпох, как сказано, весьма своеобычны[1], а потому отличны и от предшествующих, и от последующих.

Уже отмечено, что необходимыми факторами существования проституции являются наличие рабства (в буквальном его смысле или хотя бы в виде господства одного класса над другим) и приниженность женщины.

Рабство, признанное Павлом[2], всячески поддерживалось католическою церковью, не устававшей напоминать пастве о покорности господам, ибо бедность является частью божественной программы мира.

Ярмарка живого тела обосновалась в Венеции, но затем, начиная с VIII века, перебирается поближе к папе, в Рим[3]. В 1051 году третий Римский собор объявляет рабынями всех женщин, живших со священниками. Архиепископ Реймский называет гнусными учреждениями городские общины, благодаря которым крепостные «вопреки всякому праву» избавлялись от власти господ.

Иезуиты объявляют бедность и приниженность «положительным и неизменным фактором божественной программы развития общества»[4].

Само христианское учение проповедует, что равенство не от мира сего, а потому рабские добродетели всячески превозносятся. Пауперизм и рабство делаются почти синонимами[5].

Как и рабство, положение женщины, прежде всего, определилось евангелием. Пётр называет женщину «немощнейшим сосудом (I Пётр. 3:7); в посл. к Тим. Павел объявляет её стоящей ниже мужчины, ибо она совершила грехопадение в раю; уже одно общение с нею пагубно — «хорошо не касаться женщины» (I посл. к Коринф. 7:1). Сам брак признаётся злом, от которого лучше уберечься: «имеющие жён должны быть, как неимеющие» (I посл. к Коринф.).

Проповедь аскетизма и воздержания у Павла тесно сплетена с женоненавистничеством...

Отцам церкви оставалось развить начатое евангелием.

---

[1] Мы считаем нужным здесь отметить, что, говоря о средневековье, мы имели в виду главным образом его последний, третий период, т. е. то время, когда феодальное хозяйство уже рушилось. Если мы в дальнейшем будем ссылаться на раннее средневековье, то только для того, чтобы лучше выяснить самые корни того или иного явления. Точно так же, ссылаясь на обстоятельства, которые формально имели место после Возрождения, мы только подчёркиваем невозможность указания точных границ для той или иной исторической эпохи.

[2] «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как христу». Посл. к Ефесян. 6:5; «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя божье и учение». Посл. к Тим. 6:1. То же самое у Луки, 17:7-10.

[3] Папы, не стесняясь, имели рабов и рабынь; Павлу III прислуживали рабы-сарацины; в более поздние времена папы и кардиналы держали при себе негритят; Николай V (XV в.) одобрил торговлю неграми.

[4] И. Блох. История проституции, т. I, стр. 583.

[5] св. Матфей говорил: «Semper pauperes habetis vobiscum». — Ш. Летурно. Нравственность. Развитие её с древнейших времён и до наших дней, стр. 378.

Ипполит, Иероним, Тертуллиан, Августин и десятки иных известных и неизвестных отцов церкви первых столетий христианской эры не уставали оправдывать и обосновывать приниженность половины человечества.

И так же, как в поучениях Павла, в проповедях его последователей трудно провести грань между служением аскетическим идеалам, с одной стороны, и махровым презрением и ненавистью к дочерям Евы — с другой.

По Ипполиту, женщина должна совершенно уничтожить свою личность; если она превзойдёт своего мужа знаниями или добродетелью, — всё равно ей надлежит скрыть превосходство, и особенно угождать мужу, как господину[1].

Св. Августин[2] отрицает за женщиной не только человеческое достоинство, но даже наличие человеческих и материнских чувств.

По Тертуллиану[3], женщина низвергла мужчину, «образ и подобие бога», открыла вход для диавола, ради вины женщины должен был принять смерть сын божий[4].

При таких условиях, а также при отсутствии в евангелии какого-либо указания на социальный труд[5], католическая теология мощью своего авторитета над тёмными умами, а там, где нужно было, — силой «обожествляла» неограниченное крепостничество, царствовавшее в средние века, и обращение женщины в товарную единицу.

Последнее находит себе явное доказательство во взгляде христианства на брак.

Вместе с тем, во внутренних противоречиях этого взгляда, обусловленных, с одной стороны, изменением социальной роли брака, а с другой — различным его классовым значением, — хорошо видно, как легко гнулась палка теологической морали.

Как мы уже видели, первоначально христианство вообще осуждало всякое общение с женщиной и рекомендовало воздержание от брака.

Если Павел рассматривал брак как нечто, чего лучше избежать, то Тертуллиан и Иероним совершенно его отрицали.

Однако уже св. Августин соединил ненависть к женщине с некоторым допущением брака, не считая даже обязательной моногамию.

Климент, описав бремя женской половины человечества, прямо признаёт брак, определяя женщине роль домашней рабы, её назначение — одевать себя, детей и мужа работой собственных рук и производить потомство.

В начале средних веков, вследствие сосредоточения богатств в одних руках (притом в руках мужчины) и желания передать эти богатства именно своим детям — устанавливается моногамия; первоначально брак является гражданским делом каждого. Лишь в XII веке церковь теологически утверждает единобрачие и осуждает всякое неосвящённое ею половое общение[6].

---

[1] Г. Плосс. Женщина в естествоведении и народоведении, т. II, стр. 366.

[2] Ш. Летурно. Нравственность.

[3] De cultu feminarum.

[4] F. Stöcker. Die Frau in der alten Kirche, s. 6.

[5] David Fr. Straus. Der alte und der neue Glaube, s. 62-64 и сл.

[6] Тогда же церковь обрекает на безбрачие священников. Только застланные или глупостью, или подлостью глаза церковников могут видеть в этом великое подвижничество. Просто в эту эпоху церковь формировалась в огромное капиталистическое хозяйство; его интересы требовали отречения от всяких иных; семья могла отвлечь священника от его основной задачи — служения во славу гегемонии церкви и для усиления её экономической мощи, — и духовенству брак был запрещён! Любопытно, что, запрещая брак, папа Григорий VII Гильдебранд ничего не имел против того, чтобы священники имели особых экономок, поповских кухарок. Ясно, что назначение последних было далеко от «защиты нравственности» священников.
См. Пьер Дюфур, «История проституции романских, германских и славянских народов», стр. 7.

С XIII века идёт рост городов и цехового хозяйства. Вместе с тем в городах появляются и обездоленные пришельцы из деревни, и дети почему-либо неудачливых и успевших обнищать подмастерьев и мастеров.

И вот цехи, дабы обезопасить себя от опасной конкуренции, от проникновения в свою среду материально необеспеченных элементов, объявляют себя настолько нравственными, что требуют для поступления в цех удостоверения о «свободном и честном происхождении».

Моногамный брак признаётся незыблемой святыней; развод, как могущий нанести ущерб интересам хозяйства, объявляется тяжким преступлением. Догматически католическая церковь устанавливает запрещение развода, ибо то, что «соединено богом, нельзя разлучать человеку»; с той же строгостью, с какой осуждались ранее половые сношения, — теперь они регламентируются, вплоть до приёмов совершения полового акта и положения в нём супругов.

В интересах бюргера эпохи Возрождения было иметь как можно более наследников, которые могли бы и дать ему подспорье, и продолжить дело, сохраняя богатства в одной семье, и потому церковь услужливо объявляет греховным отказ в совершении полового акта кем-нибудь из супругов при желании другого.

В брачном союзе должно быть произведено детей столько, сколько возможно; недопущение зачатия — грех[1].

В 1563 году Триентский Собор признаёт безусловную необходимость освящения брака религиозной церемонией; его святость и моногамность окончательно утверждены, все, кто имели несчастье любить вне брака, объявляются «блудниками и блудницами».

Железные ошейники, приковывание цепью к позорному столбу, обычно на площади, или около кладбища, специальные костюмы, в которых заставляли «блудную дочь» шествовать по городу на посмешище сытому бюргерству, наконец, — изгнание, — всё это практиковалось церковью в виде покаяния[2]. Дети «блудных» родителей лишались всяких прав, становились париями, будучи приравнены к детям палачей и живодёров[3].

Однако, наряду с этим, и общество, и церковь, признавали проституцию.

Причина этого в том, что проституция не рождала новых ртов, которые могли бы претендовать на достояние городских сословий, не увеличивала деторождения, и, следовательно, — с её стороны нечего было опасаться пополнения армии выходившего на историческую арену пролетариата[4].

Она же должна была отвратить половые вожделения подмастерьев и учеников от хозяйских жён и дочек и, наконец, могла составить новый источник дохода правящим классам церкви.

Изложенные выше взгляды на брак и положение женщины имели значение, конечно, только для мелкой буржуазии; меняясь тогда, когда этого требовали экономические условия, они легко перекрашивались и в зависимости от классовой принадлежности.

В среде феодальной аристократии, а затем городской знати женщина не должна была служить ни целям деторождения, ни в качестве экономического подспорья; она становилась орудием наслаждения.

---

[1] А. Форель. Половой вопрос, стр. 340-341.

[2] По неапольским законам XII в., женщина, «соблазнившая» мужчину, наказывалась плетьми; если же было установлено «нарушение супружеской верности», то женщине отрезали нос и в особо тяжких случаях выжигали на лбу клеймо. Мужчина никаким наказаниям не подвергался.

[3] Кампфмейер. Проституция, как общественно-классовое явление и общественная борьба с ней, стр. 9.

[4] В дальнейшем будет указан некоторый коррективк этому положению; отметим сейчас, что будущий истинный пролетариат в меньшей степени формировался из подмастерьев, а главным образом из элементов, выброшенных из деревни, разрушенной капитализмом. Дети «блудных матерей» могут быть причислены и к той, и к другой категории, ибо «блудными» матерями были или родственницы городских подмастерьев и бедных мастеров, или невольные изгнанницы деревни.

А если это так, то понятно, почему папы и кардиналы легко разрешали знати и частые разводы, и бигамию.

Даже идеолог окрепшей буржуазии Лютер следовал по стопам католических пап; признавая справедливость невмешательства церкви в брак и единобрачие, — он разрешил одному знатному вельможе двоежёнство.

Насколько было различно положение и назначение женщины в зависимости от её социальной (классовой) принадлежности, можно увидеть из следующего:

Немецкое брачное право XVIII в. основано на том, что муж — глава в отношении жены. В городовых положениях многих немецких (и австрийских) городов XI-XII вв. описаны унизительные наказания, которые применялись к замужним женщинам. В Испании муж обедал один: жена не смела сесть вместе с ним за стол.

В императорской хронике XII века, мы находим рассказ о том, как возвратившийся ночью муж, дабы испытать кротость жены, выплёскивает ей в лицо вино. Жена, не вымолвив ни слова упрёка или жалобы, с удвоенной любезностью продолжает услуживать мужу и его гостю[1]. В Англии владетельный лорд мог купить жену бедняка[2].

А рядом с этим, как легко устанавливается из разнообразных новелл и фаблио XIII и XIV вв., женщина знатного общества должна была быть «во всех отношениях прекрасной дамой»; она должна была уметь одинаково ловко расточать ласки и блистать умом. Входившее в моду в XIV веке монастырское воспитание служило целям подготовки знатной женщины к тому, чтобы она могла доставить максимум удовольствия мужчине.

Бок о бок с преподаванием латыни, пения и игры на арфе, лютне и итальянской свирели уживалось тщательное изучение искусства любви, прикрытое келейным ханжеством. Рос культ дамы и рыцарского служения. Так, женщина средневековья и особенно Возрождения — или раба, или орудие наслаждения, но никогда не самодовлеющая личность.

Очевидно, что католичество, оправдав условия, вызывающие проституцию, должно было признать и таковую как необходимое установление.

Августин указывает на то, что если бы была сделана попытка искоренить проституцию, то половой инстинкт своею всесжигающей силой уничтожил бы все общественные и семейные узы[3]. «Уничтожьте проституцию — и вы повсюду увидите разврат». Церковный писатель Сальвиан (398-480) находит, что дома терпимости — меньшее зло, чем внебрачные половые отношения; проституция должна быть оправдана[4].

Авторитетный теолог средних веков Фома Аквинский (1225-1274), опираясь на приведённые выше мнения, хотя и признаёт, что проституция — клоака, но «уничтожьте клоаку, и дворец станет нечистым и вонючим местом». Поэтому проституцию надлежит принимать как должное, как допущенное богом зло[5].

На вопрос Краковского городского совета о допустимости проституции известный иезуит XV века Фалькенберг ответил, что проституция допустима, «нужно терпеть меньшее зло, чтобы не допустить большего».

Под «большим» здесь разумеются внебрачные половые сношения и связанное с ними нарушение целости семьи. «Устав публичных женщин в женских домах», изданный в XV веке

[1] D-r F. Müller-Lyer. Phasen der Liebe. Eine Soziologie des Geschlechtsverhältnisses. Рус. пер. В. Базарова, стр. 62.

[2] В Уорчестре (иначе Вустер, на западе Англии, резиденция епископа) один подёнщик привёл для продажи на базар свою жену с верёвкой на шее.

[3] «Aufer meretrices de rebus humanis, turbaveris omnia libidinibus».

[4] De gubernatione Dei, VII; 3; по Блоху.

[5] «Permittet tamen aliqua male fieri in universo quae prohibere posset».

Нюренбергским городским советом, констатирует, что «ради избежания большого зла, публичные женщины терпимы святыми церквями»[1].

В XV веке две улицы Амстердама были отведены под дома терпимости; современный документ в объяснение этого ссылается на авторитет церкви: «В большом торговом городе, подобно нашему, невозможно обойтись без проституток. А так как их терпит святая церковь, то и мы не будем запрещать сношений с ними»[2].

Вместе с тем, отеческое око католичества следило за соблюдением христианской чистоты в домах терпимости: специальная полиция нравов должна была наблюдать за тем, чтобы к проституткам не смели проникать нехристиане — евреи, турки, мавры, а также... священники.

Следуя этому велению, королева обоих Сицилий Иоанна I, основав 8 августа 1347 г. в Авиньоне «для удовольствия публики девичий монастырь», в одном из параграфов устава точно указывает, кто лишён права посещения[3]. То же самое встречаем мы в грамотах XV в., изданных «контролем пятнадцати», высшим органом полиции нравов, в Страсбурге.

Конечно, такие запрещения повели только к тому, что появились специальные сводницы, обслуживающие нехристиан, а что касается священников, то Аве-Лаллеман [4], указывая на связь церковного языка с языком домов терпимости, справедливо объясняет это интимными отношениями, какие были между отцами церкви и проститутками.

Добавим ещё, что в Кёльне были изданы особые законы против сводней, доставлявших девушек духовенству. Во Франции для них существовал специальный термин «auberee».

Покуда мужчине необходимо было проявлять своё господское право, знатным сеньорам и нобилям покупать чувственные радости, а бюргерству — найти русло, в которое можно было бы отвести всё, что угрожало его развивающейся экономической мощи, — проституция была признана церковью, но вместе с неограниченным ростом проституции совершенно неожиданно появилась угроза, которая заставила церковь (равно и светское законодательство) обнаружить всю внутреннюю несостоятельность своей идеологии и увязнуть в противоречиях.

Прежде всего, вырастала целая общественная группа, по существу своему враждебная достаточным слоям общества, как враждебен всякий эксплуатируемый по отношению к эксплуатирующему.

Затем, стало выясняться, что проституция, культивируемая капиталом в значительной мере для охраны интересов семьи, вела, в конечном счёте, к её же разрушению, ибо клиентами домов терпимости оказалась не те, ради кого они были, главным образом, созданы, не рабочие слои населения, а мелкая и средняя буржуазия, купечество, духовенство, земельная и военная аристократия всех достатков. Цифры показывают, что проституция особенно сильно развилась в городах с богатым торговым населением. Так, напр., в Венеции в начале XV века было около 11 000 проституток.

Наконец, в качестве ценного подарка капитализма к уже бывшей в Европе гонорее был прибавлен сифилис (в эпоху Возрождения), получивший сразу же хороших проводников в публичных домах. В свою очередь, шкурные интересы городских сословий стали требовать защиты от дальнейшего роста проституции; правда, оппозиция касалась не столько самого установления, сколько проституток, ибо они неизменно посягали на карман.

---

[1] Ioseph Baader. Nürenberger Polizeiordnungen aus dem XIII bis XV Jahrhundert, s. 117. — Плосс. Женщина, т. 1, с 350.

[2] Цит. по Блоху. Ист. Прост., т. I, стр. 655.

[3] Если же еврей будет обнаружен в доме терпимости, то его «должно взять под арест и тотчас бичевать, водя по всем городским улицам». — Плосс, т. I. стр. 352.

[4] Das deutsche Caunertum, Teil IV, s. 72.

Моралисты мелкой буржуазии стали указывать, что «проститутка охотно принимает, но только деньги», что «когда публичная женщина ласкает — она имеет в виду не сердце, а деньги в кармане» и т. п.[1]

Государство начинает принимать ограничительные меры; регламентация преследует не только цели наживы на эксплуатации живого тела.

В том же цитированном выше Авиньонском уставе есть урезание на необходимость недопущения в дома терпимости больных девушек; аналогичные правила см. в знаменитом Ульмском положении (Присяга и правила для содержания публичных домов в Ульме, 1447 г.), в Нюрнбергском (XV в.) и многих других.

Страсбургские, Майнцские, многие голландские законы XIV и XV вв. запрещают женатым посещение публичных домов; полиции нравов вменяется в обязанность тщательно следить за исполнением этого правила.

Ряд епископов и видных церковных сановников (в том числе Фалькенберг) предлагают духовенству избегать появления в домах терпимости.

Церковь — двуликий Янус — со свойственной ей двойственностью, одной рукой допуская проституцию, другой вооружает против проституток, оставляя в стороне истинные причины зла.

Объявляя брак, совершённый ради любви, святотатством по отношению к таинству, грехом даже более тяжким, чем любовь вне брака[2], церковь, казалось бы, должна была признать внебрачную любовь, но мы уже видели, каким наказаниям и какому презрению подвергались «блудные» дети. Также противоречиво поступает она в отношении к проституткам: сочувствие и признание сочетаются с ненавистью и гонениями. В церкви проституткам отводятся особые места[3], для них не только светской, но и духовной властью устанавливается особая форма одежды, причём папы Юлиан III, Павел IV и Пий IV целым рядом эдиктов точно указали её вид; им запрещается жить по соседству с монастырями и церквами.

Папа Юлиан II пошёл ещё дальше; специальной буллой, изданной в 1510 году, он определил улицы и даже дома, где могли жить проститутки. Запрещение селиться вблизи монастырей было вызвано не только тем, что церковь стремилась окружить проститутку венцом презрения, но и тем, что, как мы узнаём из одного монастырского документа 1489 г. г. Неаполя), «из-за них [проституток] монастырь пользуется дурной славой». Впрочем, такие запрещения часто нарушались: в Неаполе, в Риме (около ц. св. Николая), в Авиньоне и др. городах дома терпимости были подле храмов и обителей, а в Авиньонском уставе прямо говорится, что дом терпимости должен быть построен «близ Августинского монастыря, простираясь до каменных ворот последнего» (§ 3).

С благословения церкви, Генрих IV Кастильский (XV в.), Карл I, Филипп II (XVI в.), Людовик (св.) IX, король французский, вели свои дикие преследования проституток.

Мы увидим дальше, что инквизиция в значительной мере была направлена против них же. Презрение церкви распространялось даже на мёртвых: во многих городах Испании и Германии умершую проститутку не хоронили на кладбище, а её зарывал палач в навозную яму[4].

Католичество испугалось своих проповедей: огнём и мечом там, где не помогало психическое воздействие, оно решило выжечь язву, освящённую его же авторитетом, ибо эта язва переместилась на тело тех, ради кого существовала церковь: на тело духовенства, бюргерства и аристократии.

---

[1] Фукс. История нравов, т. II, стр. 331-332.

[2] W. Wedel. Mittelalterliche Kulturideale, II, s. 48-51.

[3] Страсбургский устав о проститутках 1471 г.

[4] Вообще, обычно палач пли комендант тюрьмы были «шефами» проституток; любопытно, что в некоторых городах, напр., в Саламанке, «отец публичных домов» утверждался духовной властью.

Но, так или иначе, двойственная половая мораль, одновременное признание проституции и борьба с проститутками, обезображенная и самими методами, и презрением, устанавливала один общий взгляд: это низведение женщины с человеческого уровня, отрицание её как личности.

Женщина трактовалась только как средство для тех или иных целей мужчины в осуществлении им своего господского права.

В нашу задачу не входит доказательство того, что христианство и в своей идеологии, и в ритуалах переняло очень много от так называемого «язычества»; укажем лишь на то, что мысль о беспорядочных половых отношениях как о желанной дани богу осталась не чужда христианству.

Правда, догматически церковь энергично с этим боролась. Тем не менее, до VII-VIII вв. проституция как наказание, налагаемое в виде покаяния, и как добровольное служение, опиравшееся на убеждение, что чем больше позора на земле, тем больше почестей на небесах, трактовалась очень часто[1].

Таких видов проституции средневековье уже почти не знает, но оно ввело религиозную проституцию и сексуализм в отрицательной форме, — через аскетизм[2] и насаждение веры в Диавола, — как именно, увидим ниже.

Вместе с тем, даже позднее Возрождение не изжило ослиных и дурацких праздников, а также церковных оргий, устраивавшихся в честь какого-либо святого и заканчивавшихся повальным развратом.

Последние были особенно приняты в Иванов день, а также в ночь под Ивана Купалу. В Иванов день разгул переносился иногда из церкви в дома терпимости (напр., в Вюрцбурге). В Неаполитанском королевстве чествовали таким же образом св. Косму, причём монахи продавали восковое изображение большого пальца ноги Космы, имевшее вид фаллоса — несомненное отражение культа Приапа.

Дурацкие праздники устраивались в самой церкви; священники, по словам Дюлора, смешавшись с жителями, бегали, плясали, пели, сбрасывали с себя одежды, и вместе с молящимися «предавались самому бесстыдному разврату».

Когда же разгул переходил на улицу, светские примешивались к духовенству и, в одежде монахов и монахинь, исполняли сладострастные танцы, принимая все позы самого разнузданного разврата[3].

Кроме всех рассмотренных нами обстоятельств, развитию проституции способствовали аскетизм, ведьмомания и монашество.

Аскетизм на заре христианства возник как пассивный протест порабощённых и униженных масс, из среды которых вышло христианство, против римской тирании: неограниченной власти аристократов аскетизм противопоставлял послушание, необузданной алчности — отказ от всех земных благ, жажде чувственных наслаждений — совершенное отречение от них. Но поскольку христианская церковь крепла и из гонимой обращалась во властвующую, — поскольку менялись социальные условия, рушилась римская гегемония и возникали феодальные хозяйства католической Европы, — постольку должна была быть сведена на нет идеология аскетизма; он потерял своё внутреннее оправдание, оставив уродливые внешние формы. Будучи связан с верой в диавола, порождающего якобы земные радости, аскетизм всё плотское объявлял идущим от демона; благодаря такому взгляду, а также болезненному преувеличению обычных страстей,

[1] J. Bloch. Der Ursprung des Syphilis, B, II, 697-702.

[2] См. И. Блох, «Половая жизнь нашего времени», стр. 92 и сл.

[3] Цит. по Плоссу, т. I, стр. 362-363.

Особое значение имели так называемые мессы-ярмарки, устраивавшиеся после какого-нибудь определённого богослужения и в назначенный срок. Мессы заканчивались повальным развратом; наибольшей популярностью с этой точки зрения пользовалась Лейпцигская месса (XII-XVI в.).

мысль концентрировалась на эротике, вертелась вокруг женщины и всего, что хотя бы отдалённо напоминало половое общение: аскетизм преобразовался в отрицательную форму половой религии. Считая женскую любовь «диавольской», аскеты тем упорнее тешили напряжённое воображение описанием самого утончённого разврата, чем боязливее сторонились естественного полового общения[1].

Сексуальная фантазия создала целый канон половых извращений, который особенно пригодился инквизиции.

Середина первых десяти веков христианской веры замечательна развитием «духовных» браков[2], которые должны были представлять идеальное общение мужчины и женщины; вскоре эти браки обратились в настолько светские, что у брачующихся анахоретов возникали самые крупные неприятности, вплоть до обвинений в противоестественных пороках (Киприан, Павел из Самосаты, Афанасий)[3].

Аскетическое послушание выродилось в нарочитое самоунижение, в мазохистское издевательство над личностью, которое способно доставить особый вид сексуального наслаждения[4]; возникало самобичевание (флагеллантство).

Крёстным отцом средневекового флагеллантства надлежит считать доминиканца Дамиани (XI в.), который впервые собрал вокруг себя «организованную» «покаянную братию». Его достойным преемником в более позднее время был Антоний Падуанский (XIII век). Бичующиеся целыми процессиями, иногда весьма многочисленными (напр., в 1261 г. в Страсбурге собралось около 2 000 бичующихся), шествовали по городским улицам, распевая молитвы, нещадно избивая себя и одушевляясь получаемой болью.

Чума XIV века охватила всю Европу манией самобичевания; руководили флагеллантами сплошь да рядом женщины далеко не «святого» поведения.

Когда экзальтация достигла кульминационной точки, флагелланты бросались к проституткам, — возникали самые грубые половые эксцессы. Поэтому «покаянная братия» всегда содержала в своём составе проституток и сводниц.

С XV-XVI вв. флагеллантство заперлось в монастырях.

Из массового покаяния оно перешло в массовое утончённое наслаждение, которое поощрялось церковью как проявление самоунижения личности, признание её ничтожества.

Поскольку сам аскетизм средневековья принял уродливые формы, постольку все его порождения были отвратительны, но едва ли не самым отталкивающим являлся культ дамы.

Экономические причины его лежали в самом положении знатной женщины как предмета роскоши, как прихотливого тепличного растения. Чрезмерная любовь в браке, как это указано выше, считалась греховной; «греховность» её зависела от того, что при заключении брачного союза меньше всего думали о сердцах, а больше всего о кармане; поэтому от брака нечего было ждать любви, её надо было искать вне его.

Но плотское влечение к женщине считалось преступлением, и вот аскетизм, действуя по велению церкви, чтобы разрешить аристократии то, что считалось грехом для мелкой буржуазии, придал этому влечению особый характер — характер священного культа.

---

[1] Первыми христианскими писателями, посвятившими цельте тома виртуозному описанию разврата, были Ориген (III в.), Арнобий и Лактанций (IV в.); их работы касались сексуальных бесчинств язычников.

[2] Тертуллиан советует иметь «духовных жён всем тем христианам, которые не могут обойтись без женщины».

[3] F. Stöcker. Geistige Ehen im Urchristentum, s. 415.

[4] Под мазохизмом в буквальном смысле разумеется особый вид полового извращения, характеризующегося тем, что для удовлетворения чувства сладострастия мазохист должен испытывать боль или унижение; особенное наслаждение достигается тогда, когда истязание исходит от лица другого пола. — Ф. Рыбаков. Душевные болезни, стр. 95.

Он — следствие взгляда на женщину или как на воплощение греховной похоти, или как на христову невесту, святую девственницу, деву Марию. Идеализировалась не женственность, а именно девственность, что вело к тому, что в светской жизни поклонялись не собственной жене, а чужой, возлюбленной, якобы девственной для возлюбленного.

Конечно, такой культ принял форму самого земного разврата, где идеалистический мазохизм смешался с безудержными половыми сношениями. Общеизвестны подвиги рыцарей, совершаемые во имя дам; все эти отсечённые ради дамы пальцы, нелепые обеты, самообречение на голод и унизительные страдания, — достаточно всем знакомы, чтобы останавливаться на них[1]: это проявление самого уродливого мазохизма[2]. Даже во внешней форме культ дамы сохранил все черты общего флагеллантства.

Гельвальд в своей «Истории культуры»[3] повествует о рыцарях-флагеллантах, которые на страстной неделе, одевшись в батистовые рясы, наподобие монашеских, устраивали перед балконами своих дам форменные оргии самобичевания. Существовал целый ритуал владения бичом; высшим шиком считалось ударить так, чтобы кровь брызнула в лицо даме. Распалённая таким или подобным образом чувственность искала выхода; из многочисленных швенков, фаблио и новелл, а также и рыцарских стихов, известно, что дамы часто шли навстречу желаниям своих возлюбленных, но это совершалось после целого ряда испытаний, которые сами по себе будили половые инстинкты[4]. Купленная любовь должна была удовлетворить и естественную похоть, и мазохистскую извращённость, и поэтому добрый рыцарь ещё задолго до проникновения к ложу возлюбленной успокаивал страсть или в доме терпимости[5], или путём насилия; в XIV и XV вв. изнасилование женщин и девушек стало «бытовым явлением».

Для знатного вельможи женщина была или недосягаемой святыней, или проституткой, соответственно с этим, он обращался с нею или как со «смесью ангела и кретина» (Гав. Эллис), или как с животным.

Далее, сама сущность христианства породила ещё один фактор, чрезвычайно важный для развития проституции — это ведьмомания и религиозный сатанизм.

Дуализм христианства, разграничение духа и материи, аскетизм как служение духу должны были неизбежно породить явление обратное — служение плоти, которое якобы угодно сатане.

Лидер религиозной мысли средневековья, Фома Аквинский, вслед за Августином[6] и, главное, главное, Тертуллианом полагал, что есть развратные диавольские существа, которые, принимая телесную форму, могут вступить в половые сношения с женщинами[7]. В «Malleus Maleficarum» (по некоторым авторам, «Maleficorum»), книге Якова Шпренгера и Генриха Инститора, вышедшей в 1487 году, объясняется, как тайные чары любви приходят от диавола[8]. Для верующего христианина христианина всякая женщина представляла диавольское искушение по существу своего полового характера; она являлась не только соблазнительницей, но и объектом похоти. На каждом шагу мужчину ждали опасности, исходящие всё от того же всесильного властителя ада.

---

[1] О поэзии рыцарей и культе дамы см. у Мор. Карьера, «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества», т. III, стр. 429 и 459, а также L. Scherr, «Deutsche Kultur und Sittengeschichte».

[2] Укажем только, что рыцари считали особенным счастьем мыться той водой, которой уже мылась дама, или есть оставленные ею объедки.

[3] Нем. изд., т. II, стр. 477 и сл.

[4] Среди испытаний было и такое: рыцарь ночью пробирался в комнату своей дамы, ложился вместе с нею в постель, но не имел права полового общения.

[5] Даже знаменитый Ульрих фон Лихтенштейн утешался у «красавиц в Вене». — Scherr, стр. 121.

[6] По мнению Августина, общение диавола с женщиной способно вызвать у последней «холодный огонь»; значение этого термина не вполне ясно, предполагается, что Августин разумел гангрену.

[7] По W. Soldau, «Geschichte der Hexenprocesse».

[8] Аналогичные сведения у испанского доминиканца Ник. Эймерика, у Нидера, у Николая Факье.

Небесная иерархия — только отражение земной. Представление о диаволе меняется в зависимости от земного бытия; чем тяжелее и суровее жизненная дорога, тем страшнее диавол, тем он опаснее для человека. Развитие капитализма, начавшееся с разложением феодального хозяйства, приниженность и муки большей части человечества, угнетённого первоначально цепями феодалов, а затем правящих городских сословий, подготовило народное сознание к принятию идеи диавола.

Более того, развившийся торговый капитал вызвал необходимые следствия в виде неизбежного стремления расширять область своих владений, но для этого не хватало точных знаний; первоначальные стремления были обречены на внутренний крах и извращение; беспомощное человечество стало само искать чёрта, чтобы примирением с ним предотвратить неизбежность.

Церкви это было как нельзя на руку; уже с XIV в. владычество её начинало колебаться, нужно было пугало, чтобы держать в повиновении паству.

Диавол пришёл как раз вовремя, чтобы спасти гиганта на глиняных ногах...

Почему же именно женщина была объявлена носительницей диавольских чар?

Прежде всего потому, что женщин было больше, чем мужчин[1], часть из них неизбежно оставались вне производственного круговорота, — она ложилась бременем на мужское население, представляя, сама того не зная, горючий материал для бессознательной борьбы с накопляющимся капиталом (ибо являла собой первые отбросы его машины, первые человеческие массы, которые не могли применить свой труд)[2]. Затем, потому, что христианство установило с самого начала расчленение человечества на две половины: чистую, образ и подобие бога — мужчин, и нечистую — женщин, запятнавших себя первородным грехом.

Наконец, потому, что мужчина никак не мог понять тайного влияния женщины; она казалась ему не только греховной, но и обладающей таинственной силой, способной подчинить даже его господскую волю[3].

Женщины поддались внушению; сама идея общения с божеством увлекла наиболее экзальтированных из них; затуманенное сознание хотело установить эту связь, как нечто, что было способно хоть несколько выделить приниженную личность, не знавшую на земле ничего, кроме презрения. Церковь внедряла в сознание возможность даже непосредственного общения с духом; дух мог вступать в половые сношения и награждать ребёнком в отсутствии мужа; рождение считалось законным, если «осенённая» под присягой показывала, что дух в точности принял облик мужа и доставил те же ощущения, что и муж. Для такого «духовного» зачатия существовал особый термин *Lucina sine concubitu*[4]. Вполне понятны далее обещания отдаться святому, которые давали юго-западные кладоискательницы св. Кристофу (если он поможет им в работе); это «суеверие» чрезвычайно знаменательно потому, что, во-первых, хорошо характеризует влияние церкви, а во-вторых, потому, что ясно показывает, как сама женщина смотрела на себя, если не могла обещать

---

[1] В эпоху крестовых походов в некоторых местностях Европы на одного мужчину приходилось 5-7 женщин. — По Bücher'y (Die Frauenfrage im Mittelalter, стр. 4; Блок, Ист. пр. I, 563). Во Франкфурте-на-Майне на 100 *[так в оригинале, хотя это число на порядок отличается от остальных; возможно, должно быть 1000; прим. редактора журнала «Апокриф», 2012 г.]* мужчин приходилось 1100 женщин (в 1385 г.); в 1449 г. в Нюрнберге на 1000 м. — 1207 ж., в Базеле (1454) на 1000 — 1080.

[2] За это, прежде всего, говорят даты: булла папы Иннокентия VIII против ведьм, книга Якова Шпренгера и расцвет инквизиции относятся к последним годам XV в., т. е. к эпохе первых значительных экономических кризисов в Европе, прикрытых внешней мишурой жизнерадостного Ренессанса.

[3] По Людвигу Фейербаху (Das Wesen des Christentums s. 402, есть рус. пер.) — «Тайна первородного греха есть тайна полового влечения».

[4] Постановление Гренобльского парламента от 1637 г. даёт точное описание того, что надлежит считать «Lucina sine concubitu».

в награду ничего иного, кроме соития. Когда приниженному, больному уму была брошена идея сатанизма, — он с готовностью пошёл к ней навстречу, ибо видел в диаволе лишь второго бога, равного первому по могуществу и недосягаемости. Многие несчастные женщины сами уверовали в своё общение с диаволом; естественное половое чувство было ими возведено в культ, которому они ревностно служили. Различные возбуждающие средства, наркотики, алкоголь усиливали половое влечение, озаряя его мистическим светом[1].

Ведьма и проститутка стали почти синонимами. Так, через внедрённую в тёмное общественное сознание идею о связи плоти с демоном, католичество дарило средневековью и Ренессансу религиозную проституцию.

Прямым развитием демонической идеи в том виде, как она была взращена католичеством, были сексуальное сектантство и служение сатане. Возникшая ещё в первые века христианства секта николаитов, которая, по Ломброзо, считала беспорядочные половые сношения «религиозной обязанностью, а всякие излишества дозволенными и святыми», затем секты адамитов, пикардистов, каинитов, в более позднее время — тамплиеров, тюрлюпинов (XIV и XV вв.) и др. ввели у себя проституцию как религиозный ритуал, как мистерию. Правда, часть сект исходила не из мысли о служении диаволу, а из убеждения, что богу угоден грех как выражение человеческого ничтожества, но результат получался всегда один и тот же, — необузданный разврат, возведение проституции на трон священной необходимости.

Иногда целые монастыри были объяты диаволом; оргии принимали характер эпидемии, выливаясь, как это имело место в конце XIV века в южной Германии, во всенародный психоз. Проповеди монахов типа Савонаролы только увеличивали возбуждение страшными баснями о грядущем конце мира и о необходимости спасения. Спасение приходило в беспамятстве, в диких оргиях и плясовом аффекте.

Католичество само культивировало проституцию, но оно и боялось её. В то время как аристократка могла вполне удовлетворить свою похоть в среде мелкого бюргерства, всё большее количество женщин, отчасти по недостатку мужчин, отчасти вследствие затруднённости вступления в брак, не могло получить нормального удовлетворения полового инстинкта. Требовалось убрать часть женщин с жизненного пути; это легче всего было сделать с проститутками, ибо именно они были давно объявлены служителями диавола как носительницы чувственных наслаждений.

Эту роль выполняла инквизиция... Буллы пап Григория IX (в 1323 г.), Иннокентия VIII (5 дек. 1484 г.), деятельность доминиканцев Ник. Эймерика (XIV в., Испания), Ник. Нидера (XIV-XV вв., Германия), Ник. Факье и многих «великих инквизиторов» придают преследованиям ведьм характер исключительной жестокости и строгой систематичности. По «Malleus Maleficarum», всякая женщина — ведьма, для неё существует только одно наказание — смерть; можно говорить хорошо только о такой женщине, «которая не ведёт половой жизни»[2]. Во всей католической Европе во множестве возникают процессы ведьм, сплошь да рядом заканчивающиеся сожжением[3]. По отдельным процессам привлекается большое число обвиняемых; так, в 1610 г. в Лигроньо были по одному делу осуждены 53 женщины, из них 48 сожжены живыми.

Имущество казнённых шло в пользу судей и палачей.

Последним из указанных нами фактов, в которых так или иначе повинна церковь или религия и которые имели значение для роста проституции, является монашество.

---

[1] О ведьмах и ведовстве — см. книгу Лемана «История суеверий и волшебства».

[2] С. Г. Лозинский. Ист. инквиз. в Испании, с, 291.

[3] Так, в одной Лотарингии за 15 лет (вторая половина XVI в.) было сожжено 900 женщин, в 1507 г. в Бискае — 30; в 1517 г. в Каталонии осуждено 150.

Монастыри возникли в первые века христианства как производственные объединения, предназначенные для концентрации материальных и духовных сил в целях борьбы с язычеством.

Для осуществления этого, прежде всего, было необходимо подчинить частные интересы идее общности хозяйства; аскету, становившемуся монахом, ставилось безоговорочное правило отказа от личной жизни и частной собственности. Сама цель создания монастырей требовала от монахов прежде всего дисциплины, послушания:

«Монах, — говорит один из параграфов устава августинцев, — должен позволить руководить собой как убойной скотиной и быть в постоянном послушании». Монашеское стадо, достигавшее иногда огромных размеров (например, последователей св. Пахома, единовременно было 7 000 человек, а св. Жерома — 5 000), управлялось строго иерархической властью, представляя любопытнейшее сочетание коммунизма с неограниченной олигархией. Поскольку для монастыря являлось необходимым сосредоточить интересы его обитателей на созидании экономической мощи всей общины, постольку была обязательна регламентация половых отношений; первые монахи добровольно обрекали себя на безбрачие, дабы концентрировать все материальные и интеллектуальные силы на жизни самого монастыря.

Постепенно монастыри теряют свой первоначальный облик: разделение труда, сосредоточение сил, дисциплина, повышение средств производства, обособленность от светской жизни, — всё это превращает их, в сильные экономические объединения, в которых накопление богатства превышает нужды сочленов.

При натуральном хозяйстве излишки шли на помощь бедным, с развитием денежного — развивается торговля накопленными ценностями. Будучи окружён хозяйством, экономически более слабыми и разрозненными, представляя собой сосредоточие духовных и материальных богатств, монастырь делается союзом эксплуатации; он получает возможность использования чужого труда при личной бездеятельности. Мурнер говорит, что, если аристократка не могла выйти замуж, — она поступала в монастырь, но «не с тем, чтобы посвятить себя богу, а чтобы жить безбедно, как привыкла знать»[1].

Безбрачие монахов стало ещё более необходимым, чем раньше, ибо эволюция монастырей совпала с эволюцией семьи; интересы последней, при наличии развитого права собственности и наследования, если бы только монаху было разрешено вступать в брак, стали бы в определённый противовес к интересам монастырской общины.

Добровольно принятое решение сделалось обязанностью. Уже отмечено, что для окончательного обеспечения невозможности распыления церковных богатств и интересов священнослужителей папа Григорий VII ввёл безбрачие не только для монахов, но и для священников.

Ясно, что как для первых, так и для вторых отказ от удовлетворения полового инстинкта явился явно вынужденным[2], а потому он, не сдерживаемый никакими внутренними убеждениями,

---

[1] Томас Мурнер (1475-1537), знаменитый сатирик и бытописатель, бывший сам монахом. О нём см. Kawerau, «Murner und die Kirche des Mittelalters».

[2] Средневековый поэт Иоган фон Шварценберг так передаёт настроение монахини:

«Я бедная монахиня, часто оплакиваю втайне,
Что не могу сделаться светской женщиной...
.....
...Я пребываю здесь (т. е. в монастыре), мучимая ненавистью и завистью,
И жестоко страдаю от нетерпенья.
Моё тело здесь находится взаперти,
Мой дух блуждает в мире,
Моя вера поколеблена,
И я не знаю, угодна ли я богу»...

выливался в самые дикие, разнузданные формы. Появившиеся ещё очень издавна специальные руководства для борьбы с чувственностью, из которых в средневековье в наибольшем ходу были сочинения Амброзия «Руководство для монахинь» и Кассиановы «Conlationes partum» и «De instituts coenobiorum» (кроме них, очень многочисленны были часто анонимные послания — «De vita clericorum et monachorum»), — конечно, мало помогали делу.

Потребовался своеобразный корректив: представить духовенству право разврата при условии сохранения безбрачия; за это право взимать пошлины в пользу церкви.

Таким образом достигалась сразу двойная выгода: и церковь получала новый источник дохода, и святые отцы могли удовлетворять половые инстинкты. Французский проповедник Жересон писал: «Священник, совершающий даже самые безнравственные поступки, не нарушает своего обета, если совершает эти поступки как неженатый», — целомудрие «касается только отречения от брака»; единственное требование — развратничать тайком, «не в священных местах и с незамужними женщинами»[1]. Тайная исповедь, на которой путём гнусного выпытывания всего, что касалось интимных сторон жизни, исповедник доставлял себе утончённое эротическое наслаждение, обратилась в средство разврата. Вормсским епископом Бурхардом был составлен точный перечень вопросов, которые надлежит задавать на исповеди. Книга Бурхарда не сохранилась, но по ссылкам на неё[2], сделанным церковниками (Денс, Дебрейн, Лигори) можно судить, до каких изумительных пределов доходила насквозь проеденная развращённостью мысль «святых отцов»[3]. Сплошь да рядом дело шло гораздо дальше слов: в 1322 г. Оксфордский Собор Священников был вынужден запретить выслушивание исповеди в тёмных местах.

Тогда она стала приниматься на дому. В Кетенбаховской *Neue Apologia und Verantwortung Martini Lutheri* прямо говорится, что «первым плодом, происходящим от исповеди, является плод утробы».

В Брешии за исповедь женщина должна была платить десятину с супружеских обязанностей.

Насколько была велика связь между домами терпимости и монастырями, видно хотя бы из того, что первые получают терминологию аббатств[4]; проститутки именуются монахинями, хозяйки — аббатисами[5].

В женском монастыре Сефдингене, близ Ульма, царили такие бесчинства, что окрестное население потребовало закрытия этого «святого» дома терпимости. В монастырях окрестные дворяне проводили самые весёлые часы; так, в женской обители в Кирхгейме были такие нравы, что, как пишет граф Эбергарт Виртембергский в письме к сыну, «если бы это происходило в доме терпимости, то и тогда было бы слишком». Хронист Дитрих Нимский рассказывает, что «монахи и монахини живут вместе в монастырях и превращают их в дома терпимости, в которых совершаются самые гнусные преступления». Ревизия, происходившая в XVI в. в нижнеавстрийских владениях и в Баварии, обнаружила в мужских монастырях наложниц, а в женских — детей, происхождение которых было очевидно.

Гейлер из Кейзерсберга, умудрённый собственным опытом, констатирует, что «многие женщины входят в монастырь порядочными, а выходят девками». Монахини считались опасными конкурентами проституток; Ганс Розеплют говорит о последних:

---

[1] Цит. по Фуксу, Ист. пр., т. I, стр. 271.

[2] В центре исповеди стояло выпытывание нарушение 7-й и 10-й запов. (по Декалогу).

[3] Эти вопросы (Денса, Лигори, Дебрейна и самого Бурхарда) приведены текстуально в книге бывш. католического ксёндза Хиникви «Предсмертные разоблачения и факты из жизни “безбрачных ксёндзов”». Пётр. 1902 (русск. пер.), стр. 172-178.

[4] S. Weber. Die Möncherei, II, 21 и сл.

[5] Публичный дом в Шулухе в декрете Карла VI именуется даже «великим аббатством».

«Ещё жалуются они на монахинь, которым так удобно развратничать...»[1]. Городские куртизанки охотно посещали монастыри; аббатиса Геррард (XII в.) указывает на частое присутствие в «домах божьих» известных проституток[2]; имелись целые кадры сводниц и публичных публичных женщин, специально обслуживающих монастыри (испанское *trota convenotos*). Монахи сами были не прочь посводничать: в одном венецианском документе 1492 г. говорится, что среди высланных городом из страны за сводничество есть монахи и священники[3].

Боккачио и более поздний Касти только отдали должное духовенству, избрав именно его частым героем самых рискованных похождений.

Начиная с XII века для удобства воздержания от плотских наслаждений стали основывать двойные монастыри: мужской и женский рядом.

Думается, что ко всему изложенному комментарии излишни: чересчур очевидно, что с развитием монастырей, увеличением числа материально обеспеченных, бессемейных тунеядцев обоего пола строй проституток пополнялся монахинями, клиентов — монахами, а домов терпимости — монастырями.

Укажем ещё на одно явление, чрезвычайно ярко устанавливающее взаимоотношения церкви и проституции.

Время от времени отдельные представители церкви, а иногда она сама, выступали на путь филантропического благочестия; под эгидой святых отцов возникали специальные ордена для спасения «падших». Этим орденам присваивали, по большей части, имя легендарной Магдалины, якобы первой раскаявшейся проститутки; кроме Магдалины, в большом почёте были Мария Египетская, Пелагея, Афра, Маргарита из Кортоны (местная святая) и др. Учреждались специальные монастыри и дома для кающихся грешниц, напр., в Госларе, Вормсе, Эрфурте, Нюрнберге, Вене, Праге, Люцерне, Страсбурге, Монпелье, Брюсселе, Мекленбурге и мн. др. городах. Но церковь, конечно, была очень далека от действительной помощи женщинам.

Она полагала, что они только преступные развратницы, поэтому презрение следовало за ними и за стены монастыря[4].

Не думая устранить истинных причин проституции, церковь считала достаточным предоставить девушкам возможность покаяния. Дома «покаянных сестёр» и орденские монастыри превратились или в тюрьмы с ужасным режимом, или — при условии отсутствия труда — в обычные дома разврата.

Кающиеся сплошь и рядом убегали из обители или «впадали в сумасбродство», как это было, напр., в Нюрнберге, в Париже (XV в.), в Шпеере.

Более того: шпеерская хроника (да и др.) признаёт, что из кающихся выходят «весьма вредные сводницы», а общественное мнение говорит, что девушка, которой наскучили чувственные удовольствия, вступает в орден, чтобы «насладиться со вкусом и выбором» (Шпренгель).

В заключение — поведаем ещё одну позорную страницу: об экономическом использовании церковью проституток и о морали духовенства, поскольку последний вопрос не был освещён ранее.

Церковь, как и всякое капиталистическое хозяйство, стремилась, прежде всего, к ещё большему накоплению богатств; все средства были хороши, чтобы нажиться. Пока проститутку

[1] Auch clagen sie über die Klosterfrawer.

[2] J. Scherer. Deutsche Kultur und Sittengeschichte, s. 159.

[3] Нота Таддео Вимерканти миланскому послу в Венеции от 25 июня 1492 г., по И. Блоху, Ист. пр., т. I, стр. 589.

[4] Почти повсюду кающаяся должна была носить особую одежду; в некоторых городах она не имела права выходить из убежища; в других, вступив в него, она обязывалась всю жизнь оставаться «кающейся», в противном случае её ждали самые тяжкие наказания, вплоть до изгнания и казни.

можно было использовать, как товар, — до тех пор церковь, тщательно спрятав всякие догматы, не могла отказаться от самой бессовестной эксплуатации. А ввиду того, что к этому же стремились и города, и правящие сословия, и отдельные лица, — церкви приходилось или отпугивать их своим «божественным» правом на торговлю живым телом, или, если конкуренты были сильны, вступать с ними с дружеские союзы. Уже папа Бенедикт IX в первый же год восшествия на престол (1033) учредил особой буллой публичный дом в Риме, доходы с которого шли в папскую казну; епископ Майнца Дитрих в 1442 г. жаловался на то, что граждане города содержат дома терпимости без его, епископского, ведома, чиня тем ему ущерб «в доходе от развратных женщин и проституток»; в XII в. епископ Винчестерский получал доход с 18 бань «особого назначения» (в Соутуорке); епископ Страсбургский черпал средства из основанного им в 1309 г. публичного дома; Вюрцбургский епископ предоставил по ленному праву дом терпимости графу Генсбергу, маршалу епископства; папа Сикст IV «зарабатывал» на публичных домах до 20 000 дукатов ежегодно; аббатство Зелигенштадт-на-Майне имело источником доходов близлежащие публичные дома; во Франкфурте доходы делились между городом и духовными учреждениями; в Венеции и Риме дома терпимости содержали нобили, в компании с «многими духовными лицами и монахами». Иногда не целый публичный дом эксплуатировался «священным» владельцем, а только часть обитателей.

Агриппа фон Неттесгейм, эпически перечисляя доходы одного церковного сановника, пишет, что они состояли «из двух бенефиций, одного курата в 20 дукатов, одного приората, доставлявшего 40 дукатов, и трёх проституток в доме терпимости»[1]. Независимо от получения доходов с публичных домов, церковь взимала налог с самих проституток как за занятие проституцией, так и за нарушение правил об исполнении обязанностей[2]. Почти во всяком доме терпимости была кружка, в которую проститутки, обычно по субботам[3], должны были опускать известную сумму в пользу церкви. «Вольные» проститутки, если только они вообще допускались, также облагались податью; чтобы не пропустить какую-нибудь из них, в Италии и на юге Германии закон требовал, чтобы платили все странницы.

Получая доходы с публичных домов, церковь не забывала и того духовенства, которое имело наложниц. С XIV в. в Италии каждый клирик, внеся 7 grossi в пользу церкви, мог обзавестись наложницей; папа Сикст IV (XV в.), справедливо полагая, что всякий священник, если только он избегает домов терпимости, не преминет воспользоваться правом, покупаемым за 7 grossi, обложил всех священников податью.

О нравах духовенства мы уже достаточно говорили. Остаётся добавить немного. Вполне понятно, что монахи и священники, составляя большую часть холостого населения города (так, напр., в Майнце в XV в. на 5 750 человек было 500 человек духовенства, во Франкфурте-на-М. на 9 000 — 180-200), наиболее развращённого, наиболее сытого и наиболее паразитического, являлись главными клиентами проституток.

Городской совет Нёрдлингена в 1472 г. жалуется на то, что «попы слишком сильно посещают дома терпимости», а потому предлагает им делать это днём, «только бы они не оставались там на ночь», когда, очевидно, нужно место тем, кто днём занят работой. На церковные соборы тучами стекались проститутки: на Констанцском их было 1 400-1 600 человек, а на Базельском 1 800, на Триентском 300 «известных» (honestas); сколько же «неизвестных» — нигде не указывается. Вполне естественно, что проститутки охотно отдавались духовенству; в то время как, согласно хронике декана Сен-Тьебо 1420 г., половые сношения с 4 проститутками простому смертному

[1] По Фуксу, Ист. пр., I, с. 300.

[2] В некоторых случаях проститутки за упущения, кроме денежного штрафа, подвергались телесным наказаниям, которые, напр., по Гренадскому уставу 1539 г., могли доходить до 100 плетей.

[3] В Ульском уставе по понедельникам.

стоили столько, сколько одно яйцо, по хронике von der Haardt'а заработок проститутки на Констанцском Соборе доходил до 800 гульденов золотом.

Всё духовенство сверху донизу было изъедено развратом и отвратительной похотью: при дворе папы Мартина V имелись специальные покои, куда по вечерам собирались кардиналы и прелаты во главе с папой для эротических бесед и соответствующих действий1; в Ватикане кардинал Бибиена построил специальную ванную, где устраивались оргии для высшего духовенства; папа Иннокентий IV, покидая в 1251 г. Лион, хвастался, что он и его прелаты превратили весь город в один огромный публичный дом, «от восточных и до западных ворот», Иннокентия VIII называли «отцом отечества», такое множество детей было у него. На отвратительных произведениях испанского иезуита Санкеца, прозванного «доктором сладострастия», теологическим цензором Ватикана сделана надпись, которая определяет весь моральный уровень папских слуг: «читал и перечитывал с величайшим наслаждением»2. Иоанн XXIII, как говорит Дитрих Нимский, в бытность кардиналом Болоньи обесчестил 200 женщин, его собратья упрекали его в том, что он жил с 300 монахинями, имея постоянную связь со своей невесткой; Павел III, Павел IV, Юлиан II, Юлиан III, Каликст Щ, Лев X, Александр VI, Бонифаций VIII, Пий IV, Сикст IV и мн. др. были славны исключительной развратностью; многие из них были больны сифилисом. Юлий II по этой причине не мог допускать к целованию ноги: кардиналы Александра VI делали попытки если не вполне «обожествить» сифилис, то, по крайней мере, признать его болезнью избранных. Прелатам не было известно, что так же поступали язычники-инки, заведя себе специального бога сифилиса — Нанахуатля[3]. Конечно, мелкие сошки шли по следам крупных: от них, как это выразил ещё в XI в. епископ Дамиани, требовалось только одно, — чтобы они «предавались разврату тайком».

И поэтому вполне естественным является то, что к символическому красному фонарю, знаку дома терпимости, привешивали или подрисовывали кардинальскую шляпу.

Подведём итоги.

Проституция возможна только при условии классового неравенства, при экономической мощи одних общественных слоёв и слабости других, при закрепощённости брака и приниженности женщины. Католическая церковь средневековья и Возрождения представляла капиталистическое хозяйство; её интересы поэтому были общи первоначально интересам земельной аристократии, а затем — правящих городских сословий. Для бюргерства средневековья и Возрождения, в зависимости от шкурных побуждений, проституция была государственным учреждением. Церковь не только допустила её, но и прямо признала, «обожествив» порождающие проституцию условия. Вместе с тем, обнаружив нежданную для правящих классов опасность в быстром росте проституции, церковь окружила проституток презрением и временами способствовала гонениям. Она и сама плодила проституцию через аскетизм, монашество и ведьмоманию.

Аскетизм, в зависимости от изменения положения христианской церкви, принял уродливые формы самоунижения и флагеллантства и породил «культ дамы». И то, и другое, в свою очередь, породило дикий разврат.

Монашество создало целые армии похотливых бездельников обоего пола; монастыри обратились в публичные дома.

---

[1] Общеизвестны «представления», которые устраивались в папском дворце конюхами и проститутками для престарелых пал и кардиналов; их особенно любил Калликст III, 74-летний старик — и его свита.

[2] «Lege et perlegi maxima cum voluptate»; в то же время цензор нашёл необходимым переменить в учебнике геометрии термин «коническое сечение» на «хроническое сечение». Это было в 1607 г. — Пьер Дюфур. Ист. простит., стр. 15.

[3] Ш. Летурно. Социология, стр. 171-172.

Ведьмомания — неизбежное следствие самого дуализма христианства; часть женщин приняла идею диавола, ибо мнимое общение с ним несколько возвышало её, осенённую демоном, над общим презрением; родились религиозная проституция и сатанинское сексуальное сектантство.

Как всякое капиталистическое хозяйство, церковь в целях получения экономических выгод стремилась к порабощению слабых. Остановив взгляд на женщине как на товарной единице, церковь старалась эксплуатировать проституцию и право на покупное половое общение, только бы это давало ей новые источники дохода.

Духовенство могло служить светскому населению образцом развращённости; оно же первое пользовалось проститутками для удовлетворения своей похоти.

В истории проституции, таким образом, католической церкви и её святым отцам должно быть по праву отведено исключительно позорное место.

Фридрих Штейдель

Вымышленность
«страстной» истории Иисуса

Для того чтобы доказать тенденциозный характер евангелий, следует в первую очередь рассмотреть историю «страстей» Иисуса. Ещё в своей дискуссионной речи, произнесённой мной во время берлинского религиозного диспута (в 1910 г.), я указал на множество неувязок в истории страстей, здесь же я хочу ещё ближе заняться этим вопросом. В существеннейших своих аргументах я следую при этом основательным изысканиям В. Брандта («Die evangelische Geschichté»).

Прежде всего, приходится отметить следующие моменты в истории страстей, которые должны поразить знатока иудейской истории:

1. Согласно евангелиям, Иисус проповедует постоянно **в храме,** а между тем, синагога вовсе не была связана с храмом: храм был местом жертвоприношения, а не проповеди и поучения.

2. Далее, из «Древностей» Иосифа (1, 18, 2, 2) мы узнаём (на что, впрочем, Брандт не обратил внимания), что в праздник опресноков, который у иудеев называется «песах» — пасхой, жрецы имели обыкновение открывать ворота храма сейчас же после полуночи. Арест Иисуса должен был произойти, таким образом, как раз в полночь, когда все уже стремились на храмовой двор, а это ведь привлекло бы всеобщее внимание.

3. Откуда внезапно, безо всякой подготовки взялось так много свидетелей? Нигде в евангелиях нет даже намёка на то, как и где выискивали этих свидетелей. Евангелист, очевидно, даже и не задумывался над этим, ибо, когда он говорит о «лжесвидетелях», он имеет в виду лишь текст псалма 27:12.

Затем, если имеющееся перед нами у Марка сообщение о страстях Иисуса мы сопоставим с нормами иудейского закона, то мы непосредственно убедимся, что сообщение Марка в каждом пункте противоречит юридической практике древних иудеев.

1. Прежде всего, отметим одну маленькую деталь: согласно мишне, разведение кур было запрещено не только священникам, но и всему населению Иерусалима. Никакого петуха вообще не могло быть в иудейских местностях. Откуда же, тогда, берётся **пение петуха** в рассказе об отречении Петра?

2. Судебные заседания должны были, согласно закону, происходить днём, а между тем, суд над Иисусом происходил якобы ночью.

3. Самое существенное расхождение заключается в следующем: законом было строго запрещено устраивать судебные разбирательства по **праздникам** вообще, а в день пасхи, этого величайшего праздника иудеев, в особенности. О том, какими смешными приёмами богословы пытаются выпутаться из этого противоречия, даёт представление следующий пример: проф. П. Шмидель из Цюриха придумал в «Protestantenblatt» (№ 16) следующую штуку: «Председательствующему достаточно было только сказать в начале заседания: мы не устраиваем здесь **никакого** судебного заседания, мы просто подготовляем или составляем здесь жалобу Пилату. Тем самым устранялись всяческие юридические затруднения». Для богослова Шмиделя — да, а для иудейского синедриона?

4. Окончательный приговор должен был по закону последовать лишь через день. «Вот почему, — говорит трактат Сангедрин, — не судят ни накануне субботы, ни накануне праздника».

5. Ношение оружия было запрещено в субботу, так что первосвященник никак не мог выслать вооружённую храмовую гвардию для ареста Иисуса.

6. Иисус присуждается к смерти за **«богохульство».** Однако знатоки древнего иудейского права тщетно ломают голову, пытаясь догадаться, что же за «гиддуф», то есть, богохульство, в понимании иудейского права должно было быть приписано Иисусу, чтобы на нём мог быть построен смертный приговор. Все согласны в том, что признание себя мессией никоим образом не могло быть представлено как богохульство. За богохульство, скорее, могла сойти речь против храма, но ведь как раз это обвинение само евангельское сообщение не признаёт достаточным для вынесения смертного приговора. Кстати, не мешает отметить, что приписанное евангелием первосвященнику выражение «сын благословенного» нигде не встречается в иудейской литературе.

7. Согласно общепринятому иудейскому воззрению, «богохульник» должен быть **побит камнями,** и о таком побитии камнями какого-то Иисуса действительно рассказывает нам один иудейский источник II-го века (Сангедрин, 43, а) в тексте, который, по мнению некоторых исследователей, разумеет Иисуса. Но в таком случае исторически правильным был бы вопль: «Побей его камнями! побей его камнями!». Однако жившему вне Палестины автору истории страстей гораздо ближе и понятнее был крик: «Распни, распни его!».

Теперь мы понимаем, почему Брандт в итоге своего разбора истории страстей называет весь процесс Иисуса в синедрионе **«поэтическим вымыслом»** и заявляет, что все воззрение, согласно которому Иисус будто бы фигурировал перед синедрионом и был им формально осуждён, падает само собой. Мы присоединяемся к этому выводу Брандта, несмотря на то, что недавно Хвольсон (в его направленном против меня сочинении — «По вопросу о существовании Иисуса») выдвинул утверждение, будто кодекс мишны (каковую обычно считают вообще основным источником относительно религиозных моментов эпохи Иисуса, хотя она и была кодифицирована только в конце II века) выражает лишь раввинистские воззрения II-го века, но никак не религиозные воззрения иудеев, современные христу.

Утверждение это у Хвольсона ничем не обосновано. Оно совершенно не состоятельно, потому что как раз мишна была обязана своим возникновением стремлению сохранить старые установления закона, которые легко могли бы быть забыты после обеих иудейских войн — 70 и 135 гг. Так, по крайней мере, смотрели на дело все учёные знатоки иудейства и талмуда, кроме Хвольсона. Что иудейство во времена христа было совсем иным, чем во II-м веке, когда была написана мишна, никто спорить не станет. Но зато нельзя не спорить против утверждения Хвольсона, будто во времена Понтия Пилата у иудеев действовали не раввинистские, а **саддукейские** законоположения.

На основе этого взятого с потолка утверждения Хвольсон пытается взвалить осуждение Иисуса на **саддукейский** суд. Замечательно только то, что даже Иосиф ничего не может сообщить нам об этом мнимом саддукейском направлении в Иерусалиме. Хвольсон также совершенно не замечает, как он противоречит себе, сводя евангелия к сообщениям **очевидцев,** — те самые евангелия, которые абсолютно ничего не могут нам сообщить о противоречиях между Иисусом и саддукеями.

Он забывает, кроме того, что со времени правления Александра Яннея (за 200 лет до этого) Симон бен Шетах очистил синедрион от саддукеев и что все патриархи и председатели синедриона (8 пар до разрушения храма) нам досконально известны (хотя бы по их сентенциям в «Абот») как **чистейшие фарисеи.** Если бы саддукеи осудили Иисуса, то это не могло бы иметь официального значения: это было бы приговором заговорщической компании, в которую никогда не затесались бы знатные саддукеи. Но что важнее всего: на исполнение такого приговора наместник не имел бы ни прав, ни полномочий.

Но тут некоторые (и Брандт в том числе) нашли другой исход для того, чтобы невозможное сделать правдоподобным. Иисус, мол, вовсе не был формально осуждён иудеями, он, мол, пал

скорее жертвой непосредственного вмешательства римской государственной власти, которой провозвестник нового царства божьего на земле, пользовавшийся большим сочувствием и влиянием в народе, показался подозрительным. Но ведь в таком случае было бы просто непостижимо, каким образом современные событиям иудейские историки, столь ненавидевшие римский деспотизм, особенно Иосиф, промолчали бы об этом ярком проявлении деспотизма со стороны угнетателя.

Словом, как бы ни подходить к этому вопросу, мы неизменно натыкаемся на всё новые и новые затруднения и неразрешимые загадки.

Кроме приведённых выше затруднений отметим ещё несколько **внешних** деталей. На то обстоятельство, **что в евангелии Марка ни разу не упоминается имя первосвященника,** мне уже приходилось указывать. Затем, **умывание рук** в знак невинности является специфическим иудейским обычаем, который вряд ли уместен у римского наместника.

«Такой римский наместник, который настолько либерален, что позволяет себе отпустить арестованного или осуждённого, предоставляя выбор лица, подлежащего освобождению, на усмотрение народа, — такой наместник — просто невозможная вещь. Представление же, будто Пилат имел обыкновение делать это в столице каждый год и даже во время праздника, когда в городе бывало неспокойно, является совершеннейшею нелепостью», — говорит Брандт.

В евангельском сообщении кроется отдалённое воспоминание о том, что во время (римского праздника) лектистерний, согласно Ливию, узники отпускались на волю. Поэтому Брандт пишет:

«Своё последнее фантастическое оформление, данное нам в евангелии, указанная легенда могла получить только в Риме, где простой писатель-христианин мог выработать себе менее ясное представление о положении прокуратора в пограничных областях, чем на Востоке империи».

В заключение ещё одно слово по поводу сообщения **о тайной вечере.**

Евангелисты заставляют Иисуса справлять пасху не так, как она праздновалась **в его время,** а так, как это делалось у иудеев **в эпоху, современную им самим,** т.е. евангелистам. К этому внешнему моменту присоединяются ещё **затруднения внутреннего характера.**

Мне уже приходилось отмечать странное отношение Иисуса к Иуде. Разве Иисус, если он наперёд знал предательские намерения одного из учеников своих, мог не чувствовать себя обязанным повлиять и воздействовать на него? Он обязательно должен был бы это сделать, если только известное представление либерального богословия об Иисусе соответствует действительности.

Но в том-то и дело, что представление это привнесено либеральными богословами в евангелие, а не взято оттуда: **евангелист** и здесь подчёркивает предведение Иисуса лишь из своего стремления доказать, что вся история страстей является исполнением давно предрешённой воли божественного провидения, причём сын заранее был посвящён во все детали того испытания, которое он должен был вынести по воле божественного отца своего. Вот главная тенденция, руководившая евангелистом. Ни о чём другом, ни о таком внутреннем и внешнем правдоподобии или неправдоподобии этой истории сочинитель совершенно не задумывался.

Так, например, евангелист заставляет Иуду выдать себя самого «обмакиванием хлеба в блюдо» с Иисусом, причём ни один из апостолов не выражает даже своего возмущения по поводу того, что в их собственной среде находится человек, который собирается предать любимого учителя.

Но ещё непонятнее то обстоятельство, что одиннадцать апостолов непосредственно после предсказания Иисуса, давшего им все приметы для обнаружения апостола-предателя и для наблюдения за ним, невозмутимо позволяют Иуде идти своим предательским путём, т.е. отправиться к первосвященнику, в то время как они все сопровождают Иисуса в Гефсиманию.

Непонятным остаётся, несмотря на все многократные, остроумные, восходящие к Гёте попытки объяснить его, само предательство Иуды. В понимании же самого евангелиста Иуда является просто орудием, которое бог избрал для осуществления своего плана и спасения, причём у евангелиста мог действовать, во всяком случае, ещё и другой мотив, на который указывает само имя предателя, а именно: стремление охарактеризовать доносчика иудейского происхождения таким, каким его должны были представлять себе христианские общины II-го века.

Психологически непонятным, впрочем, остаётся также всё происходившее на тайной вечере, крайне сжатая и явно стилизованная форма рассказа о которой ясно указывает на её происхождение из литургического обряда.

Где же Иисус во всех приписанных ему синоптиками речах за исключением 10:44 Марка, хотя бы намёком подготовляет своих учеников к восприятию той идеи, которую он выразил в сцене с хлебом и вином? Разве мыслимо, чтобы ученики, непонятливость которых постоянно подчёркивается, как раз здесь просто, без всяких околичностей приняли загадочные слова Иисуса и не потребовали никаких объяснений и пояснений?

Совершенно непонятно, как может Хвольсон утверждать относительно этого беспримерного по своей краткости сообщения, будто оно содержит «столь блестящее, столь многокрасочное изображение настроения Иисуса».

Впрочем, если подходить к рассказу о тайной вечере с исторической точки зрения, то приходится столкнуться с противоречием, заключающимся в следующем: в то время как, согласно этому сообщению о вечере, сам Иисус, совсем в паулинистическом духе, выдаёт себя за основателя нового завета, главы Иерусалимской первообщины, согласно другим сообщениям, по-видимому, ни в коем случае не отрекались от старой религии закона, а напротив, боролись против её отмены.

Что касается сцены в саду Гефсиманском, которую евангелист изобразил особенно любовно, имея в виду современную ему действительность: гонение на христиан и душевную борьбу мучеников, — то ещё Древс указал на невязку в этой сцене: раз ученики спали, то кто же мог услышать моление Иисуса в Гефсимании?

Если ещё, в заключение, принять во внимание, что обо всех приведённых в истории страстей деталях в остальной древнехристианской литературе нет ни единого звука, то историчность всего сообщения оказывается более чем сомнительной.

Теперь можно подвести итог: **вся история страстей господних является свидетельством, не за, а против исторического характера евангелий,** и всё же она — документ первой важности для решения вопроса, как мы должны себе мыслить возникновение евангелий. Ведь здесь, в истории страстей, отчётливее обнаруживается **тенденция,** которой обязаны своим появлением евангелия в целом: они должны были служить обоснованием веры в то, что предвозвещённый ветхим заветом и предопределённый для роли мессии «страждущий раб божий», о котором можно было прочесть в известных текстах Исаии (53), Псалтыри (21) и «Премудрости Соломона» (5), явился уже до разрушения Иерусалима.

В самой сцене страстей все штрихи, начиная с отвергнутого Иисусом питья, заимствованы из ветхозаветных текстов. Даже слова наместника берут своё начало из греческого перевода ветхого завета (2Цар.3:28; Втор.21:8; Иер.51:35).

На Захарию мы уже указывали выше как на важный источник истории страстей, хотя относящаяся сюда критическая литература до сих пор ещё недостаточно оценила здесь значение как раз этого пророка. Древс также указал на то, что в третьей главе Захарии к первосвященнику Иисусу обращены слова господа: «Вот, я привожу раба моего, отрасль». Отрасль же является обозначением мессии, которая воспроизводится также в 6:10, где пророку предлагается

возложить венцы на голову первосвященнику Иисусу и Зоровавелю и сказать им: «Вот муж — имя ему отрасль, он произрастёт из своего корня, и создаст храм господень».

Известен также текст Захарии (9:9), который лежит в основе рассказа о въезде Иисуса в Иерусалим, причём особого внимания заслуживает стих 11: «Я запечатлею мой союз с тобой кровью и освобожу узников твоих» (в синодском переводе: «Ради крови и завета твоего я освобожу узников твоих»).

Дальше следует ещё обратить внимание на 11:12, сл., где находится текст, использованный для легенды об Иуде: «И они отвесили в уплату мне 30 сребреников, и оказал мне господь: брось их в церковное хранилище — высокая цена, в какую они оценили меня. И взял я 30 сребреников и бросил их в сокровищницу в доме господнем» (в синодском переводе: «В дом господень для горшечника»).

В главе 12:10 следует обратить внимание на текст: «А на дом Давида и жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на него, которого пронзили, и будут рыдать о нём, как рыдают о единородном сыне» и т. д.

Глава же 13 (2), несомненно, послужила основой для евангельских сообщений о многочисленных чудесах Иисуса с изгнанием бесов: «Нечистого духа удалю в тот день».

Наконец, следует обратить внимание также на 13:3 и сравнить этот текст и с 3:31, сл. Марка: «Тогда, если кто будет пророчествовать, то отец и мать его, родившие его, скажут ему: "Тебе не должно жить, потому что ты ложь говоришь во имя господа"».

Заслуживает внимания также и 13:1: «В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты». Возможно, что этот текст послужил основанием не только для включения Крестителя в евангельскую историю, но и для избрания Капернаума для роли «града Иисусова». Иосиф в своей географии Галилеи («История иудейской войны», 111, 10, 8) упоминает об одном «весьма обильном» источнике, оплодотворяющем округу и «носящем у её коренных жителей название Капернаума». Если бы это было именно так, то отпало бы возражение ф. Зодена, будто Капернаум «уже вовсе никакого отношения не имеет к мифу о спасителе».

Сцена издевательства солдат над Иисусом сработана, по-видимому, по определённому образцу, на что указал уже Г. Рейх, в своей чрезвычайно интересной статье о «Царе в терновом венце»(«Neue Jahrbücher», 1904 г., м.).

Рейх пытается доказать, что солдаты, издевавшиеся над Иисусом, действовали под влиянием мима (?). «Мим» — это чрезвычайно древнее простонародное представление, подражавшее скоморошьим шуткам и дававшее комическое изображение лиц и действий для увеселения низших слоёв населения. Рейх показывает, что в этом представлении иудей и шутовской царь были особенно излюбленными комическими фигурами. Он указывает, что Ирод Агриппа во время своего пребывания в Александрии подвергся подобным насмешкам и издевательствам черни, как царь иудейский.

Указанное выше комическое представление было в привилегированном положении в римской империи и не останавливалось даже перед тем, чтобы задеть самого императора. Всё это делает вполне понятной, по мнению Рейха, ту сцену издевательства, которую внезапно, как бы сговорившись, грубые солдаты из воинской свиты Пилата устроили в отношении Иисуса, которого они считали преступником, называвшим себя царём иудейским. Все эти издевательства и грубые насмешки были им отлично знакомы по излюбленному у них миму. Рейх хочет этим доказать, что сцена издевательства над Иисусом, приведённая в библии, исторична целиком.

Однако в действительности сцена эта могла быть выдумкой евангелистов, лишь подражавшей упомянутому миму. Цель этой выдумки очень ясна: праведник должен был претерпеть и эти ужасы и издевательства грубой и неразумной черни, он должен был проявить

здесь высшее смирение и безмерное терпение, явив собой несравненный образец гонимых христианам (ср. Промус «Die Entstehung des Christentums», 1905 г., стр. 67, сл.).

Впрочем, никакого сомнения нет ныне в том, что евангелист вдохновлялся не только указанными подробно ещё у Штрауса ветхозаветными местами, но и нарисованным у **Платона** образом казнённого на столбе праведника.

Наконец, совсем отчётливо обнаруживается тенденция ещё и в том, на что обратил внимание и Брандт, а именно: в стремлении евангелиста возможно более положительным изобразить **отношение Иисуса к римской государственной власти.**

Христиане прибегали к такому изображению для того, чтобы избежать преследований, которые чинились то и дело в их отношении потому, что их смешивали с иудеями, что они слыли иудеями и их земляками. Действительно, в начале 30-х годов 2-го века, когда последнее большое восстание в Палестине причинило римлянам много хлопот, когда иудеи в Риме подвергались тягчайшим притеснениям, христиане имели все основания для того, чтобы отмежеваться от иудеев и выдать себя друзьями государственной власти.

Евангелия и послания Павла написаны, несомненно, никак не ранее этого времени: они могли быть написаны только теперь и именно для указанной выше цели (Брандт, стр. 181). «Не было ничего более опасного для христианина в римской империи, чем предание, что христианство с самого начала рассматривалось римскими судьями как нечто опасное для государства. И вот, для того, чтобы литературным путём рассеять это опасное предубеждение, была выдумана евангельская история страстей» (Иоэль, «Blicke in die Religionsgeschichte»).

Что вся история страстей представляет собою искусственное построение, я уже показал в моей брошюре «Проблема христа и будущность протестантизма»; её совершенно замолчали наши богословы. Здесь я хочу воспроизвести из неё лишь самые необходимые соображения.

Совершенно очевидным является прежде всего то, что приурочение распятия Иисуса ко дню пасхального праздника (выбор вообще-то крайне неудачен) имеет свои основания в паулинизме, так как евангелие в целом должно было служить лишь исторической иллюстрацией к тому, что писал Павел в 1Кор.15: «...христос умер за грехи наши по писанию и погребён и воскрес в третий день по писанию». Крови ветхого завета, крови пасхального агнца многозначительно противопоставляется пролитая распятым кровь нового завета. Поэтому совершенно чудовищным является замечание ф. Зодена: «Почему в этой, в конечном счёте, вдохновлённой Павлом выдумке об Иисусе — совершенно отсутствует всякий намёк на паулинистское понимание христианства?».

Автору евангелия пришлось поработать и над тем, чтобы изобразить смерть христа как добровольную смерть; ему необходимо было убедить своих читателей, что распятие спасителя было добровольным подвигом, ибо без этого смерть спасителя навсегда осталась бы «соблазном» (Skandalon) для иудеев, которые не так легко могли привыкнуть к новому синтезу: мессия есть приносящий своей смертью спасение «страждущий раб» Исаии. Теперь же «соблазн» устранялся. Не напрасно евангелист заставляет своего господа трижды предсказать ученикам о неизбежности: и необходимости его страданий и смерти.

Сама необходимость эта обусловлена не реальным положением вещей, ну хотя бы слабостью Иисуса или его бессилием в борьбе с ненавистью противника, а заранее предустановленным и в писании наперёд предвозвещённым божественным планом спасения. Как раз подчёркиванием предведения Иисуса евангелист показывает, как легко Иисус мог избежать угрожающей ему опасности, если бы только он сам добровольно не хотел подвергнуть себя необходимой в интересах спасения человечества смерти.

Классическая формулировка идеи, лежащей в основе истории страстей, имеется в тексте послания к филиппийцам (2): «Он, будучи образом божьим, уничижил себя самого, приняв образ

раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и бог превознёс его».

Евангелист делает всё, что только мыслимо, для того чтобы устранить впечатление, будто крестная смерть постигла Иисуса как мессию, одержимого совершенно иными чаяниями, а не чаянием спасительного самопожертвования. Вот почему он за счёт внутреннего правдоподобия изображает драму смерти и страстей Иисуса как исполнение заранее предустановленной программы, которая во всех, даже мельчайших деталях (вспомним хотя бы стоящего наготове осла в Вифании и человека с кувшином воды, которого ученики должны были встретить в городе с миллионным населением) наперёд известна самому герою драмы.

При этом не следует упускать из виду, — я подчёркиваю это для устранения могущих возникнуть недоразумений, — что евангелист хочет изобразить отнюдь не «Kyrios» («господа») верующей общины, чающей сошествия его с небес, и не христа, дух которого пребывает в общине, а нечто совсем иное: он хочет изобразить страждущего раба, который сам себя, ссылаясь на 7:14 Даниила, называет таинственным именем «сына человеческого», для того чтобы этим именем затушевать подлинное своё существо.

В евангелии изображён скрытый под человеческой оболочкой сын божий, подлинное существо которого распознают лишь демоны и об истинном характере которого догадываются лишь ближайшие ученики. А запрещением сообщать кому бы то ни было об этом скрываемом мессианском достоинстве «сына человеческого», каковое запрещение евангелист неоднократно вкладывает в уста Иисуса, он пытается объяснить тот факт, что никто из современников Иисуса до благой вести о его воскресении ничего не знал о земной жизни и страданиях этого всеми чаемого мессии.

Для этого «сына человеческого», которого евангелист вводит в историю человечества, необходимо было выбрать также особое имя, и вот евангелист даёт ему то имя, которым издавна уже как чудотворным именем пользовались в иудейских сектантских кругах при изгнании бесов.

Возможно, что название этой секты сохранилось в слове **«назореи»,** оставшемся ещё до сих пор необъяснённым. Ибо весьма вероятным является предположение, что не слово «назореи» как обозначение сторонников Иисуса произошло от названия евангельской родины Иисуса — «Назарета», а наоборот: название «Назарет» образовано от слова «назореи». Мы нигде в истории не находим случая, чтобы религиозная секта получила своё название по родине своего основателя, а к тому же, **в литературе двух первых веков мы нигде не находим указания на существование города Назарета.**

Кроме того, было бы совершенно непонятно в случае, если бы сторонники Иисуса назывались по его родине, почему эта родина не названа нигде в новом завете, кроме евангелий. Наше предположение о происхождении имени Иисуса подтверждается также одним из тех немногих более древних текстов талмуда, где имя это упоминается. Текст этот (ТосефтаХуллин, II, 22-24) относится к первой трети II-го века, и в нём указывается, что именем Иисуса совершались исцеления[1].

[1]Статья представляет собой отрывок из книги соратника Древса — Ф. Штейделя, тоже отрицающего историчность Иисуса. — F. Steudel. Im Kampf um die Christusmythe, стр. 42-54.

У атеистов запада

От редакции

Предлагаем читателю — **как одно целое** — три статьи: проф. Гартвига «Частное ли дело религия?», Ф. Келица «Духовное разоружение пролетариата Германии» и Чэмпена Коэна «Кощунство по английскому праву».

Все эти три автора — активные работники Интернационала пролетарских свободомыслящих: Т. Гартвиг — председатель Интернационала, беспартийный профессор, по-видимому, симпатизирует лозунгам коммунистической партии; Ф. Келиц и К. Чепмен — в орбите симпатий к социал-демократии.

Более подробное освещение деятельности Интернационала читатель может получить из опубликованных нами в № 3 журнала «Атеист» документов об этом Интернационале.

Какое впечатление на **советского** читателя должен произвести доклад Ф. Келица о том, что в Германии, в Тюрингене, в законодательном порядке вновь восстановлено телесное наказание в школах!!!, что, например, в Баварии — государственные школы всецело, без всяких фиговых листков, переданы в управление церковников, что книга Отто Корвина «Зеркало папизма», появившаяся в 1848 г., вновь воспрещена к чтению в 1925 г.

В **Советской** Республике эта книга О. Корвина появилась в 1923 г., в течение нескольких месяцев распространилась по СССР в количестве 15 000 экз., и на всей советской территории у нас не найдётся **одного** церковника или одного доброго буржуа, который рискнул бы заявиться в какой-нибудь самый захолустный Совет с предложением изъятъ эту книгу и сотни книг, ей подобных, — хотя бы из местной библиотеки.

Характерны жадобы Ч. Коэна на преследование английскими судами (отражающими классовое ханжество английской буржуазии) английских антирелигиозников по статьям о так наз. «кощунстве».

Приводимые в этих статьях отдельные факты ярко отражают всю капиталистическую культуру Запада.

Само собою разумеется, что борьба с религией и церковниками на Западе до тех пор не даст реальных результатов для трудящихся масс, пока в плоть и кровь каждого члена Интернационала не войдёт убеждение, что на такой путь борьбы надо выходить, отказавшись от «политической нейтральности» и от тому подобных вреднейших проявлений пацифизма.

Искренний и **сознательный** активный атеист не может не стоять **за** низвержение господства буржуазии, **за** осуществление диктатуры пролетариата, **против** социал-реформизма.

Т. Гартвиг

1. Частное ли дело религия?

I. Религия, исповедание и церковь

Многие упрекают нас, свободомыслящих (такие упрёки слышатся нередко и из рабочей среды), в том, что, мол, мы ведём борьбу не только с церковью, но и с религией, что мы, мол, вместе с ванной выплёскиваем и ребёнка: «Пусть себе люди веруют, во что и как им угодно, была бы только низвергнута, т. е. выметена из политической жизни, церковь, этот оплот реакции. Долой церковь! Но религия, религия — это частное дело».

А между тем, разве церковь своим могуществом не обязана именно тем полчищам верующих, среди которых имеется на деле множество таких, которые веруют только наполовину, или даже на четверть, или даже таких, которые ныне являются уже мнимо верующими, которые только в метрических свидетельствах числятся верующими, разве не всем им обязана клерикальная статистика своим политическим значением? Разве могут свободомыслящие всех оттенков (а ведь среди них имеются и так называемые социалисты) всерьёз подумать, что нынешнее буржуазное государство бросает в жадную пропасть церкви многие миллионы ради одного своего удовольствия, что оно продолжало бы это дело, если бы церковь не в состоянии была выращивать миллионы чающих **потустороннего блаженства, т. е. чуждых посюсторонней социальной борьбе**, подданных? Разве могут эти свободомыслящие всерьёз поверить, что можно декретировать и действительно осуществить религиозную терпимость, продолжая иметь какие бы то ни было политические шашни с религией?

Эрфуртская программа когда-то вполне резонно говорила: «Мы требуем объявления или провозглашения религии частным делом, т. е. отделения церкви от государства. До тех пор, пока казённые деньги расходуются на церковные цели, до тех пор, пока государственные торжества сопровождаются богослужением, пока религиозные празднества справляются с обязательным присутствием на них представителей государственной власти, пока определённые исповедания пользуются оговорёнными в государственных законах привилегиями, — до тех пор религия не является ещё частным делом. Поэтому необходимо отделение церкви от государства, чтобы религия, наконец, стала частным делом». Отлично. Однако как прикажете осуществить это требование в обстановке буржуазной демократии против воли большинства, которое составляют верующие? Ведь с демократической точки зрения церковь совершенно права в своих претензиях до тех пор, пока она сохраняет за собой большинство. На это может существовать только один ответ: «Прочь от церкви!».

Надо страдать полным непониманием политического соотношения сил, чтобы думать, будто требование провозглашения религии частным делом может быть осуществлено в современном государстве без массового выхода из церкви. Буржуазное государство очень серьёзно считается с религиозностью масс, ибо религиозные люди легче поддаются управлению и эксплуатации, поэтому оно сознательно насаждает в своих школах религиозные «запросы» и «потребности», дабы укрепить и продлить свою власть. Ведь иначе как смогло бы меньшинство эксплуататоров подчинять себе огромное большинство эксплуатируемых? Уже Наполеону был известен этот секрет: «Религия — это узаконенное суеверие, которое охраняет богатых от истребления их бедными».

Одно только слово в этом изречении не совсем точно, а именно слово «религия». Конечно, всякая религия есть не что иное, как суеверие. (Великолепно сказал когда-то Герберт Спенсер: «Религия — это суеверие, которое является модным, суеверие — это религия, которая больше не

в моде»). Однако «узаконенная» и приспособленная для целей господства религия является уже исповеданием. В области религии отдельные верующие, в сущности, так резко отличаются друг от друга, что можно совершенно спокойно утверждать: на свете столько религий, сколько верующих. В каждом религиозном сообществе мы можем обнаружить все виды сумасбродных и вздорных идей, когда бы то ни было круживших и дурманивших человеческие головы, от грубой веры в колдовство до возвышеннейшего экстаза, от глупого страха перед злыми духами до блаженного ощущения слиянности с природой. Что, например, общего между «христианством» молящихся венку из роз и шепчущих непонятные для них литании словацких крестьян и «христианством» какого-нибудь Ангела Силезия? Или что общего между «религией» правоверного польского иудея, который боится осквернить субботний отдых даже такой работой, как сморкание носа, и «религией» талмудического каббалиста, который в каждом маловразумительном слове библии пытается обнаружить некий затаённый смысл.

В исповедании, в этом «узаконенном», «систематизированном» суеверии, — все верующие оказываются объединёнными некоей общей платформой. Вот почему всякая церковь придаёт особенное значение тому, чтобы чётко сформулировать те догматы веры, которые обеспечивают её политическое влияние. Богобоязненность означает, собственно, не что иное, как страх перед государством: исповедание призвано препятствовать революции. Воспитывать в населении веру в авторитет, почтение к «богоугодному» общественному строю, — вот, собственно, политическая задача политиканствующей церкви. Религия является лишь предпосылкой исповедания, и знаменательным является то обстоятельство, что церковь, столь нетерпимая к неверующим и инаковёрным, весьма терпима к своим «овечкам»: пусть себе эти «овечки» веруют, как им угодно, лишь бы они остались верными церкви! Религия — частное дело, но исповедание, исповедание — это политика!

Теперь нетрудно понять, почему каждая церковь озабочена тем, чтобы овладеть человеком сейчас же после его рождения. Если бы церковь действительно была только обществом верующих, она вполне могла бы удовлетворяться тем, чтобы в каждом случае дожидаться того момента, когда ребёнок вырос бы и сам бы решил вопрос о своём исповедании. Но в том-то и дело, что церковь отнюдь не является невинным религиозным обществом. Это — политическая организация, которая служит интересам господствующего класса. Она из кожи лезет вон, чтобы заполучить в свои лапы побольше «овечек» (делая это интересах своего хозяина, государства, а значит, и в своих собственных интересах), причём она применяет форменный террор для того, чтобы сохранить за собой те души, которые она уловила путём метрикации. При этом она вполне резонно рассчитывает и на косность, на равнодушие масс, которые туго поддаются всякому нововведению.

Тут не могут не вмешаться пролетарские свободомыслящие. Религия как внутреннее настроение каждого отдельного человека является, конечно, частным делом, и таковым пусть себе и остаётся. Какая нам печаль от того, что какой-нибудь рабочий по привычке или недомыслию продолжает бояться несчастливого числа «13», от того, что какая-нибудь работница надеется усердной молитвой предотвратить какую-нибудь беду, но вот исповедание рабочего или работницы отнюдь не является частным делом с точки зрения социальной борьбы, ибо церковь ведёт ожесточённую борьбу с социализмом, борьбу явную и тайную, с кафедры и из исповедальни. Папа Лев XIII назвал социализм «смертельной заразой», а епископы сплошь да рядом грозят рабочим, выбирающим социалистов или входящим в социалистические организации, недопущением к причастию.

Например, в Эссене один поп потребовал на исповеди от одной женщины, чтобы она отказалась разделять ложе со своим мужем до тех пор, пока он не прекратит своей

антиклерикальной пропаганды. Вспомним также последнее пастырское послание австрийских епископов, выпущенное ими к рождеству 1925 г.

Вот какие приёмы применяет церковь. Неужели после этого исповедание должно оставаться частным делом? Церковь служит оплотом реакции, церковь является союзником капитализма, церковь благословляла оружие в мировой братоубийственной бойне, церковь резко выступает против искусственного сокращения рождаемости, церкви нужны нищие и бедствующие массы, ибо нищета и бедствие располагают человека задумываться насчёт потустороннего блаженства.

Это знают все социалисты. И тем не менее, миллионы пролетариев продолжают оставаться членами церкви, и тем не менее, миллионы пролетариев продолжают посылать своих детей в религиозные школы, где из них воспитывают покорных рабов богоугодного капитализма, и тем не менее, отдельные социалисты продолжают метать гром и молнии против нас, злокозненных свободомыслящих, посягающих, мол, своей просветительной работой на «частное дело», на религию.

Мы, свободомыслящие, отлично понимаем, что рабочим партиям из тактических соображений приходится осторожно подходить к «священнейшим» чувствам тех своих членов, для которых социализм ещё не сделался их священнейшим убеждением. Мы не требуем также, чтобы партии вели антирелигиозную пропаганду. Однако именно потому, что скоро наступит время, когда для социалиста станет немыслимым быть одновременно членом враждебной социализму церкви, мы, свободомыслящие, обязаны вести сейчас свою просветительную работу, направленную на служение социализму. Пролетарское свободомыслие сознательно отдаёт себя на служение духовной освободительной борьбе пролетариата.

Конечно, и мы, свободомыслящие, избегаем неуклюжих прикосновений к «частному делу», к религии. Мы отлично знаем духовные корни человеческого суеверия, мы знаем, как живучи древние предрассудки, однако мы отвергаем религиозную ложь, мы вскрываем нелепость поповских выдумок, но особенно рьяно разоблачаем мы использование религии для политических целей. Пролетариат должен узнать, как бесстыдно господствующий класс при помощи церкви использует «священнейшие» чувства пролетариата для его духовного порабощения, это облегчает пролетариату возможность приобрести революционное классовое самосознание. Религия — это духовная немощь, несамостоятельность. Исповедание — это духовная порабощённость. Церковь — это духовная полиция капитализма. Путь к социализму ведёт через развалины церкви. Долой церковь!

II. «Частное дело» — религия

Религия является верою в надмирное в той или иной форме, а поэтому она по существу своему — чисто субъективное явление. Нельзя найти двух людей, которые были бы единодушны и согласны в своей вере, ибо представление, которое они выработали о непознаваемом, непостижимом «надмирном», зависит от их духовного состояния. Даже один и тот же человек может в процессе своего развития исповедовать разные религии, ибо в процессе этого развития меняется его духовный облик.

Будучи ребёнком, он рисует себе небо в сказочно-фантастических образах: милый боженька представляется чем-то вроде рождественского деда, ангелы и черти занимают выдающееся место в представлениях ребёнка о небе.

По мере того, как развивается эмоциональная жизнь ребёнка (в связи с пробуждением полового чувства), в его сознании начинают преобладать такие представления, которые носят чувствительный, сентиментальный характер. На этой ступени развития главную роль играет нежный образ спасителя, благостный лик богоматери и т. д. Этого сорта сентиментальная религия

очень близка сердцу женщин, которые под влиянием своего материнского чувства остаются нередко в эмоциональном отношении на всю жизнь большими детьми.

В процессе своей трудовой жизни человек перерастает эмоциональную стадию своего развития: мышление начинает играть всё большую роль в его духовной жизни. Однако в тот момент, когда начинает говорить в человеке рассудок, хотя бы то был просто здравый смысл человеческий, вера отступает на задний план. История безбожия является, таким образом, по существу не чем иным, как историей человеческого рассудка. В той мере, в какой получают преобладание взвешивающий рассудок и вскрывающий причинную связь явлений разум, в такой же мере развивается и безбожие[1].

Этим объясняется также и то обстоятельство, что деизм и пантеизм никогда не смогли сделаться массовым движением: в них слишком много духовности. Народ любит чёткие и ясные формы мышления: красивенькие духовные пластыри ему не по вкусу. Для удовлетворения запросов своего воображения народ пользуется, наряду с романтикой, кино и лубочными книгами, грубейшими, но зато наглядными баснями и выдумками религии. Здесь кишит у него целый мир духов и демонов, здесь фигурируют восковые сердца, страшные заклинания, заговоры и всякая прочая чертовщина. Для удовлетворения запросов сердца наряду с прочими умилительными вещами нужны совершенно конкретные наглядные религиозные образы: синее небо с приклеенными к нему звёздами, с седобородым господом-богом, с толстощёкими, играющими на арфах ангелочками (нельзя обойтись и без заботливого дворецкого — Петра с ключом и в туфлях). Чувство жалости удовлетворяется образами распятого христа (большинство изображений которого является, по существу, подлинным «богохульством»), бесчисленных святых мучеников, утыканных стрелами, истерзанных и израненных. Не менее наглядными и конкретными являются образы смерти, дьявола, чистилища и ада.

Однако половинчатости народ не любит. Стоит ему перерасти эту стадию детского сознания, стоит проснуться его здравому смыслу, — как он энергичной чертой подводит итог своему духовному хозяйству и ставит крест на всех своих благоглупостях. Он отвергает не только седобородого господа-бога, но и всякого другого. Межеумочные, ублюдочные представления не пользуются у народа почётом. Он враг всяких отвлечённостей. Ещё христианские отцы церкви не знали, как им быть со святым духом. В конце концов, дело спасли тем, что отождествили его с образом голубя. Сына божьего, который существовал раньше всех времён и который, тем не менее, рождён Марией, такого сына божьего ещё можно было навязать народу, он, по крайней мере, умер на кресте по всем правилам, но такого бога, который стоит в стороне от мира, или такого бога, который даже мира не сотворил, такого бога уважать уже трудно. Стоит ли молиться такому богу, который не в силах изменить что-либо в законах природы?

Таким образом, мышление человеческое необходимо приводит к безбожию. Когда социалист узнаёт, что эксплуататоры сами не исповедуют никакой религии, а только проповедуют её, дабы пролетарская овца была более покладиста при стрижке; что капиталисты и попы жиреют в этом мире за счёт труда пролетариев, которым попы обещают блаженство в потустороннем мире, когда социалист узнаёт всё это, — он неизбежно ставит крест над верованиями своего детства и с полным сознанием своих классовых интересов ведёт борьбу против фирмы «Капитализм и клерикализм», которая умеет извлекать дивиденды из верований народа.

И, несмотря на это, кое-кто осмеливается ещё говорить, что религия — это «частное дело»? **Клерикалы-то уже давно превратили религию в партийное дело.** Какой великолепный ответ дала конференция австрийских епископов на все половинчатые формулы и недомолвки социал-демократического партейтага в Вене: «Христианский рабочий, ты не принадлежишь ни к соц.-

[1]Ср. Ф. Маутнер, «Атеизм и его история на Западе».

демократии, ни к соц.-демократическому профсоюзу... Соц.-демократия — это гибель твоя и погибель всего общества. Не работай же сам для ускорения собственной гибели. Временные преимущества не могут вознаградить тебя за гибель души твоей. Решительный час близок. Пусть каждый сознаёт свою обязанность. Будьте начеку, прилагайте все свои усилия, чтобы укрепить свои ряды в собственных христианских организациях!».

Иначе говоря, христианская религия обязывает вступать в христианские профсоюзы. Вот что называется ясной постановкой целей и задач! А социалистические партии продолжают, между тем, нести околесицу о том, что религия, мол, является «частным делом»; ведь, кажется, не может быть никаких сомнений в том, что подлинный современник XX-го века может быть только безрелигиозным человеком. Как может быть рабочий истинным социалистом, если он в духовном отношении является ещё сыном средневековья?! Ведь именно безбожие и является самым отличительным признаком зрелости человека. Без преодоления религии, этого «червеобразного отростка» человеческого сознания, не может быть у рабочего революционного классового самосознания.

Глубокий смысл заложен в том шуточном стихотворении, которое когда-то Карл Маркс писал Бакунину в качестве посвящения: «Не станет лучше до тех пор, пока, несмотря на жандармов и святые таинства, последний царь не повиснет на кишке последнего попа»[1].

Это, разумеется, нужно понимать «духовно». В нас самих не должно больше быть почтения к попу и царю. Необходимо из сознания пролетариата вытравить всякие остатки монархических и религиозных чувств, всякие следы почтения к освящаемому таинствами и защищаемому жандармами буржуазному общественному строю. В этом-то и заключается существеннейшая наша задача, задача пролетарских свободомыслящих: **вести борьбу с духовной реакцией в собственных социалистических рядах**.

В борьбе с великолепно организованной религиозной коррупцией нам, естественно, приходится крайне осторожно обращаться с духовным «червеобразным отростком», который отличается большой чувствительностью. Нам не следует недооценивать силу религиозного предрассудка, иначе мы окажемся слабее церкви, которая выработала себе великолепное психологическое чутьё, которая применяет множество тонко подобранных и хорошо продуманных средств и приёмов. Начиная с маленьких иконок и образков, которые ребята приносят с собой из школы домой, и кончая пышными процессиями в праздник тела христова, рассчитанными на жажду зрелищ глазеющей толпы и тщеславие участников процессии, мы имеем перед собой тонкий аппарат, оказывающий сильное влияние на ум и чувство человека.

Особенно беспомощными оказываются перед лицом церковных ловцов душ женщины. Нам следует крайне терпеливо обращаться с ними и помнить, что женщины ныне находятся ещё в двойном рабстве (в производстве и в домашнем быту), что они поэтому вдвойне нуждаются в утешении. Женщины эти находятся в духовном родстве с теми бесправными рабами древнеримской империи, которые всю силу своего отчаяния вложили в грёзу о потустороннем блаженстве[2]. С теми женщинами, которые участвуют в производственном процессе, дело обстоит всё-таки лучше. Они знают, что социализм может стать действительностью лишь в том случае, если пролетариат не будет гнуть спины ни перед божественной, ни перед земной властью. В этом и

[1] Более известен вариант, приписываемый А. С. Пушкину:
Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.
Прим. редактора журнала «Апокриф», 2012 г.
[2] См. Гартвиг, «Иисус как Маркс».

заключается смысл известного изречения Карла Маркса о том, что пролетариату мужество ещё необходимее, чем хлеб.

Мы, пролетарские свободомыслящие, хотим и свои усилия приложить к тому, чтобы укрепить в пролетариате это мужество. Ни бог, ни чёрт — не должны нам мешать в осуществлении социализма. Пусть себе церковь грозит чистилищем, но если религия, это «частное дело», будет преодолена, то церкви не удастся внести расстройство в наши ряды своими шаманскими заклинаниями.

Таким образом, два аргумента выдвигаем мы, пролетарские свободомыслящие, доказывая необходимость просветительной и агитационной работы:

1. Религия в качестве духовного наследия давно минувшей, далеко превзойдённой эпохи препятствует развитию революционного классового самосознания, ибо предпосылкой этого самосознания является ясное и здоровое понимание хозяйственных и политических фактов.
2. Религия планомерно используется церковью для реакционных целей.

Первый наш боевой лозунг гласит: прочь из церкви! Он направлен к тем товарищам, которые давно уже не верят в бога, но которые по косности или недомыслию продолжают состоять в свите церкви, этого исконного врага социализма. Однако главная наша работа заключается в том, чтобы путём непрерывной пропаганды и просветительной деятельности воспитывать из отсталых рабочих современников XX-го столетия.

От пролетарских партий мы требуем одного — понимания наших стремлений и задач. Именно в этом смысле и составлен 14 пункт наших программных «направляющих линий»:

«Ввиду того, что пролетарское вольнодумческое движение отдаёт себя на служение пролетарской освободительной борьбе, мы требуем в интересах этой борьбы от каждой пролетарской партии поддержки в наших домогательствах и устремлениях. Каждая пролетарская партия обязана бороться за то, чтобы для государства религия была “частным делом”, однако для самой партии религия не может оставаться таким частным делом. Особенно от вождей и должностных лиц пролетарского движения необходимо требовать, чтобы они целиком и полностью стояли на почве марксизма, который непримирим ни с какой религиозной идеологией».

Ф. Келиц

2. Духовное разоружение пролетариата в Германии[1]

Положение пролетариата в Германии может быть охарактеризовано как троякое обезоружение.

1. Немецкий рабочий класс обезоружен политически.

В 1918 г. пролетариат на короткое время захватил власть в свои руки. Однако за последовавшие после революции годы власть эта шаг за шагом была вырвана из его рук. Пролетариат сделался настолько бессильным и бесправным, что в 1923 г. оказалось возможным вооружённое выступление в Саксонии и Тюрингии. Ещё ярче выступит это изменение политического положения, если вспомнить, что ныне мы имеем здесь правительство национальной партии, тогда как в 1918 г. в Германии было социалистическое правительство.

2. Немецкий рабочий класс обезоружен экономически.

В ознаменование «гражданского мира» буржуазия пустила в ход против пролетариата самые реакционные мероприятия. Определения закона о производственных советах превратились в собственную противоположность, немногие выгодные для пролетариата пункты этого закона целиком устранены. Восьмичасового рабочего дня не существует уже почти нигде. Социальное страхование сведено до минимума исключительными законами и скандальными процессами, проведёнными за последние годы по указке правительственных чиновников против рабочих.

3. К этому политическому и экономическому обезоружению пролетариата присоединяется и идеологическое обезоружение.

О нем достаточно ярко говорят слова: Баварский Конкордат и Проект о государственной школе.

Политическое положение находит своё выражение в исключительных постановлениях, направленных против пролетариата. Возьмём для примера несколько отдельных стран. В Баварии запрещаются одно собрание за другим. Несмотря на совершенно ясные и соответствующие пункты конституции, общество пролетарских свободомыслящих не может продавать свои летучие листки, брошюры и т. д. **Аресты и обыски атеистов являются повседневным явлением.** Исключительное положение держится в Баварии вот уже целые годы. Общая политическая обстановка в Баварии лучше всего будет охарактеризована, если мы отметим, что там исключением являются периоды без исключительного положения. Как далеко заходит в своих реакционных мероприятиях баварское правительство, показывает тот факт, что оно запретило

[1] Доклад, сделанный т. Кёлицем на 2-ом конгрессе Интернационала пролетарских свободомыслящих 12-14 декабря 1925 г. в Народном доме в Лейпциге.

даже вечер памяти Феррера, объявленный обществом пролетарских свободомыслящих. В Мекленбурге, Тюрингене, Вюртемберге и Брауншвейге дело обстоит не лучше. Вспомним о Тюрингене, где ещё нет почти ни одного республикански настроенного чиновника. В рабочей массе начинает расти возбуждение против произвольных распоряжений правительств в этих странах. Всякому, кто в качестве непредубеждённого наблюдателя проедет по Германии, мгновенно ясной станет современная политическая обстановка в ней. В то время как к открытым реакционным организациям правительство относится весьма терпимо, рабочие собрания запрещаются и беспощадно разгоняются. К тому же опасность монархического государственного переворота сделалась настолько реальной, что пролетариат имеет все основания обратить на неё своё внимание. Случай Геслера-Луппе приоткрыл немного завесу над тайными махинациями монархической реакции. Таким образом, внутренняя политика Германии ориентирована дружественно в отношении капиталистов и враждебно в отношении пролетариата.

Эта внутреннеполитическая ориентация немецкой буржуазии находит свою параллель в её внешнеполитической ориентации. В области внешней политики Германия примыкает к союзу капиталистических государств. Локарно — вот пароль буржуазии всех мастей и оттенков. Если мы поближе рассмотрим современное хозяйственное положение Германии, то нам придётся признать, что Германия находится в стадии мнимой стабилизации капитализма. Эта стабилизация обусловлена принятием плана Дауэса в 1924 г. Невыносимые тяготы, связанные с выполнением плана Дауэса, были без остатка переложены на плечи пролетариата. К чему это привело, показывает, прежде всего, проблема безработицы. В Германии в настоящее время имеется миллион безработных, полмиллиона людей, не имеющих ни заработка, ни какой бы то ни было поддержки. К этому ещё следует прибавить сотни тысяч частично работающих[1]. Безработные получают, если они женаты, от 10 до 15 марок в неделю. Все они обречены на медленное умирание. Правительство, которому известно это бедственное положение безработных, отказывается, однако, от повышения размера пособий безработным, чтобы, как оно утверждает, избежать потрясений в государственном бюджете. К безработным пролетариям следует ещё прибавить сто тысяч остающихся без должности чиновников, которые сделались жертвой свёртывания государственных учреждений и которые поныне не находят себе места. Кроме этого в Германии имеется в настоящее время сорок тысяч учителей без места, целыми годами ожидающих какой-либо должности. Общество пролетарских свободомыслящих как культурная организация расценивает этот факт как позор капиталистической культуры. Ко всей этой массе безработных следует прибавить ещё около сотни тысяч оставшихся за бортом торговых служащих и техников.

Однако тяжёлую нужду терпят не только те, кто не имеет работы, но и те рабочие, служащие и чиновники, которые пока ещё имеют работу. Средняя заработная плата рабочего составляет в Германии по надёжным статистическим данным 25 марок в неделю, в то время как прожиточный минимум составляет 40-50 марок в неделю. Ещё совсем недавно десятки тысяч низших и средних чиновников демонстрировали против невыносимо низких окладов немецкого чиновничества. Даже обременённые долгами средние классы населения и те всё чаще дают примеры нужды и бедности. И если статистики сообщают, что ежемесячно происходит 1 500 конкурсов, что с каждым месяцем количество аукционов и распродаж вырастает на 7-8 сотен, как в октябре и ноябре, то эти цифры выявляют обнищание среднего класса гораздо убедительнее, чем самые красноречивые тирады. Но если кого не могут убедить и эти цифры, тот пусть вспомнит о бесчисленных самоубийствах этого года!

В 1925 г. реакционным рейхстагом были приняты совершенно невероятные налоговые законы, которые удорожили жизнь пролетария на 150-350 марок в год. В связи с этим

[1] Со времени прочтения доклада все эти цифры выросли вдвое.

обстоятельством кажется совершенно невероятным тот факт, что тот самый рейхстаг, который отверг какие бы то ни было пособия производительным классам, высказался за возмещение «убытков» бывшим владетельным князьям и притом в размерах совершенно чудовищных. Двух примеров будет достаточно для того, чтобы показать всю возмутительность этих «возмещений». **Бывший император Вильгельм уже получил 12 миллионов марок за свой дворец в Берлине, да ещё 24 000 голландских гульденов. За границу ему отправлено 60 вагонов с мебелью, серебряной и золотой утварью и посудой. Все эти «подарки» были совершенно освобождены от налогов и пошлин.** Когда наступила стабилизация, Вильгельм Гогенцоллерн решил, что пришла и для него пора стабилизировать свои доходы, так что он предъявил требование об уплате ему, считая с 1 января 1924 г., ежемесячного «пособия» в 50 000 золотых марок. Скромный, как всегда, этот субъект предъявил далее через своего поверенного фон Берга прусскому государству следующие скромные требования:

1. Выдать единовременное вознаграждение в размере 500 миллионов золотом.
2. Выделить ему 290 000 моргенов лучшей земли.
3. Вернуть ему ряд замков и поместий.

В вопросе о «возмещении» от старого папаши, вероятно, не станут отставать и его «царственные птенцы». А затем, если «князь князей» начинает пролезать к казённому сундуку, то не может же стоять праздно в сторонке какой-нибудь маленький герцог Эдуард фон Альбани, этот английский герцог из бывшего немецкого герцогства готского. Эдуарду фон Альбани, тому самому, которого социалистическое правительство народных уполномоченных в бывшем герцогстве Гота когда-то целиком экспроприировало, теперь надлежит выдать по постановлению верховного суда возмещение в виде круглой суммы в 200 миллионов золотом. Если Тюрингену придётся выдавать всем своим бывшим князьям возмещение хотя бы в таких же приблизительно размерах, в каких получил его герцог готский, то государственное банкротство неминуемо. Но ведь не лучше обстоит дело с герцогом кумберлендским в Брауншвейге, с виттельсбахским в Баварии, с мекленбургским, со всей оравой бывших герцогов и князей. И вся эта вакханалия с возмещениями разыгрывается в то самое время, когда безработным отказывают в увеличении пособия, когда мелким чиновникам отказывают в прибавке, когда весь государственный бюджет строится на выжимании соков из рабочего класса. Государство не имеет средств для постройки жилищ бесчисленным квартироискателям, но оно находит три миллиарда для возмещения бывшим князьям. Пруссия вынуждена ограничить свои расходы на народное здравоохранение ничтожной суммой для того, чтобы быть в состоянии выплатить «возмещение» бывшим князьям. Но и независимо от этого возмещения нельзя не отметить, что прусское правительство не уделяет достаточного внимания бедственному положению народа. Совершенно неправдоподобным покажется, что на бега и другие спортивные затеи государство тратит больше денег, чем... на народное здравоохранение!

Итак, экономические отношения в Германии сейчас таковы, что колоссальной миллионной армии обобранных, угнетённых и обездоленных противостоит небольшая клика безжалостных эксплуататоров.

И в культурно-политической области Германии вступила в полосу чёрной реакции. В начале доклада было уже отмечено, что идеологическое обезоружение пролетариата нашло своё выражение в баварском конкордате и в проекте о государственной школе. Однако эти реакционные проекты могли появиться на сцене не сразу. Буржуазия, которая достаточно серьёзно продумывает свои тактические приёмы, чрезвычайно умело подошла к делу. Мы здесь приведём лишь несколько примеров, иллюстрирующих постепенное укрепление реакции. В 1924 г. тогдашний министр юстиции Эллингер из баварской народной партии почти совершенно устранил светскую судебную власть. Буржуазия, которая живёт в вечном страхе пред пролетариатом,

науськивает государственную власть против пролетарской литературы. Запрет следует за запретом. Когда Эрнст Фридрих опубликовал картины, изображающие подлинный лик поля битвы, власти запретили «в интересах истины» книгу «Война войне». Когда Берта Ласк драматизировала крестьянскую революцию 1525 г., зашатались основы капиталистической республики, и власти запретили это сочинение. Книгу Курта Клебера «Баррикады в Руре» пролетариат не должен читать. Бехер был лишён права опубликовать своё произведение «Труп на троне», а Бруно Фогель был обвинён вместе со своим издателем Вольфом в оскорблении нравственности за книгу «Да здравствует война!». По мнению государственной власти, очевидно, не война — безнравственна, а безнравственно правдивое изображение войны. Государственная власть, однако, не удовлетворяется наложением арестов и запретов на сочинения, она преследует и арестовывает вольнодумных писателей и артистов. Сообщают, например, что артист Гертнер осуждён на полтора года ареста за чтение стихов Мюзама и притом из таких его сочинений, которые вовсе не были запрещены.

Как далеко заходят мероприятия, направленные против левых издателей, показывает заявление протеста, поданное в конце ноября в Берлине объединением левых издателей. **Насколько систематический и вместе с тем ребяческий подчас характер носит преследование печати, показывает тот факт, что книга Корвина «Зеркало папизма» снова запрещена!!!** Статистики едва ли в состоянии будут подсчитать, сколько раз эта книга запрещалась и снова разрешалась. Для постепенного роста культурной реакции знаменательной является позиция, которую заняли немецкие врачи в отношении 218-219 параграфов. На съезде врачей (10 сентября 1925 г.) в Лейпциге немецкие врачи высказались за сохранение параграфов, направленных против аборта.

Само собой разумеется, что культурная реакция всячески вдохновляется и поддерживается церковью, как католической, так и евангелической. В 1925 г. католическая церковь праздновала свой «святой год», и епископы с восторгом звонят о том, как приток католиков в Рим был настолько силён, что пришлось организовать целые бюро для регулирования паломнического движения, что на вокзалах приходилось служить обедни для сохранения «духовного равновесия» среди паломников. В Штутгарте имел место всенемецкий католический съезд. Почётным председателем этого съезда был господин Вильгельм Маркс, который в трогательных выражениях высказался за церковную школу. «Люди в воротничках» (евангелические христиане) собрались в Гамбурге, чтобы учинить великий обман рабочего класса. В Стокгольме попы собрались уже в интернациональном масштабе, чтобы принести миру «благую весть» о том, что церковь крайне необходима пролетариату. Мы-то, конечно, знаем, что церковь лишь вынужденно занялась вопросами социальной действительности, что она по необходимости заговорила о нуждах пролетариата, ведь ей грозила опасность потерять последнюю овечку из рядов пролетариата.

Постепенный рост реакции особенно остро сказывается в области школы. В народной школе произошёл беспримерный разгон учителей. Учителя, которые выставили требование об университетском образовании для народных учителей, вынуждены теперь под давлением реакции отказаться от этого требования. Церковная же реакция, напротив, проводит религиозную подготовку учителей. Весьма знаменательным является также то обстоятельство, что в прусском ландтаге было отвергнуто предложение об организации внеисповедной академии, внесённое демократической фракцией. За это предложение голосовали только коммунисты, соц.-демократы и демократы. Насколько дерзкой стала культурная реакция в Германии, показывает то обстоятельство, что установленная было раньше свобода преподавания и обучения ныне окончательно сведена на нет. **Ещё ярче сказывается реакция в восстановлении телесного наказания в школе, имевшем место в нынешнем году в Тюрингене.** Позорным пятном лежит на немецком учительстве тот факт, что тюрингенский учительский союз официально высказался за восстановление телесного наказания!!! Тюринген, впрочем, вообще является образцом культурной

реакции. Опытная школа Гота-Зундгаузен, которая является детищем организованного пролетариата, распущена. Народнохозяйственная школа в Иене тоже закрыта. Организованные т. А. Симсен курсы по подготовке рабочих к университету распущены. В то время как против свободомыслящих применяются самые строгие меры, церкви оказывается финансовая поддержка прямо в чудовищных размерах. В Пруссии ныне приходится на каждую голову в четыре раза больше расходов на церковь, чем до войны. **Ещё совсем недавно в Пруссии была проведена прибавка на уплату жалованья священникам в 61 миллион золотых марок!** Маленький Тюринген выплачивает 4 миллиона золотых марок ненасытной церкви. Также тщательно стрижёт церковь своих овец и в других областях Германии. И продолжаться это будет до тех пор, пока не будет проведено отделение церкви от государства.

Для характеристики господствующей в Германии реакции можно бы привести ещё много фактов. Укажем, например, на следующее. В некоторых местах, в средней Германии, например, сохранились пролетарские коммуны, которые сохраняют непримиримую позицию в отношении церкви. Однако против этих коммун реакция пускает в ход государственные суды. Так, например, совсем недавно суд в Тюрингенском Лесу заставил коммуну Тамбах-Дитгарц выплатить совершенно невероятную сумму последователям того, кто якобы говорил про себя: «А сыну человеческому негде преклонить голову». После того, как реакция так умно провела своё общее наступление, она сумела навязать в 1925 г. баварский конкордат. **На основе этого конкордата к церкви перешли ценности на миллиард золотых марок.** Оклады епископов были повышены до тридцати шести тысяч марок в год. Но что хуже всего, так это то, что школы целиком переданы в руки церкви. За баварским конкордатом в середине этого года последовало внесение проекта о государственной школе. Проект этот, устанавливая наблюдение духовенства за школой, препятствуя научной постановке школьного обучения, вводя духовенство в управление школой, целиком отдаёт школу в руки церковников. Проект этот делает учителей совершенно бесправными, он натравливает пролетариат на внутреннюю борьбу вокруг вопросов религии, т. е. потустороннего мира. Пролетарии должны вцепиться друг другу в волосы «из-за истинной веры» и в междоусобной драке забыть угрызения желудка.

Так обстоит ныне в Германии дело в политической, экономической и культурной области. Пред каждым пролетарием неотступно встаёт вопрос: что делать дальше? На этот вопрос может быть дан лишь один ответ: **«Безоговорочная борьба с церковью! Массовый выход из церкви! Отвлечение детей от религиозного обучения!»**

Главная задача заключается в том, чтобы прояснить сознание масс в духе сознательного и решительного свободомыслия. Вот почему все пролетарские свободомыслящие должны выставить требование:

Создавайте единый фронт профсоюзов, партий, родительских советов, учителей и свободомыслящих организаций!

Культурную борьбу мы можем вести лишь как часть великой борьбы между капиталом и трудом. Культурная борьба — это классовая борьба. Настоятельной задачей свободомыслящих является создание в первую очередь единого фронта свободомыслящих. Нельзя допустить, чтобы и впредь свободомыслящая Германия была расколота на различные группы и группочки. Интересы всей свободомыслящей Германии, должны стоять выше интересов каждой отдельной группы. Общество пролетарских свободомыслящих готово применить все средства к осуществлению целей, выраженных в лозунгах.

Свободомыслящие Германии, соединяйтесь!

Свободомыслящие всех стран, соединяйтесь!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Чепмен Коэн

3. Кощунство по английскому праву[1]

По общему законодательству Англии «богохульство» является преступлением, которое карается тюремным заключением, принудительными работами, денежным штрафом. В чём же заключается оно, это преступление, которое многих благочестивых людей пугает больше, чем какой-либо другой из семи смертных грехов?

Прежде всего следует отметить, что богохульство — это преступление, определение которого в первую голову зависит от географических случайностей. Убийца — это убийца, вор — это вор, где бы они ни родились, где бы они своих преступлений ни совершили. Поступок же, который называется богохульством, меняет свой характер, в зависимости от места его совершения, ибо то, что в одной стране признаётся богохульством, является в другой стране чем-то совершенно невинным. Даже в пределах одной и той же страны одно и то же действие может получить разное определение. Для иудея, например, величайшим богохульством было бы сказать, что Иисус христос является богом, для христианина, напротив, величайшее богохульство заключается в отрицании божественности христа. Не найдётся, вероятно, ни одного человека, исповедующего какие-либо религиозные идеи, который не прослыл бы в глазах какого-нибудь другого верующего богохульником. В Англии, например, богохульством одно время считалось отрицание святости обедни. Но времена изменились, и богохульством сделалось признание обедни. Географическое положение, время, место, число сторонников той или иной религии, — всё это играет весьма существенную роль в определении богохульства. Богохульство является самым случайным «преступлением», какое только можно себе представить. Это — проступок, в характере которого мудрый человек всегда усомнится, но который очень легко и быстро вызывает осуждение дураков. Если человек украл или убил, то он сам отлично сознаёт, что он совершил преступление, независимо от того, попал ли он на скамью подсудимых или нет. А с богохульством дело обстоит совсем иначе. Никогда ни один «богохульник» до приговора суда не знал, что он совершил преступление, именуемое богохульством.

Из всего сказанного становится ясным, что имели в виду те, кто первые превратили «богохульство» в наказуемый проступок. Они отнюдь не беспокоились о том, чтобы добиться употребления в религиозных диспутах мягких и скромных выражений. Каждому, кто хоть немного знаком с богословскими спорами, особенно XVII и XVIII веков, известно, что по части грубости и резкости выражений вряд ли кто может угнаться за богословами. Главной задачей законов о «богохульстве» было подавление определённых ненавистных **мнений** — в этом во все времена и у всех народов заключается цель преследований за «богохульство». Духом нетерпимости, духом преследования инакомыслящих проникнут и английский закон о «богохульстве».

Однако всякое преследование достигает цели лишь в том случае, если оно применяется в размерах, достаточных для уничтожения и истребления объекта преследования. Преследование, которое не достигает этой цели, становится всё менее и менее действительным. Некоторые преследования, организованные когда-то христианской церковью, действительно достигали своей цели. Однако в вопросе с «богохульством» церковь в Англии потерпела неудачу. Законы о богохульстве, конечно, сильно содействовали росту лицемерия, но они не в состоянии были, однако, помешать непрерывному росту антихристианских воззрений в Англии. Рост числа отступников, отказывающихся от всяких форм религии вообще и христианства в частности, был так велик, что английским юристам пришлось придумывать какое-либо новое обоснование для

[1] Из английского журнала «The Freethinker».

закона о «богохульстве», от которого церковь не может отказаться. Говорить о прямом преследовании неверующих во второй половине XIX века уже нельзя было, ибо такое преследование вызвало бы единодушное возмущение лучших умов человечества. Поэтому придумана была новая теория, согласно которой закон о «богохульстве» имеет своей целью не подавление критики христианства, а устранение «недостойных форм дискуссии» относительно вещей, которые являются священными для большинства английского народа. В конце концов сам верховный судья Англии в своей речи, произнесённой в 1883 г., заявил, что «если во время религиозного спора хороший тон не нарушен, то даже критика основ религии не может навлечь на кого бы то ни было обвинения в "богохульстве"». Вот к чему пришли после того, как сотни мужчин и женщин просидели в тюрьмах за «богохульство».

«Богохульство», таким образом, заключается уже не в оскорблении «всемогущего бога», а в употреблении недостаточно умеренного языка при религиозных спорах. Законы о «богохульстве» сделались якобы не чем иным, как педагогическим вспомогательным приёмом, призванным приучить народ к пристойной манере речи.

Как бы либерально и умеренно ни было такое истолкование законов о «богохульстве», следует, однако, признать, что оно является лишь подслащиванием старой горькой пилюли. Это — попытка гуманизировать бесчеловечный закон и вдохнуть новую жизнь в то, что давно уже пора отмести как ненужный хлам. Впрочем, до тех пор, пока в английском законодательстве вообще существуют параграфы о «богохульстве», нет никакой гарантии в том, что не будет воскрешена старая, более жёсткая интерпретация этих параграфов.

Раз разрешается нападать на христианство при условии соблюдения благопристойного тона в полемике, то возникает вопрос, в чём заключается «благопристойность» полемики? Что касается свободомыслящих, то они так же, как и все другие люди, заинтересованы в том, чтобы полемика не принимала дурного тона. Однако, если цель закона о «богохульстве» действительно заключается в том, чтобы охранять хороший тон в полемике, то следовало бы добиться устранения известных оборотов речи вообще из всякой полемики. Этого, однако, ведь нет. Если рассмотреть те обороты речи и выражения, которые в Англии приводят к обвинению в «богохульстве», то окажется, что ни в какой другой области, кроме религии, они вовсе не являются зазорными или преступными. Те выражения, которые вообще-то считаются совершенно невинными, именно здесь, в области религии, оказываются основанием для судебного преследования. Далее, отнюдь не воспрещается применять насмешливые выражения и грубые обороты речи при защите религии. В полемике они употребляются часто, но преследуются в том лишь случае, если они используются **против** религии.

Разве не означает всё это, что христианство нуждается в особой юридической защите, какой не требуется ни для чего остального в жизни общества? Христианство ставится, таким образом, в особо привилегированное положение, и те, которые, критикуя его, осмеливаются употреблять тот же язык, которым они пользуются совершенно спокойно в обсуждении всех других вопросов, оказываются внезапно жертвой обвинения в «богохульстве».

Закон о «богохульстве» — не только несправедливый и узкоклассовый закон, но при известных обстоятельствах он приводит к тому, что «беспартийный» характер всего судебного процесса оказывается пустой фикцией. Вообще-то в Англии, в суде присяжных, отводу подлежит такой присяжный заседатель, относительного которого может быть доказано, что он имел твёрдое мнение по поводу виновности или невиновности обвиняемого до того, как он сел на скамью присяжных заседателей. Известно, далее, что и судьи, по закону, подлежат отводу в том случае, если они имеют какое-нибудь предубеждение, способное помешать им вынести беспартийный приговор по делу. Но ведь вряд ли ещё в каком-нибудь процессе может быть с таким правом применено в отношении присяжных выражение «предрешённое мнение», а в

отношении судей — выражение «партийная предубеждённость», как в процессе о «богохульстве». Христиане здесь являются оскорблёнными, христиане здесь сидят на скамье присяжных заседателей, христиане здесь формулируют обвинение и выносят приговор. Жалобщики, обвинители, судьи и присяжные являются здесь по существу одними и теми же лицами, так что «беспартийность» судебного процесса здесь совершенно немыслима. Может ли такой суд «беспартийно» решать вопрос, оскорбил ли обвиняемый христианство или нет? Разве был бы доволен христианин, если бы мусульманскому суду было бы предоставлено решать вопрос, насколько его выражения о магометанстве покажутся пристойными какому-нибудь последователю ислама. Законы о «богохульстве» являются законами, призванными защищать христианскую религию. Они предусматривают нападки на одну лишь христианскую религию. Само понятие «богохульства» сконструировано христианами. Применяются и истолковываются эти законы тоже христианами. Единственная роль, которую может играть во всём этом фарсе свободомыслящий, — это роль обвиняемого.

От религии к атеизму
(систематический указатель книжной и журнальной литературы по вопросам религии и её критики)[1]

I. История религии

1. **Арну, Артур.** История инквизиции. Предисловие и редакция проф. Е. В. Тарле. Пер. Н. И. Мартыновой и Е. В. Голубова. Изд. «Время». Л. 1926 г. Стр. 215. Цена 1 р. 35 к.

2. **Боас, Франц.** Ум первобытного человека. Пер. с англ. А. М. Водена. Гиз. М.-Л. 1926 г. Стр. 150. Ц. 1 руб.

Содержание: 1) Расовые предрассудки. 2) Влияние среды на окружающие человеческие типы. 3) Влияние наследственности на человеческие типы. 4) Умственные черты превобытного и цивилизованного человека. 5) Раса и язык. 6) Универсальность культурных черт. 7) Эволюционная точка зрения. 8) Некоторые черты первобытной культуры. 9) Резюме. 10) Расовые проблемы в С. Штатах. Книга эта полезна всякому, кто изучает историю первобытной религии.

3. **Грацианский, Н.** Западная Европа в средние века. Источники социально-экономической истории. Гиз. М.-Л. 1925 г. Стр. 92.

В этом сборнике имеется богатый материал относительно церковного землевладения в средние века.

4. **Гревс, И. М.** Кровавая свадьба в Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII в. Изд. Брокгауз-Ефрон. Л. 1925 г. Стр. 143. Ц. 1 р. 10 к.

5. **Калинников, А.** Национально-революционное движение в Монголии. Изд. «Моск. Рабочий». М. 26 г. Стр. 118. Цена 95 коп.

Книга эта, рассказывающая об общей соц.-политической эмансипации Монголии, рисует между прочим и ослабление авторитета духовенства, гибель монгольской теократии.

6. **Морозов, Николай.** Христос. Кн. II. Силы земли и силы небес. Гиз. Л. 26 г. Стр. 693. Ц. 6 р. 40 к.

Содержание: Пролог. Вселенная, земля и человек. I. Подземные силы. II. Геофизическая локализация библейских народов и городов. III. Книга «Бытие» в научном отношении. IV. Волшебные сказки.

7. **Розенталь, Н. Н.** Западно-европейское средневековье. Часть II. Позднее средневековье. Изд. «Прибой». 26 г. Л. Стр. 151. Ц. 1 руб.

8. **Струве, В. В.,** проф. К истории пребывания Израиля в Египте. Сборник «Еврейская Старина», т. XI, Л. 24 г.

В статье автор пытается доказать, что пребывание Израиля в Египте не библейский миф, а исторический факт.

[1] В нашем журнале из номера в номер печатается библиографическая сводка, включающая издания, появившиеся после выхода библиографического указателя «От религии к атеизму» (Изд. «Атеист», 1926 г., стр. 104), или пропущенные в нём.

9. **Тагор, Рабиндранат.** Голодные камни. Пер. с английского С. А. Адрианова под ред. М. И. Тубянского. Изд. «Мысль». Л. 25 г. Стр. 246. Ц. 1 р. 25 к.

Темой большинства рассказов, помещённых в этом сборнике, является индусская женщина, опутанная множеством всяких религиозных суеверий, бытовых ограничений. Рассказы пропитаны мистицизмом, философией покорности и смирения.

10. **Токин, Н.** К вопросу о происхождении религиозных верований. «ПЗМ», 25 г. № 12. Стр. 164-179.

Автор в краткой статье пытается по-новому вскрыть «экономический, практический» характер первобытного душеверия. Его точка зрения близка к воззрениям Эйльдермана (см. его «Первобытный коммунизм и первобытная религия». Изд. «Атеист»).

11. **Шпильман.** Крестьянская революция в Китае. Восстание тайпингов. Пер. с нем. Даваровой. С пред. М. Павловича и вступит. ст. К Радека. Изд. «М. Рабочий». 25 г. Стр. 120.

Книга посвящена крестьянскому восстанию, которому его вождь Хун пытался навязать религиозную окраску, которое вместе с тем лишний раз показало, что современное христианство находится на службе капитала.

12. **Шульман, Б. Д.** Эволюция левирата у древних евреев. Сборник «Еврейская Старина», т. XI. Л. 24 г.

II. Антирелигиозная пропаганда

13. **Волков, М.** Нечисть. Рассказы. С рис. Гиз. 25 г. Стр. 62. Ц. 15 к.

Р.: «К», 26 г., № 2.

14. **Галанза, П.** Православие и самодержавие. Изд. «Безбожник у станка». Л. 25 г. Стр. 22. Ц. 30 к.

15. **Голубых, М.** Очерки глухой деревни. Гиз. М. 26 г. Стр. 76. Ц. 45 к.

Несколько страниц посвящены в этой книжке и религии в современной деревне.

16. **Гольбах, Поль.** Карманный богословский словарь. Пер. с франц. под ред. и с предисл. И. Луппола. Изд. «Материалист», М. 25 г. Стр. 175. Ц. 70 к.

«Будучи написан более полутораста лет назад, словарь на девять десятых остаётся свежим и сохраняет своё действенное значение. Это, по справедливости, один из самых ярких образцов, как писал Ленин, бойкой, живой, талантливой, остроумно и открыто нападающей на господствующую поповщину публицистики старых атеистов XVIII в. (Из пред. ред.).

17. **Каспарова, В.** Женщина Востока. Изд. «Прибой». Л. 25 г. Стр. 90.

В этой книжке автор много рассказывает о тех религиозно-бытовых препятствиях, которые приходится преодолевать работникам среди женщин Востока.

18. **Логинов, Антон.** Вера и знание. (Есть ли бог?). Изд. «Безбожник у станка». М. 25 г. Стр. 32. Ц. 70 к.

19. **Лоссель, Мод и Леду-Лебар, Ренэ.** Мысли Анатоля Франса. Пер. и предисл. И. Оксёнова. Ленгиз. 26 г. Стр. 110. Цена 75 к.

В этом сборнике немало метких и острых замечаний, направленных против религии.

20. **Лукачевский, А.** О марксистском классовом анализе религии. «АНТ». 26 г. № 1.

21. **Луначарский, А. В.** Интеллигенция и религия. Изд. «Безбожник у станка». М. 25 г. Стр. 43. Ц. 40 к.

22. **Лунин, А.** Церковь и Октябрьская революция. Изд. «Безбожник у станка». М. 25 г. Стр. 35. Ц. 30 к.

23. **Путинцев, Ф.** Классовая сущность сектантских теорий и практики. «АНТ» 26 г. № 1.

24. **Рожицын, В.** и **Жаков, М.** Происхождение священных книг. Изд. «Прибой». Л. 25 г. Стр. 142. Ц. 50 к.

25. **Сарабьянов, В.** Крестьянство и антирелигиозная пропаганда. «АНТ» 26 г. № 1.

26. **Сорокин, В.** О рождении богов и бабушкиных сказках. Изд. «Прибой». Л. 26 г, Стр. 28. Ц. 10 к.

27. **Яровой, П.** Слепой бунт. Изд. «Пролетарий». 25 г. Стр. 32. Ц. 15 к,

Рассказ рисует кулацкое восстание, в котором играл роль и сектантский романтизм.

III. История философии

28. **Баммель, Г.** Материалистическая система Демокрита. «ВКА», № 14. 26 г.

29. **Вороницын, И.** Ла-Меттри. (К истории французского материализма). Гиз. Украины. 25 г. Стр. 58. Ц. 28 к.

Р.: «ПР», 26 г., № 1-С. Васильев.

30. **Егоршин, В.** Проблема материи у французских материалистов XYIII в. Сборн. «Воинствующий материалист». М. 25 г. Кн. V.

31. **Луппол, И.** Из материалов и документов по истории материализма в России. «ПЗМ», 25 г. № 12. Стр. 17-38.

Статья посвящена изданной в 1805 г. в России книге некоего Н. Д., представляющей значение из «Социальной системы» Гольбаха.

32. **Лурье, С. Я.** Антифонт. История анархической мысли. Под ред. А. Борового и Н. Лебедева. Автор считает Антифонта «кристально-ясным материалистом».

Р.: «ПР», 25 г., № 8-II. Преображенский.

33. **Танхилевич, А.** Эпикур и эпикуреизм. Изд. «Нов. Москва». М. 26 г. Стр. 146. Ц. 2 р.

34. **Тымянский, Г.** Анонимный материалист XVIII века. «ПЗМ». 25 г. № 12. Стр. 38-56.

Статья посвящена «анонимной переписке» о «сущности души», напечатанной на немецк. языке в Гааге в 1713 г.

IV. Современное научное мировоззрение (Атеизм)

35. **Бартенев, А. Н.** К вопросу о старых и современных путях в биологии. «ПЗМ». 25 г. № 12. Стр. 72-81.

В своей статье автор доказывает, что «философская неразбериха», которая царит среди буржуазных биологов, ставит вопрос о необходимости «критически и диалектически» переработать дарвинизм, который «до сих пор остаётся метафизической теорией».

36. **Босса, Г Г.,** проф. От неживого к живому. Изд. «Северн. Печатник». Вологда. 25 г. Стр. 53.

Р.: «К», 26 г., № 2. — М. Г.

37. **Ваганян, В.** По боевым вопросам марксизма. Гиз. 26 г. Стр. 202. Ц. 1 р. 80 к.

38. **В-ян, В.** О пропаганде атеизма. «Воинствующий материалист», кн. Т. М. 25 г.

39. **Деборин, А. М.** Материалистическая диалектика и естествознание. Сборник «Воинствующий материалист», кн. Т. М. 25 г. Стр. 180.

40. **Жуков, Павел.** Как произошёл человек. Изд. «Новая Москва». М. 25 г. Стр. 91. Ц. 35 к.

«Приходится выразить крайнее удивление, что такая книжка выпущена изд-вом, серьёзно ставящим перед собой задачи популяризации». («К», 26 г., № 2. — М. Г.).

41. **Ленин, В. И.** О морали. Гиз. 25 г. Стр. 78. Ц. 25 к.

42. **Луппол, И.** Диалектика диалектики. «Воинствующий материалист», кн. Т. М. 25 г. Стр. 180.

43. **Молль, Альберт,** президент Берлинского Психологического Общества. Прорицание и ясновидение. Предисл. д-ра Ачкасова. Пер. под ред. Г. И. Федотова. Изд. «Время». Л. 25 г. Стр. 114. Ц. 65 к.

Книга посвящена разоблачению всяких суеверий относительно ясновидения, распространённых даже среди так наз. «образованных» людей. «Подобные книги, говорит редактор, наносят смертельный удар по мистицизму».

44. **Рубакин, Н. А.** Вечное движение. (Как работает вселенная). Изд. «Земля и фабрика»: М.-Л. 25 г. Стр. 270 (44 рис.).

Р.: Шпильрейн. — «ПР», 25 г., № 8.

45. **Сарабьянов, В.** О некоторых спорных проблемах диалектики. «ПЗМ». 25 г. № 12. Стр. 179-197.

Статья посвящена полемике с т. Столяровым, поместившим в предыдущем номере журнала статью по поводу последних брошюр тов. С. о диалектическом материализме.

46. **Сборник,** посвящённый 75-летию акад. Ив. Петров. Палова. Ленгиз. 25 г. Стр. 434.

В сборнике помещено много статей, разрабатывающих учение об условных рефлексах.

Р.: «ПР», 25 г., № 8-В. Франкфурт.

47. **Теория относительности и материализм.** Сборник статей. Гиз. Л. 25 г. Стр. 273.

Большая часть статей, вошедших в этот сборник, была напечатана в журнале «Под знаменем марксизма».

48. **Фесенков, В.** Астрономические доказательства принципа относительности. «ВКА», 25 г. № 13. Стр. 200-217.

Автор доказывает, что утверждения, будто принцип относительности проверен на практике, преждевременны.

49. **Фингерт, Б. А.** Основы диалектического материализма в отрывках из произведений классиков материализма. Вып. I и II. Гиз. М. — Л. 26 г. Стр. 186 и 184. Ц. 1р.

Первый выпуск посвящён собственно диалектическому материализму, второй — диалект. материализму в его приложении к обществоведению, т. е. историческому материализму. Сборнику предпослана статья о корнях диалектического материализма, а именно о французском материализме XVIII в. и диалектическом методе Гегеля.

50. **Харазов, Г.** Малый принцип относительности. «ВКА», 26 г. № 14.

51. **Цейтлин,** З. Проблема всемирного тяготения. «ВКА», 25 г. № 13. Стр. 166-200.

Статья доступна лишь читателю с высшей математической подготовкой.

Сокращения

«АНТ» — Антирелигиозник.
«ВКА» — Вестник Коммун. Академии.
«К» — Книгоноша.
«ПЗМ» — Под знаменем марксизма.
«ПР» — Печать и Революция.

Типография МКХ, имени Ф. Я. Лаврова, Варгунихина гора, 8.

Главлит № 57666. Москва, 1926 г. Тираж 4 000 экз.

Религия — дурман для народа

АТЕИСТ

№ 5 МАРТ 1926

Оглавление

1. **Г. Эйльдерман** — «Изучение естественных наук — замена религии» 65
2. **Г. ван Нивен** — «Евангелист Марк — свидетель против историчности христа» 73
3. **С. Рейнак** — «Несколько замечаний о табу» 89
4. **Н. Румянцев** — «Сошествие святого духа на апостолов» 93
5. **Г. Крамер** — «Краткие жития наместников ап. Петра» 99
6. **В. Шишаков** — «Христианство, убийство и война» 118
7. **«Паноптикум мракобесия»** 125
8. От религии к атеизму (библиография) 133

Научное Общество Атеист
МОСКВА

Выпуск 4 (март 2012)

АТЕИСТ

№ 5

1926

Г. Эйльдерман

Изучение естественных наук — замена религии

I.

Гордо несётся самолёт среди необозримой воздушной стихии. С удивлением взираем мы на это достижение человеческого ума в области техники, достижение, которое мы всего несколько лет назад едва ли в состоянии даже были предчувствовать. Как и всегда в таких случаях, мы говорим при этом о новой «победе» человека над природой, о том, как человек шаг за шагом подчиняет себе природу. Как много таких побед одержал человек с тех пор, как он научился искусственному добыванию огня, до нашего времени, когда он сумел использовать этот огонь в доменных печах и локомотивах! Как много таких побед одержит он ещё в будущем!

Можем ли мы, однако, сказать, что природа уже окончательно подчинена человеку, что человек достиг уже последнего из своих открытий и изобретений? Достаточно задуматься на миг над этим вопросом, чтобы признать, что человек всё ещё ничтожен пред лицом природы, что окончательно победить её он не в силах. Каждое новое открытие, раскрывающее пред нами чудеса природы, показывает нам, что, по мере развития человеческого духа, и природа также предстаёт пред нашими глазами всё в более чудесном и удивительном сочетании сил, которые оказываются всё неисчерпаемей, всё сложнее. Природа является гигантским резервуаром сил. Вспомни только о могучих пластах каменного угля, залегающих в недрах земли и таящих в себе великие запасы солнечной энергии, скопленные существовавшими некогда необозримыми лесами! При ближайшем рассмотрении мы необходимо должны прийти к выводу, что полное подчинение всей природы власти человека является невозможной вещью. Мы можем говорить лишь о **борьбе** человека с природой, о борьбе неустанной, в которой человек незамедлительно погиб бы, если бы он вздумал хоть на короткое время праздно сложить руки.

Что такое природа? Мы можем ограничивать её лишь по отношению к человеческому обществу. В пространственном и временном отношениях человеческое общество является лишь частью природы. Как неглубоко, напр., человек проник в земную кору по сравнению с общим объёмом земного шара! Ведь самая глубокая искусственная скважина немногим длиннее 1/6 000

поперечника земли. Как мало времени существует вообще человеческий род на земле по сравнению с теми гигантскими периодами времени, которые предшествуют появлению человечества! Земной путь человечества составляет по своей продолжительности едва одну 50-ю часть того времени, которое протекло с появления органической жизни на земле.

Человеческое общество является частью природы в том смысле, в каком голова человека является не самим человеком, а только частью его. Общество возникло из недр природы, оно образовано из веществ этой природы, хотя существуют и специфически общественные силы. Общественное — есть особая форма, присущая известной исторической эпохе.

Мы живём, таким образом, одновременно и в обществе, и в природе. Поскольку мы отвлекаемся от общественных отношений между людьми, нас повсюду, и в непосредственной близи, и в бесконечной дали, окружает природа, да и мы сами принадлежим к природе. Мы называем отношение к родителям, к родным по крови, — естественными отношениями, поскольку они имеют общечеловеческий характер! Напротив, наше современное отношение к братьям по труду, к товарищам по классу и классовым противникам мы называем общественным (социальным) отношением. В качестве естественного человека — человек ест, пьёт, умирает, рождается, всё это приходится рассматривать как общечеловеческий факт. В качестве общественных (социальных) существ люди работают в капиталистических предприятиях, покупают и продают товары, борются и погибают на баррикаде. Естественное и социальное являются лишь двумя сторонами одной и той же вещи, которые практически неразрывно между собой связаны. И русскому, и немецкому рабочему-горняку приходится, например, углубляться в недра земли, изучать природу минералов и применять свои познания в процессе производства. Поскольку люди объединяются только для того, чтобы воздействовать на природу, постольку их работа является естественной деятельностью. Она имеет содержание, которое определяется естественными отношениями, отношениями, которые можно понять путём изучения, наблюдения и действенного постижения. Изучение природы рабочими приносит свои плоды в процессе производства. Тот рабочий класс, который лучше уразумел существо сил и веществ природы и умеет лучше применять свои познания, этот рабочий класс при прочих равных условиях окажется победителем в борьбе наций. Но **развитие средств производства, другими словами, техники,** получает движущий толчок как раз в развитии естественных наук. В настоящее время мы можем уже говорить о революции в области естественных наук, о революции, которая претворяется в стремительный прогресс техники. При соответствующих социальных отношениях это необходимо должно привести к могучему росту производительности труда.

Однако положение рабочего класса зависит не только от количества продуктов, вышедшего из-под рук пролетариата, но и от распределения общественного продукта, от того, носит ли это распределение капиталистический или коммунистический характер. В этом смысле отношения в России существенно иные, чем в такой стране как Германия. В стране с капиталистическим строем повышение производительности труда идёт на пользу капиталистическому предпринимателю и системе частного капитализма. В России же рост производства должен привести к укреплению власти пролетариата даже в тех случаях, даже там, где между рабочим классом и коммунистическим государством вклинились частные предприниматели, хотя в этих случаях укрепление происходит, быть может, окольным путём. Изучение естественных наук имеет для российского рабочего класса, таким образом, колоссальное значение: оно непосредственно усиливает творческий эффект его борьбы за освобождение мира от капиталистического ига. Ибо от состояния производственного фронта в данном случае зависит в большей своей части общий успех пролетарской борьбы. Каждый вновь построенный паровоз, каждый успех в области обмена, в области электрификации и т.д. является в русских условиях положительным фактором в классовой борьбе. Естественные науки имеют здесь для рабочего класса то же, по крайней мере,

значение, что политическое или историческое познание, которое отнюдь не исключает, впрочем, познания природы и технической выучки. В капиталистических странах, напротив, рабочему классу приходится отдавать предпочтение общественным наукам, ибо там в порядке дня стоит ещё на очереди завоевание рабочим классом политической власти. Отношение, существующее там между пролетариатом и господствующим классом капиталистов, отрицательно влияет на интерес рабочего к труду, лишает его радости труда и стремления повысить свою производительность, сильно ослабляет в нём побудительные мотивы к усвоению естественнонаучного и технического образования.

К этому прибавляется ещё и то обстоятельство, что при современном состоянии промышленного производства гораздо больше, чем раньше, требуются многосторонне и научно образованные и опытные рабочие. Крупная промышленность обусловливает частую перемену специальности, целые массы рабочих время от времени перебрасываются из одной отрасли труда в другую. Рабочему производителю приходится поэтому овладевать научно основами не одной какой-нибудь отрасли производства, а нескольких. Перемена работы, как показывает К. Маркс в «Капитале», является при капиталистическом строе законом природы, который утверждается слепо, разрушительно, сопровождаясь, прежде всего, ужасами безработицы, тогда как при социалистическом строе освобождённые производительные силы будут укрощены общественным разумом. К сожалению, в капиталистических странах нельзя заметить ни следа этой разумности. Не только не устранена безработица, но и школа ещё весьма далека от того, чтобы давать её питомцам широкое и разностороннее техническое образование.

Как бы там ни было, но совершенно бесспорно, **что естественнонаучная и техническая образованность рабочего класса является предпосылкой хозяйственного подъёма, что хозяйственный подъём этот в такой стране как Россия совпадает с политическим и хозяйственным ростом рабочего класса.**

II

Ответ на вопрос, почему рабочему классу необходимо изучение естественных наук, может быть дан в рамках настоящей статьи лишь в общих чертах. Сказанное выше, разумеется, не исчерпывает темы. Если мы, однако, попытаемся вкратце затронуть все стороны вопроса, то мы не можем не коснуться того **значения, которое имеют естественные науки для истории пролетарской борьбы,** для исторического материализма.

Мы не можем останавливаться здесь подробно на марксистском понимании истории, мы наперёд предполагаем у читателя нашей статьи общее знакомство с марксизмом. Однако от одних только сухих тезисов проку мало, необходимо наполнять их живым историческим содержанием. Вспомним об основном положении марксистского понимания истории, согласно которому все социальные отношения, политические и правовые, научная работа, искусство и религия, всё это в конечном счёте определяется производственными отношениями. Если мы будем иметь в виду, что с изменением социального базиса более или менее быстро изменяются и указанные выше социальные надстройки, то нам после всего сказанного выше ясна будет тесная связь между естественными науками и упомянутым только что учением Маркса о развитии общества. Уже то обстоятельство, что Маркс называет это воззрение **материалистическим,** показывает, что Маркс считает общественное производство, это солнце, вокруг которого вращается всё остальное, коренящимся в своём **материальном** базисе, в базисе естественном или природном. Вещи материальной действительности понимаются марксизмом только так, как они даны в действительности, в их собственной, независимой от человеческой воли, связи, в их объективной реальности! Наше познание определяется этим материальным бытием, оно является

истинным лишь приближённо, в той же мере, в какой познание приближается к бытию. Объективное бытие не является творением разума и не может быть познано целиком. Марксистская теория указывает лишь путь, она даёт лишь метод для того, чтобы познать объективную истину, однако границы приближения нашего знания к истине исторически обусловлены. Данная ступень развития науки никогда не является полным и абсолютным отражением объективной реальности. От поколения к поколению, от исторической эпохи к исторической эпохе мы, конечно, приближаемся к абсолютной научной истине, не достигая её непосредственно. Вот почему мы никак не в состоянии «подчинить» себе целиком природу, это объективное бытие.

Так как материалист исходит из познания объективной реальности внешнего мира, то он, в первую голову, необходимо устремляется к исследованию внешнего мира там, где это только возможно, в лаборатории, в производстве и т. д. Физика, химия, математика являются, главным образом, теми научными дисциплинами, в которых рабочий стремится искать знаний, подталкиваемый своей производственной деятельностью. Тем самым он овладевает материалом, который содействует его успеху не только в работе, но и в классовой борьбе. Ему необходимо, во всяком случае, научиться смотреть на мир без предвзятых идеалистических шор. Тот, кто хочет коренным образом изменить общественный порядок, не должен оставить вне поля зрения те объективные, наперёд данные условия, в которых или при помощи которых он может реализовать свои планы. Марксистско-коммунистическое понимание истории, это теоретическое боевое оружие борющегося пролетария, может быть понято лишь такими людьми, которые **обеими ногами стоят на почве реальности.** Исторический материализм необходимо должен поэтому идти рука об руку с диалектическим материализмом, с этим философским братом исторического материализма, рассматривающим **практику** как критерий посюсторонности нашего мышления, показывающим, что в наших восприятиях отражается мир материальной, объективной, независимо от человека (и раньше его) существующей действительности. Диалектический материализм — это то законченное, объемлющее природу и общество мировоззрение, какое с присущей им кристаллической ясностью развили **Маркс** и **Ленин.**

Последний в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» рассмотрел и проработал под углом диалектической точки зрения успехи науки, особенно новейшей физики. **Фридрих Энгельс** также весьма долго, как он сам говорит, целых восемь лет, посвящал исключительное внимание различным отраслям естествознания и натурфилософии. Он усердно занимался ими, неизменно пытаясь сокрушить те окостенелые перегородки, которые понастроены были буржуазными теоретиками с их недиалектическим образом мышления. Вместе с тем, он повсюду (как мы видим в сочинении «Переворот Евгения Дюринга в науке») вскрывал диалектический характер явлений природы, показывая их в их связи и развитии. Наконец, полностью признавал значение естественных наук и Карл Маркс. Он приветствовал дарвинизм как естественноисторическую базу своей общественной теории. Никто никогда не скажет, разумеется, чтобы Ленин, Маркс и Энгельс были хоть на волос сдвинуты с революционного пути их изучением естественных наук, их высокой оценкой значения естественных наук. Особенно Ленин никогда не являлся настолько философом в своих теоретических изысканиях, чтобы философ заглушал в нём политика, Ленин-диалектик сказывается как раз больше всего в том, что он всегда видит в борьбе философских течений отражение столкновения различных общественных классов.

Распространение среди рабочего класса сведений об истинной сущности вещей в природе и обществе (не считая технических навыков и некоторых специальных знаний) отнюдь **не в интересах капитала** и его учёных защитников. Какой-нибудь помещик, шахтовладелец или фабрикант смотрит на природу совсем другими глазами, чем производитель-пролетарий, который не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, предоставляемой им в распоряжение

предпринимателя. Буржуа имеет все основания для восхваления и превознесения природы, которую он может купить, которая предоставляет ему свои сокровища. Однако он, то есть его оплаченные философы и журналисты, любит забывать, что буржуа без помощи наёмного рабочего, который предоставляет в его распоряжение рабочую силу (это ведь тоже сила природы, которую буржуа эксплуатирует), не мог бы добыть никаких богатств из окружающего естественного мира. Вместо рабочего — буржуа превозносит природу в общем и её творческие силы. Природа является подательницей всяческого добра и приобретает поэтому у буржуазии человеческий, сверхчеловеческий, больше того, божественный облик, так что в буржуазной теории рабочий-производитель совершенно вычёркивается, и ему отказывают в заслуге и чести производительного труда.

Таким путём стараются сбить с толку и обмануть рабочий класс, таким путём создают, в конце концов, целую систему лжи и лицемерия, которую навязывают затем рабочему классу. Такие теории, имеющие политическое происхождение, привносятся оплаченными писаками капитала в изучение природы и затемняют, искажают чистое познание природы. Они учат, например, будто природа подчинена вечным и неизменным законам. Виды животных и растений, например, являются, мол, в существенном ныне точно такими же, какими они были при «сотворении» их. Эволюция отрицается этими теориями, насколько это только возможно. Этим хотят добиться того, чтобы и общественные установления казались пролетариату священными и неизменными. Очень нетрудно разобрать, что в таком взгляде на природу и мир запряталось не что иное, как древнее богословское мировоззрение, которое имеет ещё много последователей и среди рабочих, которое ослабляет в них склонность к общественным изменениям и переворотам. То, что есть теперь, то, мол, было всегда. Оно получает печать абсолютной непререкаемости. Этим самым в естественной науке создаются те кажущиеся неустранимыми противоречия и перегородки, о которых говорил Фридрих Энгельс.

Нет никакого сомнения в том, что имевший место в последние десятилетия подъём промышленного капитализма много содействовал пышному развитию новейших естественных наук. Буржуазному теоретику приходится поэтому признать факт развития. Однако он старается говорить, главным образом, о развитии в природе и очень мало или даже ничего не говорить о развитии в общественной жизни. Рабочий должен, мол, радоваться тому, что мир преображается, и содействовать этому преображению. Это преображение должно, мол, однако, произойти не путём социальной революции, а путём труда. Это новейшее теоретическое направление оказывает уже гораздо более слабое сопротивление идее развития, однако оно распространяет действие закона развития на природу и труд, в котором, мол, пролетарий-производитель может обрести много радости для того, чтобы мирно и весело работать на процветание капиталистического хозяйства.

Между природой и обществом теории эти стараются провести возможно более глубокое разделение. Они стремятся вселить в сердце пролетария боязнь политики, дабы он предпочёл спокойно остаться в тех «естественных» границах, которые отведены для него классом предпринимателей. Из природы, однако, теории эти пытаются вычеркнуть черты какого бы то ни было насилия. В ней, мол, господствует пацифизм. Но пацифизм этот призван быть не только ограниченным в своём объёме воззрением на природу, но и всеобъемлющим мировоззрением, разумеется, для того, чтобы капитал мог покрепче захватить в свои руки управление миром и невозбранно удерживать свою власть. За этим неестественным разделением природы и общества кроется стремление ещё больше укрепить классовые границы, убаюкать рабочий класс пацифистской болтовнёй и сделать его податливей.

Тут мы снова убеждаемся в том, какую пользу может принести рабочему изучение естественных наук. Ему вовсе не требуется так уж глубоко проникнуть в недра природы для того,

чтобы обнаружить несостоятельность вышеупомянутого пацифизма. То, что мы называем природой, это не только кроткие голуби, спокойные морские бухты и весеннее благорастворение воздухов, это и хищные тигры, и ядовитые насекомые, и землетрясения, и другие губительные явления природы. **Знакомство с природой очень скоро рассеивает весь обман буржуазно-пацифистских натуралистических теорий.** Горняк, работающий в недрах земли, подвергается многим опасностям, отнюдь не получая за это благодарности от шахтовладельца. К не очень «милостивой природе» подземного мира присоединяется не очень «милостивая природа» шахтовладельца, чтобы продемонстрировать рабочему тесную связь между природой и обществом. Даже поверхностный взгляд на то, что делается в природе, достаточен для того, чтобы показать пролетарию всю ложь капитализма, пытающегося кормить разум рабочего обманчивыми иллюзиями. Но особенную остроту зрения, позволяющую разобрать истинные объективные отношения между природой и обществом, приобретает рабочий, когда он на основе своего познания природы и общества ведёт борьбу с буржуазной политикой обмана. Изучение природы и классовая борьба, образовав между собой крепкий союз, помогут оказать успешное сопротивление развращающему и уродующему духовному влиянию капитализма.

IV[1]

Чистое познание природы подвергается подделке и искажению также со стороны религии, со стороны церкви. **Могут ли естественные науки вести или поддерживать борьбу против религии?** Безусловно. Тот, кто изучает природу, неминуемо наталкивается на господствующую в ней закономерность, которую религия игнорирует, которою религия пренебрегает. Вознесение христа всё ещё никак нельзя согласовать с законом тяготения, а кит и ныне не в состоянии был бы проглотить Иону. В ветхом завете солнцу приказывают остановиться. Во время составления священного писания люди держались ещё того взгляда, что солнце движется вокруг земли. Библейская история мироздания относит возникновение солнца и других светил на четвёртый день творения, возникновение же света — на первый день, откуда должно было следовать, что источником дневного света является отнюдь не солнце. Много ещё несообразностей обнаруживается в библейской истории мироздания, несообразностей, противоречащих естественной истории мироздания, как она рисуется нам наукой. Это показывает нам, что библейская истина в естественнонаучном отношении, по крайней мере, весьма сильно обусловлена исторической эпохой, современной составлению библии, но это же заставляет нас недоверчиво относиться и к её религиозному учению, которое, действительно, при дальнейшем исследовании оказывается обусловленным не только исторически, но и **политически** той общественной средой, в которой это учение выработано.

Одним из основных элементов религиозной идеологии является учение о жизни личности после смерти. Согласно естественнонаучному воззрению, человеческая личность не может существовать как дух, без материального бытия. Несмотря на это, религия невозмутимо продолжает свою болтовню о потусторонней жизни после смерти. **Это означает, что религия имеет не естественные, а социально-политические корни.** Религия проникнута волей определённых общественных классов, которые хотят эксплуатировать и господствовать. Вот почему одна наука не в силах победить религиозное суеверие. Для этого необходимы политические средства. Что действительно переживает человека, так это общественная воля к эксплуатации. «Бессмертным» является не естественный человек, не индивидуум, а социальный, классовый человек. Классовые отношения должны быть увековечены в той форме, в какой они

[1] Раздел III в оригинальном номере журнала пропущен или не отмечен. *Прим. редактора журнала «Апокриф», 2012 г.*

ныне существуют. Такова, мол, также и воля бога, которому эти отношения обязаны своим происхождением.

Этот социально-политический смысл религии особенно ясен у так называемых первобытных народов, ибо здесь при господстве натурально-хозяйственных отношений легче всего обнаружить наличие эксплуатации и разобрать её формы. На почве этой эксплуатации всё снова и снова вырастали религиозные представления, на аналогичном общественном базисе вырастают они и ныне. Но если религия возникла одновременно с социальными противоречиями, которые появились на низших ступенях развития одновременно с эксплуатацией, то исчезнет религия лишь с исчезновением классовых противоречий, классового общества. Но бороться с ней всё же необходимо. На долю естественных наук выпадает при этом великая задача по вскрытию всех действительных противоречий религий и подготовке почвы для того радикального мировоззрения, победа которого приведёт к тому, что религия будет выброшена за борт. К окончательной, однако, победе над церковным вероучением приведёт лишь борьба с самыми корнями религии, борьба с капитализмом, революционная классовая борьба.

Необходимое для этого политическое познание может лучше всего дать история религии. Конечно, мы не населяем уже больше природы нимфами и дриадами, Аполлон уже больше не управляет солнечной колесницей, однако и ныне ещё все продолжают верить в то, что крестными ходами можно вымолить у неба дождь совсем на манер тех диких народов, которые в луне видят некоего мужа — подателя дождя. История религии путём сравнения разных периодов развития религии отчётливо выясняет, интересы каких классов всюду и всегда порождают религиозные представления, рассказы, сказки, легенды, библейские истории. Тем самым она научает нас разбираться и в современном положении вещей, она показывает нам, что и ныне, раз классовое разделение продолжается, действуют такие же тенденции, как и в эпоху появления религии, что религия по-прежнему идеологически прикрывает эксплуатацию. Вывод этот тем ценнее, тем значительнее, чем сильнее обостряются классовые противоречия, чем больше впадающие в нужду народные массы вынуждены в большой мере рассчитывать на помощь церковных благотворительных учреждений. Но это ведь общее явление в нынешних капиталистических странах. Больше всего энергии и делеческой ловкости обнаруживает официальная религия. Но и ловцы душ неофициального толка (не говоря уже о рясофорных) тоже не дремлют, они тоже открывают всё новые лавочки, носящие самые разнообразные вывески, окрашенные в рабочелюбивый цвет самых разнообразных оттенков. Все эти «друзья» рабочего класса сходны между собой в том, что они проповедуют уход от мира и воздержание тем, кто в качестве наёмных рабов и так лишены всяких радостей и благ жизни. Мы же учим пролетариев не уходить от мира, а завоёвывать его.

Это указывает нам путь, по которому мы должны идти для того, чтобы покончить со всякой религиозной дребеденью. Необходимо соединение естественнонаучного и исторического познания с политическими методами для того, чтобы показать трудящемуся мир таким, каков он есть, а также пути к овладению этим миром. Борьба с религией является, естественно, лишь частичной борьбой, однако не в том смысле, что её следует вести обособленно от общей борьбы с мировым капитализмом. Религия и эксплуатация неразрывно между собой связаны. Так оно и останется до тех пор, пока они столь же неразрывно не провалятся в преисподнюю.

Если мы некоторых сторон такой широкой темы как вопрос, почему изучение естественных наук необходимо рабочему классу, могли коснуться только намёками, то всё же сказанного выше достаточно для того, чтобы признать, какое огромное значение имеет изучение естественных наук в различных отношениях, а именно, как необходимое условие для развития техники и производительности труда, как база для теории пролетарского движения, как средство

разоблачения шарлатанских буржуазно-капиталистических теорий и мировоззрений и, наконец, как орудие борьбы против церкви и религии.

Выводы наши в существенной своей части в одинаковой мере значимы и для стран с коммунистическим строем, и для стран капиталистических. Лишь в том, что касается развития техники и производительности труда, мы считали необходимым особо подчеркнуть его значение для советских республик, ибо здесь развитие техники и производительности труда означает не только умножение богатства, но и умножение сил революционной борьбы, взятой в мировом масштабе.

Гелльмут ван Нивен

Евангелист Марк — свидетель против историчности христа[1]

Из четырёх имеющихся у нас евангелий евангелие Марка является, без сомнения, самым древним. Во всяком случае, Матфей и Лука уже имели его перед собой и пользовались им в качестве самого главного источника для своих собственных произведений. Оба они, делая много добавлений и расходясь с ним в деталях, всё же, в общем и целом, явно следуют ходу его повествования, заимствуют у него почти все свои истории, речи, причём не раз приводят из него без малейшего изменения целые фразы. Наоборот, четвёртый евангелист, Иоанн, обособляясь от тех трёх, будучи более поздним, чем они, в изложении событий и речей Иисуса всё время идёт своей собственной дорогой.

Итак, евангелие Марка является важнейшим нашим источником по «истории Иисуса». Поэтому вопросы о времени его написания, его авторе, его назначении, его учении и настоящем смысле его рассказов имеют громадное, больше того, решающее значение для нашего окончательного суждения или вывода о происхождении и сущности христианства.

Ответ на все эти вопросы, ответ совершенно новый, прямо-таки поразительный и имеющий большое значение, даёт нам богослов, свободомыслящий пастор по специальности, Герман Рашке, в своей недавно вышедшей книге под заглавием «Мастерская евангелиста Марка» (H. Raschke. — «Die Werkstat des Markusevangelisten»; 1924 г.).

Об основным содержанием этой книги нам и хотелось бы познакомить здесь читателей.

I. Время написания и происхождение евангелия Марка.

Начнем с вопросов о времени написания и происхождении этого евангелия.

Когда приблизительно оно было написано?

Вскоре после 70 года или, самое позднее, около 100 года, — отвечает нам большинство исследователей. Но как же, в таком случае, объяснить себе то, что древнейшие церковные писатели, так называемые «мужи апостольские», римлянин Климент (писавший между 95 и 126 гг.), Варнава (ок. 125 г.) и Герма (ок. 140 г.), ещё ничего не знают ни о нём, ни о других евангелиях? Правда, они ссылаются, и то мимоходом, на Павловы послания, но ни разу — на какое-либо из евангелий. Вся история земной жизни Иисуса из Назарета для них явно не существует.

То же самое наблюдаем мы в так называемом «Учении двенадцати апостолов» — иудейском, переработанном христианами произведении 130-140 годов. Правда, в нём приводятся «словеса господни», фигурирующие и в наших евангелиях, но они приводятся там не в качестве словес Иисуса и не дают оснований предполагать наличия в основе их какого-либо письменного первоисточника. Евангелие не называется нигде, там нет ни малейшего намёка на какое-либо событие из жизни Иисуса.

Впервые у Юстина (ок. 150 г.) говорится о каких-то евангелиях или «достопамятностях апостолов», прочитывавшихся в христианских общинах; однако и у него нет ещё никаких более

[1] Статья ван Нивена, написанная для журнала «Атеист», излагает работу Рашке, в которой доказывается, что автором древнейшего евангелия, т. е. ев. Марка, был либо «еретик» Маркион, признававший только «призрачное» существование христа, либо его ученик, что большая часть личных имён, фигурирующих в евангелии, обязана происхождением игре слов с географическими названиями. Знаменательно для нашего времени, что даже богословы, каким является Рашке, вынуждены признать неисторичность христа.

обстоятельных данных. Только около 180 года Ириней называет по имени евангелие Марка и даёт надёжное свидетельство о его существовании.

Как объяснить этот несомненный и разительный факт?

Церковники и книжники объясняют его просто тем, что, мол, давно уже существовавшие евангелия лишь постепенно приобретали каноническое, т. е. руководящее для христианской веры, признание. Но это, в свою очередь, опять-таки очень странно, раз евангелия возникли действительно из устных рассказов двенадцати учеников о земной жизни их божественного или, во всяком случае, считаемого сыном божиим господа и учителя, Иисуса христа. Казалось бы, что евангелия в основанных самими этими апостолами или их учениками общинах должны были бы тотчас же быть признаны руководящим, направляющим началом их христианской веры и жизни или, по крайней мере, быть предметом живейшего изъяснения.

Почему же мы не видим ничего этого? Почему вышеперечисленные древнейшие писатели складывающейся христианской церкви вообще ничего не говорят о каких-либо преданиях апостолов? Почему они совсем не интересуются земной жизнью и речами Иисуса? Почему даже Юстин (ок. 150 г.) не приводит никакой, положительно никакой подробности из этой мнимой жизни сына божия вроде тех, которыми так полны произведения позднейших отцов церкви?

Всё это, конечно, весьма странно. Поэтому у действительно беспристрастных, не совсем ещё ослеплённых предвзятыми мнениями читателей сама собой напрашивается мысль, что наши евангелия, возможно, были написаны гораздо позже, чем хочет уверить нас христианская церковь и так называемая «историческая школа».

Это уже давно утверждали различные несколько более свободомыслящие исследователи. В настоящее же время Герман Рашке в своём вышеназванном труде приводит в пользу этого веские доводы.

Исходным пунктом здесь он считает великого гностика Маркиона, выступавшего в Риме около средины II века. Это имеет своё хорошее основание. Ведь этот опасный «еретик», который долго ещё доставлял отцам церкви много хлопот своими «лжеучениями» и которого Адольф Гарнак правильно называет «самым значительным церковно-историческим явлением между Павлом и Августином», — этот великий еретик был, как известно, первым, кто ветхому завету как руководящему началу иудейской веры противопоставил в качестве руководящего начала христианской веры новозаветный канон, состоящий из евангелия и некоторых Павловых посланий. Поэтому необыкновенно важно установить, какого рода было то, для нас как будто потерянное, евангелие Маркиона.

По обычному мнению, — Маркион пользовался евангелием Луки, каковое он якобы «урезал» или «изуродовал», чтобы иметь возможность употреблять его в качестве основы и опоры для своего собственного еретического учения. Так говорит, по крайней мере, древне-церковное предание, и так недавно признал это, вместе с большим числом прежних исследователей, также Адольф Гарнак в своём труде о «Маркионе» (1921 г.).

Однако, против такого утверждения Герман Рашке правильно замечает и подчёркивает, что самый древний церковный свидетель против Маркиона, его современник Юстии, вывший одновременно с ним в Риме (около 150 г.) и подробно писавший против него в своей первой апологии, поразительным образом ещё ничего не говорит, а следовательно, ничего и не знает об этом «искажении Луки» этим опасным еретиком.

Только тридцатью годами позднее мы слышим кое-что об этом, и то смутно, в Галлии, от Иринея Лионского, — однако без каких-либо доводов или обстоятельного подтверждения. Доводов таких нет и у Тертуллиана, занимавшегося этим вопросом ещё двадцатью годами позже. В своём сочинении против Маркиона он говорит только следующее: «Из повествователей, коих

мы имеем, Маркион высмотрел себе, кажется, Луку в качестве того, кого он хочет подчистить» (IV-2).

Следовательно, этот сварливый отец церкви только **предполагает,** что Маркион урезал наше третье евангелие в своих целях; но он явно не уверен в этом, почему и выражается с такой оговоркой. Когда же присматриваешься ближе к остальным данным Иринея, то видишь, что «обрубок Луки» Маркиона по своему объёму и общему содержанию поразительно походит на наше евангелие Марка. Так, у Иринея читаем: Маркион выбросил из евангелия «весь рассказ о рождении господа, много исключил он и из речей господа, именно те места, где господь наиболее ярко изображён признающим творца вселенной своим отцом». Значит, у Маркиона отсутствовали рождественская истории и большая часть речей Иисуса, — в том числе, в первую очередь, молитва «отче наш» и даже, быть может, вся нагорная проповедь.

Как раз всё это отсутствует и у Марка!

Далее, дошедшие до нас подробные примеч.-схолии Епифания к тексту Маркиона — после обстоятельного обследовании Рашке — становятся понятными лишь в том случае или при том условии, если текст этот был как раз текстом нашего Марка. Другой древний отец церкви Ипполит (до 235 г. епископ в Риме) в найденных в 1824 г. отрывках своих «Философумен» действительно определённо свидетельствует, что Маркион и его иследователи в защиту своего учения ссылались на евангелие Марка или, как он пишет, на «искалеченного Марка». Сам Ириной рассказывает нам, что докеты «предпочитали евангелие Марка». Признанным же главой этих лиц, которые, по Иринею, «отделяют Иисуса от христа и утверждают, что христос не страдал, а пострадал только Иисус», был не кто иной, как сам Маркион.

Так говорят нам внешние свидетельства. Обратимся теперь к свидетельствам внутренним.

Что Марк в своём понимании личности Иисуса склоняется к докетизму, — это давно уже подметили проницательные исследователи вроде де Ветте, Швеглера, Гильгенфельда. Но как далеко заходит они в этом отношении, — это разглядел и обстоятельно доказал только Рашке.

Действительно, насколько мы можем видеть, изображение личности спасителя у Марка всё целиком совпадает с пониманием её Маркионом. Иисус не имел плотского тела (т. е. состоящего из мяса и костей) и только кажущимся образом был человеком; на самом же деле он — чисто божественное существо, имеющее два тела: тело духовное и человекоподобное тело ангела; из этих двух тел страдать и умирать может только последнее.

Так учил Маркион.

Как раз так же — что мы покажем ниже — рисует нам Марк мнимого спасителя. Он изображает его не рождённым, а сошедшим с неба, не имеющим ни матери по плоти, ни родни; не люди, а только бесы распознают его подлинную божественную природу, и эта его божественная сущность в виде загадочного юноши в белом покрывале (14:51) оставляет, покидает его в момент ареста.

Больше того, Тертуллиан определённо говорит нам, что докеты, т. е. как раз последователи Маркиона, «выставляют или считают христа и Иисуса разными личностями; первый — по их словам — тот, кто убегает из толпы воинов; второй — тот, кто арестовывается ими». Он же далее сообщает, что Маркион отрицал воскресение плоти. Это воскресение отрицает и Марк устами Иисуса в беседе с саддукеями (12:25).

Следовательно, и здесь полное совпадение между Маркионом и Марком!

Однако, важнее всего этого то, что отношение Марка к ветхому завету и закону моисееву целиком соответствует отношению к ним Маркиона. Оба они одинаково стоят на почве паулинистического учения и, исходя из него, борются с находящейся под иудейским влиянием господствующей церковью. У Марка это часто выражается прямо-таки забавным образом, например, в ясном намёке на Павла (9:35,38), а ещё больше в презрительном отношении к

двенадцати ученикам, особенно — к трём «столпам»: Петру, Иакову, и Иоанну, — к этим святым покровителям как раз той иудействующей, господствующей церкви. Сравните только: 3:21; 4:35, сл.; 7:18; 8:17, сл. 27, сл.; 9:2, сл. 38; 10:13, 26, сл.; 14:27, сл., 50, 66, сл.

Если кто ещё, быть может, сомневается в том, что все эти стрелы и выпады по адресу «двенадцати» и особенно Петра были направлены фактически против господствующей церкви и только в этом случае становятся понятными, пусть он хоть раз посмотрит, как глашатай и евангелист по преимуществу этой именной церкви — Матфей — пытается всюду в своём евангелии ослабить их или переделать в противоположное, порой же он их совсем замалчивает, как предпочитает делать Лука.

После всего этого можно признать установленными и несомненными два факта: 1) употреблявшееся Маркионом и единственное принятое им в свой канон евангелие было как раз нашим евангелием Марка; 2) данное евангелие Марка в своём понимании спасителя и многих других моментов полностью совпадает с учением Маркиона, больше того, оказывается скроенным прямо по нему. Отсюда у беспристрастного исследователя сам собой напрашивается вывод, что это евангелие, может быть, само вышло из учения или круга идей Маркиона. Такой вывод, действительно, делается и обстоятельно обосновывается Рашке. Из его изложения следует, что Марк — не кто иной, как сам Маркион. Маркион является автором или, по меньшей мере, духовным виновником, вдохновителем древнейшего нашего евангелия.

II. Евангелие Марка — евангелие Маркиона

Эта «благая весть» о спасении, как её возвещает Маркион в противовес самой господствующей церкви, вылилась из-под пера его самого или одного из его учеников. Уже само имя намекает на это. Ведь слово «Марк» в греч. языке является только уменьшительной или сокращённой формой от «Маркиона» или «Маркиана», так же, как Лузий — от Лузания, Алексей — от Александра. Сверх того, — как подметил зоркий глаз Рашке, — автор евангелия в главе 14:13, сам выводит себя в своём произведении и позволяет здесь, под покровом игры слов, ясно распознать в себе Маркиона,

В указанном нами месте мы читаем, как Иисус, чтобы справить тайную вечерю, посылает двух своих учеников и говорит им: «Пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды (anthropos keramion hydratos bastazon); последуйте за ним». Отличительным признаком этой загадочной, до сих пор ещё никем не разъяснённой личности является — как видим — кувшин с водой. Слово же «кувшин» по-арамейски — «маркос» («markos»). Следовательно, носителем кувшина является сам евангелист: Марк (по-гречески, собственно, Маркос — «Markos»). Марк же этот, в свою очередь, не кто иной, как Маркион: бросающееся в глаза странное греческое слово «керамион» (keramion), каковое автор употребил здесь вместо обычных греческ. слов для кувшина: «гидриа» или «тидриске» («hydria», «hydriske»), является явным намёком по созвучию на имя Маркиона («керамион = маркион»).

Человек этот несёт... для вечери! (где якобы было установлено таинство причащения) — кувшин с водой: Маркион, в противоположность господствующей церкви, употреблял при причащении не вино, а воду.

Посему не может подлежать сомнению, что под этим носителем кувшина с водой фактически подразумевается сам Маркион. Противники его в своё время хорошо разгадали это. Потому-то евангелист господствующей церкви, Матфей, благоразумно и не вывел в своём, написанном по Марку, рассказе эту подозрительную, указывающую на великого гностического еретика и противника церкви личность носителя кувшина с водой.

Итак, мы можем вместе с Рашке держаться того мнения, что наше евангелие Марка вышло из круга идей великого еретика Маркиона и внушено им. А если это так, то данное, самое древнее наше евангелие, образец и главный источник трёх других, вряд ли могло быть написано ранее 140 года. На самом деле, — как уже отмечалось выше, — у мужей апостольских, вплоть до Юстина, мы не находим ещё никакого следа его существования. Надёжное свидетельство о нём даётся нам только около 130 года Иринеем. Если же обследовать это евангелие детальнее, внимательнее, то в нём открываются многочисленные исторические, современные ему намёки, которые, — по Рашке, — все более или менее определённо указывают на время после второго иудейского восстания против римлян (132-135) при Адриане.

Возьмём только самое существенное.

Так, например, в форме влагаемого в уста сыну божию предсказания (12:2,11,14,20) марково евангелие предполагает уже окончательное разрушение иерусалимского храма (ср. 15:38). Христианство оно рисует совершенно самостоятельной, целиком оторванной от иудаизма религией (13:9, сл.; 3:20 — 4:34 и др.), благая весть которой проповедуется уже у всех народов (13:10). Словами о «мерзости запустения, стоящей, где не должно» (13:14), оно, — как правильно подметил ещё Иероним, — ясно намекает на храм Зевса с изображением императора, которые велел воздвигнуть около 130 г. Адриан на священном месте прежнего иудейского храма в Иерусалиме.

В связи с этим оно изображает ужасы войны в Иудее (13:15, сл.), каковая война может быть только большим восстанием иудеев под предводительством Бар-Кохбы (132-135 гг.). Самого Бар-Кохбу — этого национального мессию иудейства — оно выводит под именем Вараввы, — в противовес христианскому спасителю, и заставляет иудейский народ высказываться за него (15:7-11; ср. 13:21).

Под «одним из книжников» 12:28, сл., оно, вполне очевидно, подразумевает известного дружественно-расположенного к христианам рабби Бен-Акибу, который мученически умер в 135 г. со словами 29-30 стихов на устах. Большого доброжелателя христианства — императора Адриана — оно вводит даже в число двенадцати апостолов Иисуса под именем Андрея (сокр. формы от им. Андриана или Адриана) и делает его братом Симона-Петра. Оно делает это потому, что, — по мнению Рашке и Древса, — Симон-Пётр является христианским отражением тирского Ваал-Шамина, а Адриан, как просветитель Сирии, сделался «мистом», т. е. «посвящённым» или «братом» этого тирского солнечного бога.

Оно же возвещает опять-таки в виде влагаемого в уста Иисусу предсказания (13:24) скорое совпадение солнечного и лунного затмения — крайне редкое явление, имевшее место в первые два века нашей эры в Иудее только один раз: в апреле 125 года[1].

Так, на каждом шагу наше евангелие Марка само свидетельствует о своём позднем происхождении. Действительно, оно могло быть написано не ранее 135-140 годов. Автор его, совершенно очевидно, принадлежит к кругу окружавших Маркиона лиц, — если это не сам Маркион. В таком случае, этот древнейший «документ» о жизни, страданиях, смерти и воскресении Иисуса христа потерял уже всякую историческую ценность. Это евангелие, при таком его большом отдалении по времени от якобы имевших место около 30 г. или ещё раньше событий и при полном молчании о них целого столетия, вообще больше не может считаться действительной порукой и надёжным источником в пользу земной жизни сына божия или хотя бы даже просто человека Иисуса.

[1] Так в оригинале. Понятное дело, совпадения солнечного и лунного затмения в один день не может быть в принципе, поскольку солнечное возможно только в новолуние, а лунное — только в полнолуние. В лучшем случае возможно их совпадение с разрывом в две недели — то есть в половину лунного месяца. *Прим. редактора журнала «Апокриф», 2012 г.*

Ближайшее исследование его содержания, к коему мы переходим теперь, целиком подтверждает этот вывод, устраняет всякое ещё возможное сомнение и выясняет полную несомненность чисто мифической природы христианского искупителя.

III. Образ христа у Марка

Мы уже познакомились в общих чертах со своеобразным учением Марка о христе. Теперь нам необходимо разобраться в нём подробнее, так как оно имеет огромное значение для решения нами вопроса о сущности христианства, так как оно для многих читателей может остаться непонятным или, по меньшей мере, очень странным, если не нелепым.

Чтобы правильно понять его, следует сначала усвоить себе мышление той христианской эпохи, а это нелегко. Ведь каждая эпоха, — как правильно подчёркивает Рашке, — имеет свой особый, только ей свойственный мир представлений, свой особый род восприятия и понимания мира, а соответственно с этим, и своё особое представление или понимание действительности. И вот это-то понимание у древних коренным образом отличалось от нашего, современного. То, что мы называем чудом и считаем невозможным, древним казалось вполне возможным, так как они ещё не имели понятия о законах природы.

Так, даже величайшие мыслители древности верили в непосредственное влияние или вмешательство высшего, сверхчувственного мира в наш чувственный мир, в мир явлений природы. А что боги могли превращаться в людей, люди — в богов, — это вообще считалось тогда само собой разумеющимся; людям той далёкой эпохи первое казалось столь же возможным, как и второе. Не менее возможным казалось им и то, что бог при своём явлении на землю облекался в тело ангела и только внешне походил на человека. Ведь ангелы, как и демоны, считались реальными существами того высшего мира, они как таковые якобы имели своё собственное «духовное тело» человекоподобного вида. Когда бог хотел явиться на землю, то, думали, он мог прямо войти, облечься или в тело такого ангела, или в плотское тело человека. Какое из этих двух тел он выбирал себе — это зависело только от его желания или, вернее, от веры, — т. е. смотря по тому, какого рода тело приписывали богу.

Здесь мы затрагиваем уже самое ядро своеобразного учения о христе как Марка, так и Маркиона: по мнению их обоих, божественный спаситель имеет тело не плотское, а ангельское. Что таков был взгляд Маркиона, — об этом свидетельствует нам, прежде всего, его противник, отец церкви Тертуллиан в двух своих сочинениях — о плоти христа и о воскресении плоти, каковые сочинения направлены, главным образом, против докетического учения Маркиона,

По этому учению, — читаем мы там, — в Иисусе христе были соединены воедино две различные природы или сущности (существа): одна — божественная, духовная, не могущая страдать; другая — низшая, могущая переживать страдания. Эта вторая природа (Иисуса) — ангельское существо, лишь внешне похожее на человека, имеющего тело ангела, каковое могло страдать, умереть, а также, будучи нетленным, воскреснуть. Та первая природа (христос), наоборот, есть сам бог, и как таковой христос имеет божественное, «духовное» тело, вообще не могущее испытывать страдания и умереть.

И вот как раз таким, как здесь, в этом учении Маркиона, изображается перед нами божественный спаситель и в евангелии Марка.

Это видно, прежде всего, из того, что в названном евангелии отсутствует вся начальная история Иисуса, что не случайно, а сделано с намерением. Марк ничего не знает и знать не хочет о рождении Иисуса. Последний у него появляется сразу, подобно ангелу, тоже будто бы неожиданно, внезапно, являющемуся на землю из надземного мира. Но Иисус не просто ангел, ибо

при иоанновом крещении «в него» (только у Марка — это «в него»!) сходит «дух», как голубь. Теперь он — «возлюбленный сын божий».

В качестве такового он, естественно, не имеет никакого человеческого родства или вообще каких-либо земных отношений, связей. Мы ничего не слышали о его родине (словечко «Назарет» в 1:9, нигде больше не встречающееся у Марка, является позднейшей вставкой, которой ещё не было до текста Матфея в 3:13), ни о его родном или приёмном отце. Не фигурирует у Марка и имя мнимой матери Иисуса — Марии; нет её среди женщин при кресте (14:40) и у гроба (14:47).

Известная история об отречении Иисуса от матери и братьев, 3:32, сл. (где стих 31 отсутствовал в тексте Маркиона, и у Марка он является позднейшей церковной вставкой), прямым своим назначением имеет показать, что Иисус сам отрицал всякое человеческое, кровное родство с собой. В этом же смысле, — по свидетельству Тертуллиана, — она толковалась и Маркионом. Только люди, которые вследствие кажущейся телесной ограниченности Иисуса не распознают в нём подлинного божественного существа, думают, что он тоже должен был иметь мать и братьев; они ведь считают его себе подобным. Бесы же, сами происходящие из высшего мира, — те распознают его сразу (ср. I:24, сл., 34; 5:6, сл.). Он запрещает им говорить о себе, изгоняя их из человеческого тела: он не должен быть преждевременно узнан, иначе — он не мог бы пострадать и умереть (1Кор.2:8).

Вот — решение той пресловутой «тайны мессии», над разрешением которой так долго и тщательно бились учёные.

Хождение Иисуса по воде (6:45, сл.) тоже должно показать, что он — высшее существо, имеющее действительное, реальное, для «всех видимое» (стих 50) ангельское тело, лишённое тяжести плотского тела, а не простой призрак, привидение или плод воображения, — каковым церковники рисовали христа Маркиона. Точно так же в сцене преображения (9:2, сл.) «блестящие, весьма белые одежды» Иисуса, кои столь белы, «как на земле белильщик не может выбелить», тоже явно указывают на ангельское тело спасителя. Ведь «белые одежды» являются как раз специальным одеянием ангелов.

Это же самое одеяние, «белое покрывало», намекает нам на необходимость видеть надземное существо также в том загадочном юноше, которого при аресте Иисуса (14:51) схватывают воины и который, оставив в их руках своё покрывало, убегает нагим. Ещё Вильям Бенджамен Смит (в «Ecce Deus», 114, сл.) в этой, Матфеем и Лукой благоразумно опущенной, личности, до сих пор издевавшейся над всеми исследователями, распознал «ангельское существо» или сокровенное духовное существо сына божия. Однако только Рашке впервые указал на слова Тертуллиана о Маркионе, что последний «выставляет разными личностями того, кто убегает из толпы воинов, и того, кто ими арестовывается».

Для нас теперь ясно, что хочет сказать этой историей Марк и кого у него должен изображать тот загадочный нагой юноша. Этот юноша — божественное существо спасителя, оставляющее здесь, в руках воинов, своё ангельское тело — «покрывало», ибо бог как таковой не может вместе с ним страдать и умереть. Оставленный таким образом своим божественным духом ангел теперь распинается на кресте и с полным правом разражается перед смертью понимаемым совершенно буквально криком отчаяния: «Боже мой! Боже мой! для чего (почему) ты меня оставил»! (15:34). Однако божественное существо появляется ещё раз, у открытого гроба Иисуса, в виде «юноши в белой одежде» (16:5), и говорит вполне резонно — испугавшимся при виде его женщинам: Иисус, которого они ищут, воскрес и явился в Галилее.

Так, в руках Рашке сразу становится понятным всё учение Марка о христе, и мы ясно видим происхождение его из круга идей Маркиона. Больше того, делается понятным теперь также тот загадочный «сын человеческий», над коим так долго и много ломали голову учёные. Этим заимствованным из книги Даниила именованием Иисус (у Марка) называет и отмечает своё

явление на землю в ангельском теле и во образе человека, противопоставляя его своему божественному существу.

Как дух, как существо, как бог, как природа высшего порядка, как вечный и не могущий страдать, — Иисус есть «сын божий». Как телесная форма, как внешнее явление, как человекообразное существо в ангельском теле, как природа низшего порядка, как могущий страдать, умереть, а также воскреснуть, — Иисус, наоборот, есть «сын человеческий».

Потому-то Иисус у Марка везде (2:10,28 и др.) проводит резкое различие между своим «я» или своей божественной природой и «сыном человеческим»; о себе он никогда не говорит: я пострадаю и воскресну, — а всегда только: сын человеческий пострадает, умрёт и воскреснет (ср. 8:27, сл.; 9:9,12,31,38; 10:32, сл.; у Матфея, 16:21, иначе!). И потому-то в 10:45, читаем также: «сын человеческий... пришёл, чтобы послужить и отдать душу (“psyche”) свою для искупления многих».

Ведь только как сын человеческий, как ангельское существо искупитель имеет душу («psyche»); наоборот, как бог он имеет только «дух» («pneuma»). Ученики не понимают этого, хотя Иисус неоднократно и «совершенно открыто» (9:32) сообщает им это. Больше того, Пётр даже порицает своего господа за это учение («logos») и выдаёт этим, что он видит в искупителе не божеское (ta tu theu), а только лишь человеческое (ta ton anthropon).

Но почему же евангелист проводит это искусственное различие между «сыном божиим» и «сыном человеческим»? Почему своему божественному искупителю он приписывает лишь ангельское тело и отрицает за ним рождение по плоти, тогда как его церковные противники как раз в этом видят центр тяжести?

Вот почему. Он совершенно правильно говорит, что бог как таковой не может ни страдать, ни умирать, а плотское тело — воскреснуть (12:25). И потому, что он как гностик не имеет никакой надобности в воскресении плоти. Ведь гностики чаяли и надеялись для себя на воскресение или дальнейшее посмертное существование своего «я», но не в этом плотском теле, которое казалось им сосудом греха, низменной тюрьмой и чем-то не стоящим сохранения.

Наоборот, правоверные христиане господствующей церкви придавали большое значение сохранению своего плотского тела: им хотелось бы воскреснуть во плоти. Поэтому спаситель у них должен был в лице себя самого показать им пример этого воскресения плоти, а значит, и родиться от женщины. Гностики же предпочитали видеть своего спасителя свободным от всякого запятнания плотью и выставляли его непосредственным явлением бога, который, облёкшись в ангельскую оболочку-тело и приняв внешний вид человека, неузнанным и без посредства женщины вошёл в этот человеческий мир.

Так два этих враждебных направления раннего христианства творят своего Иисуса христа просто по своим религиозным желаниям или потребностям: одни делают его богом в ангельской оболочке; другие — богом в человеческом теле. Более древним из этих двух образов является, несомненно, бог в ангельской оболочке. Ведь евангелие Марка, бесспорно, древнее остальных евангелий, для которых оно ведь служило образцом. Для нас же, людей современных, не годится ни та, ни другая из этих личностей.

Естественно зачатый и рождённый в плотском теле от земной девы сын божий господствующей христианской церкви является для нас таким же призраком, продуктом фантазии, никчёмным плодом религиозного воображения, как и принявший на себя ангельскую оболочку, прямо, без участия женщины, вошедший в человеческий мир и неузнанно в нём действовавший христос Маркиона и Марка. Наконец, мы не можем более верить в того «великого» человека — Иисуса из Назарета, который якобы, по мнению либеральных богословов, стоял в качестве исторической личности за обоими этими призраками, химерами.

О таком реальном человеке — Иисусе — дошедшие до нас раннехристианские документы не сообщают ничего. Наоборот, после книги Рашке мы совершенно ясно видим, что самое древнее из

четырёх наших евангелий, евангелие Марка, вообще ещё ничего не знает о человеческой стороне или природе христианского спасителя, и что только позднейшие евангелисты насильственно ввели её, втиснули в первоначальное изображение. В этом заключается огромное значение для нас учения Марка о христе, и потому-то, несмотря на столь чуждый нашему современному мышлению характер этого учения, мы так долго на нём останавливались здесь.

Марк, вопреки своему собственному желанию, своим учением о христе неопровержимо свидетельствует нам, что сын божий христианской церкви — личность чисто мифическая: плод религиозного воображения, сказочное небесное существо, которое в глазах своих древнейших поклонников ещё не имело в себе ничего человеческого и которому только впоследствии, позднее, благодаря потребностям жаждущей воскресения своего собственного тела массы, измыслили и придали человеческое тело и мать по плоти.

Тем самым мы стоим перед полным и окончательным банкротством христианства. Для нас оно во всех отношениях дело решённое и конченное, хотя бы даже, опираясь на невежество и легковерие масс и будучи поддерживаемо внешними средствами, оно и продержалось ещё пару столетий.

IV. Чудесные истории у Марка и их происхождение

Итак, мы видели, что самое древнее наше евангелие было написано только после 135 года и что оно ещё не знает никакого христа — человека во плоти, из мяса и костей. Но, — спросят, — как же, в таком случае, следует понимать отдельные истории у Марка, чудесные деяния, события и речи его Иисуса? Откуда евангелист взял их, и каков их настоящий смысл?

По мнению А. Древса, в основе всех их лежат ветхозаветные образцы, примеры, по коим они бессознательно или же намеренно и были измышлены. Рашке местами тоже указывает на такие ветхозаветные образцы, но в главном при своём объяснении он идёт совершенно иным путём: отдельные истории он понимает как символы или образные выражения, иносказания и выводит их из игры слов с арамейскими местными названиями.

Это покажется весьма странным, прежде всего, мирянам. Естественно, с гневными возражениями оно будет принято также профессионалами — учёными и поборниками христианской церкви. Но Рашке правильно ссылается на то, что такая игра слов в отношении имён лиц и названий местностей играет большую роль в некоторых частях ветхого завета, особенно в книгах Моисея и Иисуса Навина, и что наличие её здесь уже давно признано наукою.

Так, например, в книге Бытия, 29:32, сл., слова Лии при рождении ею сыновей, Рувима, Симеона, Левия и Иуды, в еврейском тексте подлинника сразу позволяют признать себя за игру слов с именами этих сыновей, каковое происхождение указываемых слов Лии чувствуется ещё даже в переводе.

В книге Исхода читаем, что евреи в своём странствовании по пустыне не могут пить воду в Мерре (Мара), потому что она горькая (15:22, сл.). Название «Мерра» значит «горькая вода».

В книге Чисел мы слышим, что в Киброт-Гаттаава похоронили людей, которые имели прихоть (11:34). Местное название «Киброт-Гаттаава» в переводе значит «Гробы прихоти».

Из той же книги Чисел мы узнаём, что Мариам за то, что ворчала на Моисея, на семь дней делается прокажённой (12:2, сл.). Это событие якобы разыгрывается в Газероте (Hazeroth; в русской библии — Асироф), каковое по созвучию едва отличается от Газараат (Hazaraath), что значит «проказа».

В книге Иисуса Навина, 5:2, читаем, что израильтяне обрезываются на «холме обрезания», а в 13:1, сл., что Иисус поджигает и превращает в груду развалин город «Га-ай» (Ha-aj — в русской библии — «Гай»). Название же «Га-ай» означает «развалины, груду обломков».

Из этих примеров — а число их можно легко увеличить — мы видим, как имя какой-либо личности или название местности придавало определённую окраску и характер той или иной истории или даже давало повод к созданию, измышлению этой истории и отнесению её к данной местности.

Впрочем, нечто подобное можно наблюдать ещё и теперь в наших современных языках. Народное остроумие всегда и всюду склонно к игре словами, которые звучат одинаково или с небольшим отличием, и к созданию на основе этого созвучия всяческих историй.

В семитических языках это происходило тем чаще, что при письме в них ранее совсем обходились без гласных букв. Это всё равно, как если бы по-немецки мы написали вместо полного слова «Berg» (гора) только слово «BRG», которое можно было бы затем принять за «Burg» (замок), «Barg» (боров), «Borg» (заём), «Bürge» (порука) или «Berge» (горы).

Поэтому древнесемитические рукописи были очень многосмысленны и заключали в себе более или менее остроумные или замысловатые обороты и игру слов. Мы не говорим уже о том, что восточные народы с их необузданной фантазией гораздо больше были склонны к таким вещам, чем более здравомыслящие народы нашей современной Европы.

И вот такая-то игра словами, основанная то на образном выражении, то на произношении слова, искони была в ходу как в древнееврейском языке, так и в арамейском наречии, причём особенно талмуд сделался в этом отношении неисчерпаемым источником тончайшего остроумия, учёной проницательности и глубокомыслия, а нередко также и нелепицы.

В таком случае, сам собою напрашивается вопрос: нельзя ли, быть может, обнаружить что-либо подобное в евангелиях?

Разумеется, с ними дело обстоит не так просто, как с ветхим заветом, так как все четыре имеющихся у нас евангелия написаны на греческом языке. Однако и в них мы находим местами явную игру слов, как, например, в известном месте Матфея, 16:13: «Ты — Пётр (камень, скала), и на сём камне я создам церковь мою». Кроме того, надо помнить одно: что за греческим текстом евангелий, во всяком случае, кроется сирийская родина раннего христианства, где около начала нашей эры обычным разговорным языком и языком сношений было арамейское наречие.

Так, почти все фигурирующие в евангелиях местные названия, добрая половина имён выводимых там лиц — арамейского происхождения. А раз это так, то возможно и даже весьма вероятно, что эти арамейские названия и имена так же, как в ветхом завете, дали в евангелиях повод к созданию некоторых историй и придали последним определённую и своеобразную окраску.

И действительно, ещё древний отец церкви, Иероним, истолковал пресловутое прозвище Иуды предателя — «Искариот» — как «Иссахар», т. е. «муж найма, наёмной платы». В. Б. Смит правильно указал на то, что в этом прозвище скрывается сирийский корень «е-к-р», т. е. «передавать», и что Иуда постоянно характеризуется в качестве того, кто «передал» Иисуса.

Далее, ещё в 1896 г. Е. Нестле правильно подметил, что чудесное насыщение народа Иисусом у Луки (11:9) имеет место как раз в Вифсаиде (Bethsaida), т. е., в «доме пищи», что «хлопотунья» Марфа живёт как раз в Вифании (Bethania), т. е. в «доме хлопочущей»; и что имя Иаира, отца якобы воскрешённой Иисусом девочки (Марк, 5:22, сл.), при другом написании значит: «Он пробудит, воскресит».

Наконец, К. Л. Шмидт так же, как и Нестле, считал возможным, что народная игра слов в отношении местных названий имела решающее значение при создании некоторых чудесных историй, например, о двух тысячах свиней.

Однако до сих пор в евангелиях насчитывали не больше трёх-четырёх случаев такого рода. Рашке является первым, кто этот давно уже признанный для ветхого завета и в широком объёме блестяще оправданный способ изъяснения смело распространил на большую часть евангельской истории у Марка и последовательно, вплоть до мелочей, применил его с прямо-таки поразительной проницательностью и чутьём. Такому разбору он подверг те рассказы, которые связаны с деятельностью Иисуса в Галилее.

Мы не можем, конечно, передать здесь всех отдельных изъяснений Рашке, тем более что правильное понимание и полная оценка их читателями возможны только в случае хорошего знания ими арамейского наречия и его многочисленных говоров. Поэтому мы приведём лишь несколько примеров, причём таких, которые, с одной стороны, не требуют знакомства с армейским языком, с другой, делают понятными и хорошо характеризуют как научный метод (способ) работы Рашке, так и своеобразие евангелиста Марка и цель его произведения.

1). Начнём с истории о призвании первых учеников (1:16-20).

Там мы читаем, как Иисус, «проходя близ моря Галилейского», призывает к себе двух рыбаков: Симона и Андрея. На севере у этого моря лежит уже встречавшийся нам город Вифсаида, название коего может означать не только «дом пищи», но и «местность рыбаков» или «местность ловцов человеков», римское же название его — Ливия — в арамейском произношении звучит «л'ва», т. е. «присоединяться, приставать, следовать за кем-либо».

Потому-то оба эти первых ученика — как раз рыбаки и должны отныне сделаться ловцами человеков и следовать за Иисусом. Вся эта история вычитана из двойного названия данной местности и определена им до мелочей.

2). Отец второй пары учеников (1:20) называется Зеведеем, потому что Вифсаида в талмуде часто называется Вифзавидом (Bethzabida) или просто Завидом. Следовательно, отец Заведей, коего они оставляют, является их родным городом — Завидом или Вифзавидом. О них же самих говорится, что они тотчас следуют за Иисусом, потому что в римском названии «Ливия» для Вифсаиды ухо арамейца слышало намёк на «место следования» за кем-либо («Л'ва»).

3). Вскоре после этого мы читаем, что Иисус идёт в дом Симона и исцеляет его тёщу, лежащую в горячке (1:29, сл.). Где искать этот дом Симона, — евангелист не говорит; однако острый глаз Рашке открыл его. Это — лежавший у Галилейского моря город Тивериада (Tiberias) или «Т'варья» (T'warja), который для уха арамейца являлся как раз «городом скалы» или «городом горы». Как таковой, он правильно называется домом Симона, ибо последний, как известно, носит второе имя — «Пётр», т. е. «скала, камень».

Но почему же здесь лежит как раз тёща этого ученика, да притом в горячке?

Верующие в историю церковники хотят уверить нас в том, что в основе этой истории лежали личные воспоминания действительно жившего когда-то реального Петра, которые были верно записаны предполагаемым спутником и учеником его — Марком.

Однако, по Рашке, дело объясняется иначе и очень просто.

Тивериада из-за своих горячих источников ранее называлась Хаматой (Chamata), т. е. «тёплым источником». Это древнее название её для арамейца было созвучно со словами: «хамата» (chamata), т. е. «тёща», «хамм-та» (chammta), т. е. «горячка», и «хамат», (chamat), т. е. «лежать». Почему в горячке лежит здесь тёща именно Симона, — объясняется двумя причинами: 1) Тивериада является домом скалы — Петра; 2) Симон, — как мы уже слышали, — является сирийским солнечным богом, а солнце по-арамейски тоже называется — «хамата» (chamata).

Следовательно, и здесь мы имеем перед собой опять не что иное, как игру слов с именами города Тивериады и Симона-Петра, и легко понимаем теперь, почему и как введена здесь в евангелие тёща Петра.

4). Точно так же обстоит дело со следующей чудесной историей, где речь идёт об исцелении прокажённого (1:39, сл.).

Мы спрашиваем опять: почему именно здесь появляется этот прокажённый? Потому, — отвечает Рашке, — что Иисус в своём шествии «по всей Галилее» (1:39) на севере доходит до границ области Тира (ср. Матфей, 4:24), и потому, что слово «прокажённый» по-арамейски звучит точно так же, как «муж из Тира».

Следовательно, за этим «прокажённым» скрывается город или область Тира, каковая исцеляется Иисусом, т. е. обращается в новую веру.

5). Новый, ещё более разительный пример создания евангелистом рассказа на основании игры слов с местными названиями даёт нам странная история о расслабленном, у которого поражена параличом одна сторона тела и которого на носилках спускают к Иисусу через крышу (2:1-9).

Этот паралитик — не кто иной, как местность Манассе, каковая пересекается пополам рекою Иорданом, так что одна сторона её отделена от другой (парализована). Он лежит на носилках, греч. «крабаттос» (Krabattos), так как Манассе лежит в пустыне или степи, по-арам. — «харабата» (charabata). Его несут четверо, так как другое слово для пустыни — «араба» (araba) — означает также «четыре». Он может проникнуть к Иисусу только через крышу, так как Иисус находится в Капернауме (2:1), а путь туда от Манассе проходит через местность Мааху, каковое название для арамейцев звучит совершенно так же, как слово, означающее «крышу». Тому, кто желает быть только исцелённым от телесной болезни, Иисус, как будто ни с того, ни с сего, прощает грехи. Это — потому, что «Манассе» по-арам. есть также «тот, кому прощаются грехи».

Итак, мы опять видим, как все детали рассказа, даже самые странные и, казалось бы, совершенно неуместные, находят своё простое объяснение в игре слов с местными названиями.

6). Следующая любопытная история — о мытаре, т. е. сборщике податей, Левии. Там мы читаем (2:14): «Проходя (около моря), увидел он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за мною. И он, встав, последовал за ним», и т. д.

Кто такой этот мытарь Левий, сын Алфея, так просто призываемый здесь следовать за Иисусом и затем (по крайней мере, у Марка) не фигурирующий больше среди двенадцати учеников?

Это — не кто иной, как уже знакомый нам город Ливия (Левий), изображаемый здесь в виде личности. Отцом своим он имеет Алфея, так как Ливия лежит «ал-фи» (al-phi), т. е. «у устья» Иордана, при впадении его в море. Левий сидит у сбора податей, а за столом, в своём доме, имеет «многих мытарей»: Ливия была как раз таможней для всей торговли восточно-иорданской области.

Он следует за Иисусом потому, что это велит ему сделать само его имя — Левий («Л'ва» = следовать). И он, хотя призывается Иисусом, не принадлежит к числу двенадцати учеников (чему правильно удивляется Велльгаузен), так как он ведь не человек, а город. Вопросы же о «сидении за одним столом с мытарями» (2:15, сл.) и о посте (2:18, сл.) разрешаются как раз здесь только потому, что Ливия, как Вифсаида, является вместе с тем «домом пищи».

7). Минуя эти и дальнейшие словопрения Иисуса с фарисеями, переходим к истории о сухоруком (3:1, сл.). По открытому Рашке евангельскому плану, — она разыгрывается в Ябеше (Jabesch, jabesa), главном городе области Гада. «Яд» (jad) означает «руку», а «Ябес» — «сухой».

Итак, здесь перед нами опять причинная связь между рассказываемым событием и некоторыми местными названиями.

8). То же самое мы имеем в истории о воскрешении дочери Иаира (5:21, сл.). Иаирой (Iaira) называлась местность в Иудее с главным городом Вафирой (Bathira), фигурирующей здесь в качестве дочери Иаира, а слово «Иаир» (Iair), — как правильно подметил Нестле, — в переводе значит: «он пробудит, воскресит», или: «он пробудил, воскресил».

Следовательно, и здесь мы видим, как местность или место символически (образно) изображается под видом личности и как характер её страданий соответствует приводимому местному названию.

9). Возьмём ещё два примера — из 7-й главы.

Там мы читаем историю о дочери сирофиникиянки, которая одержима «духом нечистым» и исцеляется Иисусом (ст. 24, сл.).

Эта история явно скопирована с такой же истории из сказаний о пророке Илии (2Цар.17:8, сл.), но, кроме того, она обусловлена ещё и местным названием. Иисус идёт здесь через область Тира (ст. 24) в Сидон (ст. 31). На этом пути лежит Сарепта (Sariptha). В названии последней, которое по-арамейски звучит «Сарпат» (Sarpath), евангелист слышит созвучие со словами «срап» (srap), т. е., «очищать», и «сripa» (sripa), т. е. «очищенный». Отсюда — девочка, одержимая нечистым духом, и должна быть «очищена», исцелена от него. Что очищается здесь именно девочка, а не мальчик (как у Илии), — это объясняется тем, что Сарепта — город, а слово «ар» (ar) = «город» означает также и «дочь». «Город Сарепта» для уха арамейца был, следовательно, «очищенной дочерью».

10). Оттуда Иисус, — по словам Марка, — возвращается через Сидон в Галилею и встречает глухонемого, которого исцеляет, — в пределах Десятиградия. Как раз здесь, в средине так называемой области десяти городов, лежит город Гераса (Geresa), «Хереса» же (Cherasa) по-арамейски значит «глухонемой».

Следовательно, и в данном случае «глухонемой» является лишь символическим изображением города Герасы.

Далее, арамейское слово «хараса» (charasa), означает «волшебника, колдуна, чародея», а другое слово — «гер'са» (ger'sa), созвучное стоящему в нашем тексте греческому слову «керюссейн» (Keryssein) и однозначащее с ним, значит «говорить, возвещать, разглашать». Потому-то Иисус здесь, при исцелении больного (7:33), подражает приёмам чародея, и потому-то очевидцы этого чуда тем больше разглашают о нём, чем больше Иисус предлагает им молчать.

Ограничимся этими десятью примерами. Их, думается, достаточно для того, чтобы дать ясное представление об этом новом, предлагаемом Рашке остроумном и богатом открытиями способе изъяснения Маркова евангелия. Ведь при разборе каждой из этих десяти чудесных историй мы всё время наблюдаем одно и то же: мы видим, как рассказываемые там события со всеми их, часто столь странными, подробностями сразу становятся понятными, как только мы вместе с Рашке начинаем смотреть на них, как на основанное на игре слов изъяснение местных арамейских названий и созвучных им слов.

Мы больше не сомневаемся уже в том, что все эти истории действительно сложились именно так и что здесь со стороны евангелиста преследовалась совершенно определённая цель. Кажется, словно какой-то волшебный ключ сразу открывает нам столь крепко закрытую и почти две тысячи лет остававшуюся сокровенной тайну этих странных событий. Мы действительно прямо заглядываем в духовную «мастерскую» евангелиста Марка, как бы присутствуем при его работе и видим, как из вышеупомянутых местных названий и личных имён он искусно прядёт нити для ткани своего повествования.

Трудность понимания этого евангелия заключается лишь в том, что Марк не приводит местных названий, которые он изъясняет при помощи игры слов. По большей части он приводит только истолковываемые им таким образом личные имена, например, имена Петра, Зеведея, Левия, Алфея, Иаира, Вартимея, Искариота и др.

Местные названия он, наоборот, замалчивает и лишь изредка и осторожно намекает на них посредством каких-либо иных указаний. По этим намёкам евангелиста и по отдельным

подробностям соответствующих историй читатель сам должен догадаться о замалчиваемых местных названиях и найти ключ к пониманию этих историй.

В этом отыскивании названий, имён и слов-ключей к историям Марка Рашке обнаруживает прямо-таки поразительное чутьё. Почти всё повествование этого евангелиста в руках Рашке сразу становится ясным, понятным. Так, делаются простыми и понятными все, все без исключения чудесные истории Марка со всеми их странными и порой прямо нелепыми подробностями (например, «легион бесов» и две тысячи свиней, 5:9,13; или — число хлебов и рыб при чудесных насыщениях Иисусом народа).

Больше того, даже самая последовательность рассказов обусловлена местонахождением соответствующих городов и местностей в отношении их друг к другу, как это ясно видно из девятого и десятого среди приведённых нами примеров. Весь ход евангельского повествования можно, так сказать, вычитать или прочитать с географической карты страны.

Евангелие Марка — повествование о шести миссионерских путешествиях Иисуса, которые все начинаются с Капернаума и заканчиваются там же, и о последнее седьмом путешествии его, начинающемся в Капернаума и заканчивающемся в Иерусалиме. Все эти измышленные на основе географической карты и сменяющие одна другую истории имеют символическое значение.

Под видом семи этих миссионерских путешествий своего божественного Иисуса Марк рисует нам победное распространение веры в Иисуса по родной его (Марка) стране — Сирии и Палестине. Захватываемые этим распространением города и местности он выводит в лице страдающих и чающих исцеления личностей, которые «исцеляются» или «насыщаются» Иисусом: исцеляются чудесной силой новой веры или религии и насыщаются хлебом истинного учения. Характер их страданий всякий раз определяется у Марка местными названиями или созвучными им словами, — как это можно видеть из приведённых нами примеров.

Чисто дидактические, т. е. развивающие учение части евангелия — «словеса» и речи Иисуса к своим ученикам и противникам — по большей части тоже обусловливаются местными моментами. Так, например, вопрос о посте разбирается в связи как раз с признанием Левин (2:9, сл.), так как мы находимся здесь в Вифсаиде, — в «доме пищи». Вопрос о разводе в 10-й главе обсуждается в связи с тем, что Иисус идёт здесь по «заиорданской стране», т. е. по области герасинян, именование коих — «герасин» (gerasin) — созвучно слову «герусин» (gerusin), т. е. «развод».

Следовательно, название места или местности в этом и других подобных случаях является основанием, почему именно здесь разбираются соответствующие вопросы. Географическая основа целого сохраняется, удерживается и здесь.

Что же касается содержания, то все поучения и словопрения Иисуса так же, как и приписываемые ему черты в рассказах о крещении, преображении и пр., — все они, все без изъятия, выведены исключительно для разъяснения и оправдания собственного докетического учения самого автора. Докетическое направление раннего христианства, гносис Маркиона сводит в них счёты со своими противниками, с различными направлениями внутри иудейства и иудео-христианской церкви, и устами Иисуса противопоставляет их ложным учениям своё собственное как единственно-правильное.

С некоторыми образчиками этого мы уже познакомились выше, при рассмотрении учения Маркова евангелия о христе. Быть может, не мешает нам привести здесь ещё несколько примеров.

Возьмём, например, 2:18-28. Евангелист обсуждает там два спорных вопроса своего времени: о посте и субботе, и устами Иисуса решает их совсем в духе маркионистского направления, желающего быть «новым учением» (1:27), новым духом, в новых формах, и решительно отклоняющего всякую попытку примирения с древне-иудейским духом (ср. 2:21 и 22).

Далее, в уже встречавшейся нам сцене отречения Иисуса от матери (3:32-35) евангелист заставляет сына божия не только отвергать всякое своё человеческое родство с кем-либо, но и вместе с тем отрицать за верой в Иисуса, т. е. за христианством, духовную принадлежность к иудаизму. Ведь мнимая мать Иисуса — как правильно подметил ещё Тертуллиан — является здесь символом, образом иудейской синагоги, каковую гносис Маркиона отнюдь не признаёт своей матерью.

Точно так же в 7:1-15 евангелист проводит грань между своим собственным направлением и «всеми иудеями» (стих 3) по вопросу о преданиях старцев. В 12:35-37 устами Иисуса он определённо оспаривает учение книжников, что христос должен быть потомком Давида. В 11:5, сл., в вопросе о брачном разводе, он на первое место выдвигает естественный, данный богом закон и отодвигает на задний план закон моисеев. В сцене преображения (9:4) он нарочно ставит представителя закона, Моисея, на второе место позади представителя пророков, Илии, а в дальнейших стихах (7-8) ясно даёт понять, что, по его мнению, как «закон» иудейский, так и «пророки» отменены, упразднены Иисусом. В речах Иисуса о страданиях и смерти сына человеческого он выступает против плотского учения господствующей церкви о христе, причём главным представителем её выставляет Петра.

В сцене с ребёнком (9:34, сл.) он заставляет сына божия вступиться за Павла (имя Павла по-латински значит «малый, маленький»), а в вопросе о воскресении (13:25) устами Иисуса резко отбрасывает грубосмысленное учение о воскресении плоти.

Итак, мы ясно видим здесь, особенно в речах Иисуса, цель, какую ставит себе автор в своём труде: провести определённое учение. И это нас не удивляет. Ведь так искони поступают «благочестивые» люди всех времён и народов, особенно жрецы и священники. Они творят себе бога по затаённым желаниям своего сердца, — того бога, который является в действительности отражением их самих, копией их «я», выражением их собственных мыслей, желаний и чаяний. Затем устами этого, ими же самими созданного, бога или его представителя, заместителя (сына божьего, ангела, пророка, первосвященника и т. п.) они оправдывают свои собственные, личные взгляды и притязания.

При этом мы имеем здесь пред собой то бессознательный самообман, то сложное переплетение и сплетение добросовестной глупости и сознательного обмана, то, наконец, чистейший обман. В качестве примера последнего укажем хотя бы на известные стихи Матфея, 16:18-19, кои сравнительно поздно, только после 200 года, римская партия раннего христианства вставила в первоначальный текст матфеева евангелия, дабы обосновать ими жажду власти римской церкви и притязания римского епископа (папы) на заведывание ключами от того и этого света (ср. А. Древс. — «Жил ли апостол Пётр?»).

Иначе обстоит дело с повествовательными частями нашего евангелия Марка. У современного читателя легко может сложиться мнение, что рассказчик всеми этими чудесными историями, которые он так искусно мастерит из простой игры слов с местными арамейскими названиями, желал обмануть своих читателей, выдать им свои истории за реальные, действительно бывшие события, в каковые сам он не верит. Кто думает так, тот несправедлив к Марку, так как судит о нём по умственному складу нашего времени, а не по мышлению эпохи самого Марка.

Сам Марк крепко верит в своего сына божия и в его великое дело искупления. Он верит точно так же, как духовно-родственный ему автор Павловых посланий крепко верит в то, что его Иисус христос действительно являлся на землю в качестве неузнанного бога, в ангельской оболочке, неся помощь и спасение. Но он так же мало, как и Павел, задумывается над тем, где и когда произошло всё это. Ведь для него дело идёт не об историческом факте в нашем смысле, а о

(мнимом) факте сверхисторическом и сверхчувственном, на коем базируется, основывается его вера в спасение.

Когда Марк в своём евангелии изображает чудесные деяния своего господа, то он отнюдь не желает ими обмануть читателей, выдать им эти деяния за реальные, действительно имевшие место события. Он, — как правильно говорит Рашке, — «желает воздействовать и привлекать, вербовать только **возможными** реальностями. Ведь в том, что его христос **мог бы** действительно совершить такие чудесные деяния, какие он ему приписывает, — в этом евангелист сомневается так же мало, как и его читатели. Но **совершил** ли в действительности христос такие или им подобные деяния, — это для него вполне безразлично и должно было быть безразличным по всему складу мышления его эпохи».

То требование фактов, то настаивание на даче надёжной поруки или на показаниях очевидцев, — всё это, так соответствующее современному нашему мышлению и нашему обострённому естествознанием и исторической наукой чувству действительности, было ещё чуждо сознанию той далёкой эпохи.

«Для евангелиста, — правильно замечает Рашке, — **истинно** только то, что христос **может** совершить такие деяния. **Действительно** же для него то, что христос в его общине такие деяния как будто совершает, победно завоёвывая и покоряя всю Палестину». Успехи христианской проповеди на её родине кажутся евангелисту, как и всякому его собрату по вере, делом самого христа, благодаря духу коего и во имя коего оно только и возможно. Таким образом, переход или шаг от считаемого возможным к представляемому действительно случившимся, происшедшим, к чуду, — переход этот или шаг для него ещё невелик. И если деяния христа в своей общине и через свою общину евангелист изображает как чудесные деяния рук и словес самого христа, — то это, до некоторой степени, просто ещё дело вкуса или авторского приёма.

Чудесный рассказ для него — средство для изображения духовных или сверхчувственных фактов, причём такое средство, которое соответствовало складу мышления и пониманию его эпохи. Характер же чудес, которые творит и должен был сотворить его спаситель, был намечен ему как мнимыми мессианскими предсказаниями в ветхом завете, так и данными там примерами Моисея, Иисуса Навина, Илии, Елисея и др. (ср. А. Древс. — «Миф о христе»).

Вместе же с задачей изобразить весь ход событий, разыгрывающихся в Палестине и прилегающей области, на родине юного христианства и арене его первых схваток с иудаизмом, ему сами собой подвернулись также и местные арамейские названия в качестве подходящего материала для истолкования их с помощью игры слов, по аллегоризирующему вкусу своей эпохи и примеру ветхого завета.

Так творил Марк историю об Иисусе христе для своей эпохи, по складу мышления своей эпохи и по вкусам своей эпохи, внутренне будучи, конечно, крепко убеждён в том, что этой своей историей христа он даёт только подобающее и соответствующее выражение духовным или сверхчувственным истинам.

А раз мы можем и должны верить также в добросовестность его самого, то после того, как с помощью труда Рашке мы проникли в настоящее происхождение и истинный смысл его чудесных историй, всё повествование о земной жизни его мнимого сына божия разлетается в прах. И нас удивляет теперь только, что не только присяжные мужи церкви и легковерные, легко ослепляемые миряне, но и представители так называемой «научной» теологии за этим прахом, остающимся от лишь символически задуманных и символически понимавшихся чудесных историй, всё ещё судорожно ищут хоть каких-либо действительных событий.

Но истина пробьёт себе дорогу и здесь и освободит нас от этих бредней седого, насчитывающего себе уже две тысячи лет, прошлого.

С. Рейнак

Несколько замечаний о табу[1]

Полинезийскому слову «табу», без сомнения, суждено занять в философском и антропологическом языке XX столетия место, по праву подобающее названию столь распространённого явления. Поэтому небесполезно уточнить его значение, чтобы можно было избежать двух противоположных ошибок — неправильного им пользования и избегания этого термина там, где он вполне уместен.

Табу — это запрещение. Табуированный предмет, или предмет табу — это предмет запретный. Запрещение может относиться или к телесному прикосновению, или к разглядыванию; запрещён может быть и специальный вид осквернения предмета табу — произнесение его названия. Так, в книге Левит (XXIV, 16) рассказывается, как сын израильтянки и египтянина, вступив в спор с одним из израильтян, «кощунственно произнёс святое имя» и был побит камнями по повелению вечного[2].

Из этого евреи заключили, что Яхве не должно быть ни произносимо, ни изображаемо на письме, так что и сейчас, собственно, неизвестно, какую огласовку следует давать этой группе четырёх букв Й-Х-В-Х. Обычная огласовка — Яхве — условна: в ней гласные взяты из слова Адонаи — господь, и при чтении их подставляют в группу четырёх согласных («тетраграмматон» греков). Само собой разумеется, табу священного имени — древнее, чем этот стих Левита: подобные запреты встречаются в Греции, в Риме, у очень большого числа народов; объясняют их обычно тем соображением, что знание имени позволяло бы вызывать и заклинать с дурными намерениями обозначаемое им могущественное существо. Такое объяснение может быть верным для некоторых эпох, но, конечно, не для первобытной: вначале боятся самого священного имени так же, как и прикосновения к предмету табу.

Понятие табу у́же, чем понятие запрета. Первая черта, отличающая его, та, что табу никогда не мотивируется: запрет объявляют, а причина его лишь подразумевается; причём она просто — это же самое табу, то есть угроза гибелью и смертью. Табу, сохранившиеся в современных цивилизациях, часто возвещаются с указанием мотивов; но эта мотивировка — сравнительно недавнее изобретение и носит на себе отпечаток современных идей. Говорят, например: «Разговаривайте тихо в комнате, где лежит покойник, чтобы не нарушить почтительного отношения к смерти»; между тем, первобытное табу велит избегать не только прикосновения к трупу, но и соседства с ним. Однако даже и теперь при воспитании детей возвещают табу без мотивировки или довольствуются тем, что указывают род запрещения: «Не задирай рубашки, потому что это неприлично». Гесиод в «Трудах и днях» запрещает мочиться, обернувшись в сторону солнца, но не приводит мотивов этого запрещения. Большая часть табу, относящихся к области соблюдения приличий, передавалась из века в век без всяких размышлений.

Второй пункт различия между табу и запретом заключается в санкции постановления. При запрете наказание или возмездие налагается законодателем, богом, человеком или человеческим обществом: кто-нибудь из них вмешивается как третья сторона, чтобы восстановить некоторым образом равновесие между законом и его нарушителем. «Не гордитесь, иначе бог унизит вас». «Не ходите по траве, иначе уплатите городу одно экю штрафа». Вот запрещения в том виде, в каком они встречаются в наиболее древних религиозных и гражданских законодательствах. Объявление

[1] Настоящая статья, хоть и написана она буржуазным учёным, вскрывает социальные корни табу и показывает, что библейские запреты являются только разновидностью дикарского табу.

[2] Библия раввинов, т. I, стр. 153. Рейсс переводит: «Произнёс обидное богу и проклял его», но сам предупреждает, что в тексте стоит только «имя» и что, по толкованию раввинов, глагол «накаб» значит здесь «произносить», а не «оскорблять».

же табу, наоборот, никогда не включает в себе угрозы вмешательства третьего лица. Нарушение табу влечёт за собой смерть (или болезнь и т.п.) просто потому, что этот неблагоразумный поступок дал возможность проявиться скрытой опасности. Показательнее всего в этом отношении вторая глава книги Бытия; текст её, конечно, подвергался большим изменениям, но некоторые части его, и при том очень существенные, отмечены глубокой древностью. Вечный поселяет Адама в садах Эдема и для начала налагает для него табу на предмет питания: «Не ешь от дерева познания добра и зла, потому что в тот день, когда ты поешь, смертью умрёшь». Этот запрет — характернейшее табу, потому что вечный не говорит Адаму, почему он должен воздержаться от этих плодов, и, кроме того, не говорит, что сам накажет, если тот поест. Он просто возвещает табу и его последствия: если ты их поешь, то умрёшь. Очевидно, основа этого рассказа предшествовала возникновению представления о человекоподобном боге: вначале был только человек и дерево с плодами табу.

И сейчас существует, во все времена было, множество запрещений этого типа, с той только разницей, что не дают себе труда их формулировать. Матери нет надобности говорить ребёнку: «Не клади руки на огонь» или «Не держи головы над водой». Опасность обжечься или захлебнуться здесь очевидна; и животные понимают её, как люди. Если бы такие запреты когда-нибудь формулировались, они всё же не стали бы табу, хотя оба вышеуказанные условия — отсутствие мотивировки и вмешательство третьей, карающей стороны — было бы налицо. Отсюда — третий отличительный признак табу: гибель, которой оно угрожает, не должна быть очевидной.

Итак, можно сказать, что табу — это запрет, не мотивированный, не сопровождаемый угрозами вмешательства законодателя и имеющий целью охранить людей от неведомых им опасностей, особенно же смерти.

И не только в Бытии смерть является естественным следствием нарушения табу: многочисленные примеры таких же представлений имеются во всей библии, даже там, где нынешний её текст заставляет бога самого вмешиваться и отмщать нанесённое ему оскорбление. Ковчег завета был табу, и все, кто его касался (за исключением левитов из семьи Кааф), были поражаемы смертью. Когда Давид захотел перевезти его из Гавы в Иерусалим, он приказал поставить ковчег на телегу, запряжённую быками; когда последняя во время пути наклонилась, «Уза бросился к ковчегу господню и поддержал его... гнев господень возгорелся против Узы, и он поразил его на месте за этот грех; и он умер там, возле ковчега божия» (IЦар.6:6-7). В своей нынешней форме этот рассказ отвратителен и нелеп; но чтобы избавить его от таких свойств, достаточно только устранить из него сравнительно позднее представление о боге-мстителе. Это не предвечный поразил невинного Узу; сам он совершил неосторожность, как человек, который коснулся бы громоотвода и упал, поражённый молнией. Предмет табу, в самом деле, можно уподобить резервуару, заключающему в себе грозные силы; их ужасное действие проявляется при малейшем прикосновении; касаться его могут только люди, в свою очередь табуированные, снабжённые противоположной силой, нейтрализующей действие первых.

Эти представления ребяческой физики лежат в основе всех обрядовых предписаний, постепенно позволивших людям сузить область табу и примирить насущные потребности жизни с религиозными страхами, которые иначе парализовали бы её. Цивилизация и прогресс предъявляли двойные требования: чтобы известные вещи пользовались уважением (без этого их уничтожили бы) и чтобы сфера запретного была ограничена (без этого невозможно действовать сколько-нибудь свободно). Табу представляет собой принцип авторитета; очистительные обряды, обряды замещения, даже жертвоприношения внушены бывают сначала принципом свободы. Очищение уничтожает прилипчивое влияние табу; замещение сосредотачивает табу на тех или других предметах, представляя всем возможность пользования остальными; наконец,

жертвоприношение разрушает волшебные чары, отнимающие у людей нужное им табуированное животное или растение, т.е. тотем.

...Сказанное нами о табу вообще и о библейских табу в частности просто и естественно объясняет одно предписание, включённое в декалог (10 заповедей) и бывшее предметом тысячи праздных толкований. Известно, что в нашем распоряжении имеется два текста «декалога» с очень существенными различиями (Исх.20 и Втор.5). В обоих среди запрещений, являющихся табу (запрет делать идолов, произносить имя божие, работать в день табу, т.е. в субботу, запрет убивать — члена рода, несомненно — и проч.), читаем и положительное предписание: «Чти отца твоего и мать твою, чтобы дни твои были долги на земле, которую даст тебе вечный бог твой» (Исх.20:12), «Чти отца твоего и мать, как приказал вечный, бог твой, чтобы дни твои были долги и ты жил счастливо на земле, которую вечный, бог твой, тебе предназначает» (Втор.5:16)[1].

Из этих двух редакций вторая распространяет первую, но и первая, очевидно, не первоначальна, потому что содержит пророчество о занятии Палестины Израилем; кроме того, она имеет странный вид, так как это единственная заповедь, сопровождаемая обещанием награды. Это обещание очень волновало старых комментаторов и затрудняет ещё и теперь современных. Одни спрашивали себя, нуждается ли сыновнее почтение в таком грубом стимуле, другие замечали, что долголетие, даже в святой земле, не всегда завидная участь. Можно было бы ожидать, по крайней мере, обещания: «Да благо тебе будет, и да почитаем будешь в свою очередь»; именно такой смысл и вкладывают комментаторы в эти тексты, которые ничего подобного в себе не содержат.

Но трудность исчезает, если мы придадим заповеди отрицательную форму, форму табу, и устраним присосавшееся к ней пророчество. В этом случае табу буде выражено приблизительно так: «Не оскорбляй (не бей и т.п.) отца своего и мать твою, или ты умрёшь». Так именно и читается в Левит (20:9)[2], и это точно соответствует первому табу Бытия: «Не ешь запретных плодов, или ты умрёшь». Посредством процесса, подробности которого от нас ускользают, но на котором отразилось развитие религиозных и моральных представлений, первоначальное табу обратилось в нравственную заповедь; при этом, вместо того, чтобы устранить заключающуюся в нём угрозу, жрец-редактор переделал её в обещание награды, которое режет глаз, не будучи ни первобытным, ни моральным.

Вот как, можно думать, произошло всё это. Оба наших различающихся между собой текста декалога, C и D, предполагают существование текста A, ныне утерянного; он заключал в себе очень простое запрещение. Между этим первоначальным текстом и текстом Исхода (C) надо предполагать, по крайней мере, одну промежуточную редакцию B, которая имела уже большее отношение к тому, что мы называем нравственностью. Редактор B находил, и не без основания, что запрещения оскорблять или бить родителей недостаточно; он считал, что должно предписать почтение к ним и с этой целью почти механически вывернул наизнанку древнее табу:

Не оскорбляй твоих родителей, чтобы не умереть (немедленно).

Почитай твоих родителей, чтобы жить долго.

Обещание долголетия объясняется, таким образом, очень просто, как положительная форма, как однородная противоположность угрозе немедленной смертью нарушителю запрещения.

Это, заметим мимоходом, является бесспорным, на мой взгляд, доказательством тех переработок, каким подвергался декалог прежде, чем он стал для значительной части человечества божественным кодексом.

---

[1] Русский перевод синодальной библии неточен.

[2] Сравни текст закона, приписываемого Сервию Туллию: «Если сын ударит отца и тот принесёт жалобу, пусть сын будет посвящён (принесён в жертву) божествам (покровителям) его родителей».

Среди запретов, стесняющих деятельность современного европейца, имеются не только религиозные, основанные на авторитете писания, или моральные и юридические, основанные на соображениях пользы, но и пережитки древних табу и даже табу, возникших сравнительно недавно. Из этих последних мы возьмём в качестве примера те, что проистекают от зловещего значения числа 13; не надо быть тринадцатым за столом, не надо отправляться в путешествие 13-го числа, не надо жить в доме № 13 или в соответствующем номере гостиницы (в Швейцарии и других местах обыкновенно бывает только комната 12 bis) и проч.[1]

Это табу интересно потому, что мы можем точно установить повод к нему: это историческое событие — тайная вечеря. Один из её участников, самый выдающийся, умер до конца года. Поэтому и говорят, что если за столом соберутся тринадцать, то один из этих людей не доживёт до конца года. Это живучее суеверие является, в сущности, «поспешным обобщением на основании единичного опыта»; из него сделали вывод о существовании скрытой опасности[2].

Так вот, если наши современники могут рассуждать и заблуждаться так, то можно предположить, что первобытные люди должны были ещё скорее делать это и утверждать, что табу произошли от очень распространённой и естественной ошибки, состоящей в том, что устанавливают причинную связь между двумя последовательными явлениями.

Обычно первое из этих явлений бывало «безразличным», а второе — зловещим; таким образом, первое как бы давало выход скрытой до него гибельной силе; убеждение в этом распространялось в силу человеческого легковерия и передавалось потом по преданию.

Однако существуют известные табу, охраняющие личность, табу всеобщие и очень широкие, и их происхождение нельзя искать в логических ошибках и опрометчивых обобщениях. К ним принадлежат те, в основании которых лежит ужас перед пролитием крови родича; их формулы: «Не убивай человека твоей крови»; «Не насилуй девушки твоей крови». Это древние зачатки этических чувств — уважения к чужой жизни, отвращения к кровосмешению и чувства стыдливости. В самом деле, табу крови или жизни должно существовать, по крайней мере, в зачаточном виде, у животных, особенно у тех, которые живут стадами: нельзя представить себе никакого общества, хотя бы животного, без некоторого уважения к чужой жизни. Стало быть, такое табу свойственно не исключительно человеку: корни его, как и самого человечества, выросли ещё на почве животного состояния. Для его объяснения, может быть, достаточно обратиться к общей теории отбора. Группа животных лучше сопротивляется разрушительным воздействиям, чем изолированные животные. «Горе одинокому!» писания приложимо не только к людям, и борьба за существование создаёт союз ради поддержания существования[3].

Итак, если у известных животных развился социальный инстинкт, они имеют больше шансов избегнуть гибели и передать свои качества потомству, чем их несоциальные родичи. А социальный инстинкт, как мы уже видели, во всех стадиях развития создаёт табу крови для особей одного вида, живущих обществом. Итак, существование защитных табу можно отыскать за много веков до возникновения человеческих обществ; становится понятным, как первобытный человек мог создать для себя множество запретов и ограничений: для него, так сказать, служили образцом отдалённейшие животные предки.

---

[1] Первый поместный сбор в Милане в 1665 году предписал епископам налагать наказание на тех, кто, предпринимая, начиная или продолжая путешествие, или какое-нибудь другое дело, станет обращать внимание на числа месяца, дни недели, часы дня. Это не мешает тому, что европейские экспрессы, которыми пользуются богатые и образованные люди, бывают менее переполнены 13 числа и по пятницам.

[2] Таким же образом, если римляне считали «тяжёлым днём» годовщину их поражения при Алии, то это значило приблизительно, следующее: опыт (!) показал нам, что не следует ничего предпринимать в этот день.

[3] Де Вогюэ противопоставлял эти понятия в своей речи на международном конгрессе земледельческих синдикатов; но противоположность эта лишь кажущаяся: есть тесная связь между обоими явлениями.

Н. Румянцев

Сошествие святого духа на апостолов

Заключительной главой новозаветной истории Иисуса, как известно, является рассказ о сошествии святого духа на апостолов. Современные исследователи этой истории почему-то очень мало уделяют внимания данному рассказу, касаются его вскользь, мимоходом, и за малыми исключениями освещают его односторонне, порой даже неправильно. Поэтому, быть может, будет нелишним остановиться на нём несколько дольше и посмотреть, из какого материала, почему и как он был создан.

Для этого обратимся к «Деяниям апостолов» — произведению, автором коего раннехристианское предание и церковь считают евангелиста Луку.

В первой главе этих «Деяний» Лука (условимся так называть автора) повествует о последовавшем на сороковой день после воскресения Иисуса его вознесении на небо, причём приводит данное им ученикам повеление: «Не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от отца, о чём вы слышали от меня. Ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены духом святым».

Во второй главе он рисует уже самую картину исполнения этого божественного обетования:

«При наступлении дня пятидесятницы все они (ученики Иисуса) были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все духа святого, и начали говорить на иных языках, как дух давал им провещевать.

В Иерусалиме же находились иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришёл в смятение, ибо каждый слышал их, говорящих на его наречии. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сие говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились парфяне, и мидяне, и эламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилегающих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты (обращённые из язычников), критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах божиих?

И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? а иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина.

Пётр же, ставши с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им...»

Следует длинная проповедь мифического апостола Петра, вся пересыпанная ветхозаветными «пророчествами», в результате коей будто бы перешло в христианство «душ около трёх тысяч» (2:1-41).

Таков рассказ Луки, и смысл его сводится к следующему: в пятидесятый день после пасхи или воскресения Иисуса, когда все ученики его находились в каком-то доме в Иерусалиме, раздался сильный шум, и на них сошёл дух святой в виде огненных языков. Следствием этого сошествия было то, что ученики сразу приобрели способность говорить на чужих, иностранных языках, что тогда же заметили собравшиеся на шум возле дома пришельцы со всех концов земли: каждый из них с удивлением услышал, что апостолы говорят на их языках.

Нет сомнения, что евангелист, сообщая об этом чуде, хотел показать, как Иисус подготовил своих учеников на проповедь его учения по всему миру, для каковой проповеди мыслилась будто бы необходимость уметь говорить на всех языках, а это умение предполагало особую благодать — пребывание святого духа.

Не будем пока разбирать сути данного рассказа Луки, а спросим: что сообщают об этом или о подготовке Иисусом учеников на мировую проповедь другие евангелисты?

Матфей, рассказав о воскресении Иисуса, продолжает далее:

«Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус. И, увидев его, поклонились ему, а иные усомнились. И, приблизившись, Иисус сказал им: дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа, уча их соблюдать всё, что я повелел вам, и се, я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (28:16-20).

Вот и всё. Как видим, нет ни слова ни о вознесении Иисуса, ни об обещании послать ученикам духа святого, ни о сошествии последнего, ни о наделении их даром говорить на иностранных языках. Больше того, даже самая мысль об этом исключается: Иисус прямо говорит ученикам: идите и учите. Таким образом, перед нами **противоречие**: Матфей противоречит Луке и делает его рассказ о «сошествии» излишним. Противоречие это идёт ещё дальше, так как первый евангелист местом явления и беседы Иисуса называет Галилею, т.е. северную область Палестины, у Луки же всё разыгрывается в Иерусалиме и его ближайших окрестностях. Разница в нескольких десятках вёрст.

Точно так же, даже хуже, дело обстоит с евангелистом Марком, сообщающим вместе с Лукой о вознесении Иисуса на небо.

Рассказав о явлении воскресшего двум ученикам, Марк далее повествует так:

«Наконец явился (Иисус) самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим его не поверили. И сказал им: «Идите по всему миру и проповедуйте евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасён будет, а кто не будет веровать, осуждён будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим будут изгонять бесов, **будут говорить новыми языками**, будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им, возложат руки на больных и они будут здоровы. Итак, господь после беседования с ними вознёсся на небо и воссел одесную бога. И они пошли проповедовать везде при господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями» (16:14-20).

Опять ни слова о сошествии святого духа, опять простое «идите по всему миру и проповедуйте евангелие **всей** твари». И это молчание тем более странно, что Марк касается способности «говорить новыми языками», но эта способность вытекает у него просто из перехода в христианство: кто верует, тот и будет говорить, равно как творить разные чудеса. Следовательно, **и Марк противоречит Луке.**

Как будто иначе обстоит дело с четвёртым евангелистом — Иоанном: последний, подобно Луке, сообщает о наделении учеников духом святым. Как же Иоанн рисует самый процесс этого наделения, так же, как Лука?

Нет!

«В самый день воскресения Иисуса, — рассказывает он, — когда ученики сидели, запершись в комнате, вдруг среди них показался воскресший учитель и приветствовал их словами “мир вам!” Затем он показал им свои пронзённые руки, ноги и рёбра и сказал им вторично: “Мир вам! Как послал меня отец, так и я посылаю вас”. Сказав это, **дунул** и говорит им: “Примите духа святого. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся”».

Далее идёт сцена с Фомой «неверующим», касаться которой мы не будем (20:21-23).

Что же перед нами? Картина, совершенно непохожая на рисуемую в «Деяниях» Лукой! Последний сообщает, что дух святой сошёл на учеников в виде огненных языков и прочее, Иоанн утверждает, что Иисус просто «дунул» и этим «дуновением» наделил апостолов духом святым.

Пытаться согласовать, примирить эти два рассказа, события которых, заметим кстати, разделены вдобавок пятидесятидневным периодом, — дело безнадёжное. Вместо всего этого сделаем маленькую сводку подмеченного нами у всех четырёх евангелистов, подведём итоги.

Итоги, думается, получились довольно неутешительные для евангелистов, особенно же плачевны они для Луки с рассказом его «Деяний». Оказывается, что в данном случае **все евангелисты противоречат друг другу:** Матфей и Марк совершенно не знают никакого ниспослания Иисусом духа святого и противоречат Луке с Иоанном, и наоборот, Иоанн и Лука говорят о наделении, но рисуют совершенно различные и разновременные картины, причём противоречат один другому.

Всё же три евангелиста вместе и порознь свидетельствуют против рассказа Луки о сошествии святого духа, и этот рассказ, как говорится, повисает в воздухе.

Вскрыв, таким образом, противоречия у всех евангелистов, говорящие отнюдь не в пользу превозносимой церковниками «боговдохновенности» и «непогрешимости» новозаветных писаний, займёмся теперь самым рассказом Луки.

Как нам относиться к нему: видеть ли в нём описание некогда бывшего, действительного события или же считать его предметом религиозной фантазии, вымыслом, мифом?

Думается, колебаний или сомнений быть не может: перед нами самый обычный, самый типичный миф, являющийся частью того, что теперь называется евангельской или новозаветной мифологией.

Правда, наша отечественная теология барахтается в потугах отстоять целиком реальность разбираемого нами чудесного явления и достоверность рассказа о нём «Деяний». Желающих ознакомиться с её «аргументами» мы отсылаем хотя бы к сборнику М. Борисова, сами же укажем только, что не столь наивная протестантская теология, давно распрощавшаяся со многими новозаветными историями как таковыми, по-иному смотрит на дело. Даже наиболее консервативные и реакционные представители её отбрасывают почти все детали рассказа и историческое «зерно» его видят только в массовом экстазе и слуховой галлюцинации (обман слуха). Прочие теологи не отваживаются теперь и на это и соглашаются, что мы имеем дело с мифом и только мифом.

Что это так, легко убедиться. Мы возьмём одну сторону вопроса, — покажем, из какого материала фабриковалась автором «Деяний» разбираемая нами «история».

Один из источников её выдают сами «Деяния».

Апостол Пётр, — устами которого говорит здесь, конечно, сам автор, — обращаясь с упомянутой нами речью к собравшейся около дома и недоумевающей перед чудом толпе, начинает её так:

«Мужи иудейские, и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они (ученики) не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня, но это есть предречённое пророком Иоилем:

“И будет в последние дни, говорит бог, излию от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов моих и на рабынь моих в те дни излию от духа моего, и будут пророчествовать. И покажу чудеса на небе вверху, и знамение на земле внизу, кровь и огонь, и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде, нежели наступит день господень, великий и славный. И будет, всякий, кто призовёт имя господне, спасётся”».

«И будет после того, излию от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от духа моего. И покажу знамения на небе и на земле:

кровь и огонь, и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде, нежели наступит день господень, великий и страшный. И будет: всякий, кто призовёт имя господне, спасётся» (2:28-32).

Мы нарочно привели соответствующее место Иоиля так, как оно даётся Петром-Лукою (вверху) и как оно читается в ветхом завете (внизу). Бросающиеся в глаза при сопоставлении текстов несовпадения показывают, что, несмотря на якобы полученную благодать говорить на разных языках, Пётр-Лука не знает даже еврейского языка и предпочитает пользоваться не еврейским оригиналом ветхого завета, а его греческим переводом. Это один из промахов автора «Деяний».

Итак, само «писание» давало Луке мотив ниспослания духа святого. Это же место Иоиля имелось в виду в «Деяниях» там, где якобы Иисус говорит об обетовании «отца» ниспослать духа святого, напр., в словах: «Ждите обещанного от отца, о чём вы слышали от меня (Деян.1:4).

В таком случае возникает вопрос: откуда же автор «Деяний» заимствовал прочий материал и детали для своего мифа?

Историческая наука открыла и этот секрет Луки. Оказывается, что последний в данном случае заимствовал или использовал одно из произведений еврейского писателя-философа, александрийца Филона (жил с 25 г. до и по 41 г. после начала нашей эры).

В своём сочинении «О десяти заповедях» (9, 11) Филон приводит древнееврейское сказание о чуде во время Синайского законодательства, когда будто бы бог передавал Моисею и народу свои заповеди и закон. Он пишет там:

«Думаю, что именно в то время бог сотворил священнейшее чудо: в воздухе послышался невидимый голос..., который колебал воздух, заставлял его принимать определённые формы, превращал его как бы в огненные, пламенные языки, и производя шум, как при прохождении воздуха через трубу (муз.), сам собою произносил такую членораздельную речь, что она казалась одинаково хорошо слышимой стоявшим вдали и вблизи... Эту новосозданную, разносящуюся кругом речь вызывала и проникла сила божия (дух святой), последняя, изливаясь или нисходя повсюду, делала голос этот столь явственным, — что он воспринимался душами как-то лучше, чем через органы слуха... Голос этот раздавался из середины нисходящего с неба огня и наводил страх, причём пламя (огненный язык) превращалось в язык (речь), понятный для слушателей».

В дополнение к этому сказанию, очевидно, приведённому Филоном не целиком, до нас дошла ещё одна подробность, — будто тот чудесный голос на Синае, имевший вид огненного языка, разделился сначала на семь, потом — на семьдесят голосов или языков, чтобы его могли слушать и понимать все народы, каковых семьдесят на земле насчитывали древние евреи.

Проф. В. Зольтау, приведя эту выдержку из Филона и дополнение к ней, пишет далее:

«После этого не подлежит сомнению, что рассказ "Деяний" о сошествии святого духа на празднике пятидесятницы-троицы имелся уже в иудейском сказании об откровении бога Моисею. В рассказе "Деяний" об этом сошествии ***шум с неба, разделение языков, огонь, речь на понятном для всех народов языке*** (курсив его) содержится точно так же, как и в иудейском предании.

Вся христианская история о сошествии святого духа является лишь перенесением на соответствующий христианский момент иудейского сказания о возвещении богом закона, каковое возвещение (в эпоху после разрушения храма) праздновалось иудеями в день пятидесятницы-троицы».

Таков второй и главный источник, откуда автор «Деяний» почерпнул большую часть материала для своего рассказа, — большую, но не всю, как спешит уверить нас В. Зольтау.

Теперь, когда мы знаем основные источники Луки, нам легко понять, почему и как он строил свой миф.

Приступая к написанию своего второго труда — «Деяний», — Лука, определённо претендующий на звание историка, ставил перед собой цель — нарисовать картину начального распространения христианства по греко-римскому миру, якобы связанную с деятельностью апостолов и их учеников после смерти Иисуса.

Подготовляя к этому читателя ещё в конце своего евангелия, он связывает последнее с «Деяниями» посредством первой главы их, а именно рассказами-мифами о явлении воскресшего учителя ученикам, о его наставлении им и вознесении на небо, а также об избрании некоего Матфея на место умершего мифического предателя — Иуды.

Затем во второй главе он переходит уже к своей прямой теме, — к истории необыкновенно быстрого распространения христианства. Здесь пред ним должно само собой встать затруднение: успех проповеди среди многочисленных народов древности, да и она сама предполагали как одно из условий знание учениками многих языков. Евангелия такого знания у них не отмечают, наоборот, рисуют их бедными и невежественными людьми. Возникла необходимость вывести на сцену божественное вмешательство (иного выхода не было!), чудо, наделение проповедников «многоязычной» благодатью святого духа, на что намекал уже Марк. Больше того, было желательно не только вывести это чудо, но и сразу же наглядно показать результат или следствие его на массе разноязычных слушателей. Для этого, опять-таки, требовалось куда-то и когда-то их собрать в одно место, короче: создать подходящую обстановку.

Как всё это сделать, где взять соответствующий материал?

Вопрос с местом решался просто, так как удобнее всего было избрать Иерусалим, который подходил потому, что якобы там был распят Иисус, а проповедь его учеников должна была начаться вскоре же после его смерти. Сюда привходили ещё два момента: стремление Луки выставить именно этот город исходным пунктом христианства, а также влияние вышеприведённого места пророка Иоиля, кое заканчивается словами: «Ибо на горе Сионе и в **Иерусалиме** будет спасение, как сказал господь, и у остальных, кого призовёт господь».

Вопрос со временем тоже был не так труден, переплетаясь с необходимостью присутствия в Иерусалиме разноязычной массы народа. Это могло быть, скорее всего, в дни больших годовых праздников, когда, по закону туда, должны были приходить в храмы все поклонники Яхве, со всех концов тогдашнего мира; таковых праздников было три: пасха, пятидесятница и праздник кущей-палаток.

Пасха уже была использована всеми евангелистами, в том числе и самим Лукой, для мифа о распятии и воскресении Иисуса; праздник кущей был слишком далёк, так как, будучи связан со сбором плодов в садах, он падал на осень. Оставалась одна только пятидесятница, наименее удобная, так как вследствие краткости времени между ней и пасхой — пятидесяти дней, а также трудности и дорогой стоимости тогдашних дальних передвижений, на неё меньше всего посещали Иерусалим внеиудейские верующие.

Но выбора не было, и Лука должен был остановиться на этом празднике, что повлекло у него, как своё логическое следствие, неизбежное насилие над истиной. Не сознавая или умышленно забывая о малопосещаемости Иерусалима чужеземцами на пятидесятницу, он выводит их на сцену и собирает вокруг дома апостолов огромной разноязычной толпой, якобы сошедшейся со всех, даже самых дальних, концов известных тогда частей света: Азии, Африки и Европы. Пользуясь случаем блеснуть своими географическими познаниями, как в других местах — историческими (и всегда неудачно!), он перечисляет нам целых два десятка названий, причём и здесь допускает ряд оплошностей или курьёзов.

Благодаря всему этому у него получаются не только место, время и действующие лица, но и необходимый дополнительный, наиболее характерный, материал для мифа.

Древнееврейская пятидесятница по своему происхождению и подкладке была чисто хозяйственным праздником, связанным с жатвой пшеницы и вообще с окончанием всего пятидесятидневного (от первого появления «серпа в поле» — жатвы ячменя — пасхи) жатвенного периода. Впоследствии жречество (как всегда и везде) постаралось придать ему ещё иной, историко-религиозный, характер и связать его с никогда не бывшим в действительности Синайским законодательством.

Когда Лука остановился на этом празднике, ему, естественно, должно было прийти на память отражающее представление грозового или вулканического характера сказание о чуде на Синае, где якобы при шуме и грохоте с неба изливалась как бы огненная сила — дух божий — и звучал глас божий, принимавший вид сначала одного, а потом — семи и семидесяти огненных языков и наречий, понятных всем народам. Это связанное со схождением духа божия и «многоязычием» или «всеязычием» сказание как нельзя более кстати подходило автору «Деяний», и он взял его из соответствующего труда Филона, причём переработал сообразно своим целям и выводимым действующим лицам.

На помощь ему здесь приходили также широко распространённые в древности представления о связи между духом божиим, дуновением-ветром-воздухом, огнём и вином. Первые мотивы ясно видны в самом рассказе, последний же мотив, находящий своё отражение, например, во взгляде древних, что опьянение связано со вхождением бога-духа («спирт» происх. от лат. «spiritus» — «дух») и духа божия в человека, — этот мотив Лука провёл в виде намёка. Его мы имеем в якобы насмешливых словах некоторых из толпы по адресу учеников: «Они напились сладкого вина», а также в довольно неудачном «аргументе» мифического Петра в начальных словах его речи: «Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня», — девятый час утра по нашему счёту.

Таким образом, у автора «Деяний» в руках были все необходимые элементы для рассказа, а составленный им план труда, да и самый ход вещей, диктовал ему, как эти элементы обработать, скомбинировать и расположить в цельную мифологическую картину. Но этого всё же было мало: надо было картине этой или рассказу придать печать непререкаемой истинности, освятить её, обосновать на «писании», показать, что рисуемое в ней событие является непреложным исполнением данных ему ранее богом обетований.

Для этого автор привлекает и использует вышеприведённое место Иоиля.

Насколько Луке удалось справиться со своими материалами и задачей, — предоставляем судить читателю, но факт остаётся фактом: миф «Деяний» о сошествии святого духа на апостолов является плодом тенденциозной христианской переработки сохранённого у Филона древнееврейского сказания о чудесном возвещении богом закона на горе Синае, а также ветхозаветного «пророчества» Иоиля и ряда других мотивов. На примере этого мифа мы лишний раз видим, как фабриковалась «история» никогда не существовавшего в действительности основоположника христианской религии — Иисуса, и какова историческая достоверность новозаветных писаний.

Георг Крамер

Краткие жития
наместников апостола Петра[1]

Утверждение католической церкви, будто христос назначил Петра своим преемником, является выдумкой, основанной на 16:18 Матфея, оказавшемся вставкой церковных интерполяторов. Столь же фантастичным является утверждение, будто Пётр был первым римским епископом. Первоначально все епископы были равноправны и все носили звание папы. Рим, однако, был в первом христианском столетии столицей римской мировой империи. Поэтому римский епископ пользовался более значительным влиянием и почётом, чем остальные епископы. Благодаря ловкости и хитрости римских епископов, благодаря многим благоприятным обстоятельствам, среди которых особенное значение имели невежество и темнота европейских народов, авторитет римского папы постепенно поднялся на такую высоту, что его начали считать наместником бога, которому должны подчиняться даже императоры и короли. Могущество пап держалось на суеверии, невежестве и обмане. Уже Виктор I, бывший епископом с 189 по 198 г., начал предъявлять претензии на руководящую роль в христианском мире. Играя активную роль в той борьбе вокруг празднования пасхи, которая в течение десятилетий волновала молодое христианское общество, Виктор I отлучил от церкви те азиатские общины, которые праздновали пасху не в воскресенье, а в день ветхозаветной пасхи. Его второй преемник Калликст I (217-222) имел весьма сомнительное прошлое. Ему приписывались тёмные ростовщические операции. Уже ему пришлось иметь дело со вторым претендентом на звание папы, с антипапой Ипполитом. Именно Калликст первый начал ссылаться на апостола Петра в своих претензиях на право верховного судьи во всяких спорах и недоумениях, которые раздирали начинавшую складываться христианскую церковь. Знаменитый Тертуллиан, епископ карфагенский, «изливал, по словам одного историка церкви, целые потоки злобных ругательств и ядовитых насмешек по поводу претензий римского епископа на первенство». Несмотря на то, что Калликст и Ипполит вели между собой жестокую борьбу, несмотря на их разногласия по вопросу об отпущении грехов, оба они считались папами, оба они канонизированы католической церковью. Ипполит вёл борьбу и с Урбаном I (223-230), и с Понтианом (230-235), пока, наконец, языческий император не сослал обоих враждующих «наместников христа» на остров Сардинию, где они, вероятно, вскоре и умерли. Однако немного лет спустя появилось снова два римских епископа, претендующих одновременно на звание папы, Корнелий и Новациан. Новациан с лютой ненавистью преследовал своего конкурента и вопил о «хитрости, лживости, вероломстве этой коварной и бессовестной скотины». Вот как обстояло дело на верхах церкви уже в те отдалённые времена! Стефан I (254-257) тоже предъявлял претензии на первенство среди епископов, ссылаясь на апостола Петра, однако он встретил резкое противодействие со стороны епископа карфагенского (в Африке) Киприана.

[1]Настоящая статья представляет собой извлечение из брошюры Г. Крамера («Грехи паи»), выдержавшей в Германии несколько изданий (с тиражом в 30 000 экземпляров). В ней приведены сухие факты, характеризующие облик тех людей, которые стояли во главе самой реакционной, самой мракобесной организации, какую знает история человечества, во главе католической церкви. Читатель не найдёт здесь марксистского анализа истории папства, здесь не освещаются социальные и экономические пружины, которые выдвинули католическую церковь, это детище средневекового феодализма, и превратили её в мировую силу, здесь не вскрыта классовая природа папства, этого рясоформного эксплуататорского чудовища. Тем не менее, факты, в обилии приводимые в ней, великолепно иллюстрируют изнанку елейных и душеспасительных фраз, которыми церковь дурачила и продолжает дурачить свою паству. **От редакции.**

Стефан обрушился на Киприана, обзывал его и лжехристом, и лжеапостолом, и интриганом и, в конце концов, отлучил от церкви африканских епископов, бывших на стороне Киприана.

Во время гонения на христиан при императоре Диоклетиане многие христиане отреклись от своей веры, и даже папа Марцеллин (296-304) ради спасения своей жизни воскурил фимиам языческим божествам. На соборе в Синуэссе Марцеллину пришлось в присутствии 300 епископов покаяться в своих прегрешениях. Папа Марцелл I (308-309) с таким бешенством обрушился на отступников от христианства, которых было очень много, что среди самих христиан начались кровавые распри. Языческий император Максентий изгнал Марцелла, его преемника Евсевия и конкурента обоих, антипапу Ираклия.

Епископ Сильвестр I, по имени которого называется у католиков новогодний канун, был современником первого вселенского церковного собора в Никее (325 г.), который призван был положить конец борьбе вокруг вопроса о божественности Иисуса. Благодаря угрозам и воздействию императорской власти победил догмат о единосущности Иисуса богу. В эти-то годы христианство было превращено императором Константином, который опозорил себя убийством жены, родных и многими другими злодеяниями, в господствующую религию. В IV веке имели место жестокие гонения на язычников. С именами Сильвестра и Константина связан один из величайших шантажей в истории человечества, а именно, поддельный документ, представлявший собой якобы дарственную запись Константина, в которой рассказывалось, будто Константин, крещённый Сильвестром и исцелённый им от проказы, передал ему за это власть над всей церковью, над Италией, Римом, над всей Зап. Европой. В течение всего средневековья документ этот считался подлинным, и папы бесчисленное множество раз ссылались на него. Д-р Энгерт говорит: «Стефан II приказал подделать (вернее, изготовить) Константинов дар в своей канцелярии перед своим отъездом во Франкскую землю в 763 году. Этот поддельный документ имел огромнейшее влияние в церковных и политических спорах средневековья. Истинный характер этого документа, подложности которого не отрицают ныне даже католические учёные, был разоблачён только Лоренцо Валлой в 1440 г. (хотя ещё в 1443 г. об этом осмелился заговорить Николай Кузанский[1]). Епископ (папа) Либерий (322-366) был изгнан императором Константином из-за религиозных споров. Константин посадил епископа Феликса II. Последний, несмотря на то, что он вместе с римским клиром торжественно поклялся не выбирать никого на место изгнанного Либерия, принял назначение Константина. «Этот епископ — клятвопреступник... упоминается и поныне как святой в католическом требнике», — горестно замечает один историк папства. После того, однако, как Либерий подписался подо всем, чего от него требовал Константин, последний прогнал Феликса. После смерти Либерия за папский престол боролись два епископа, Дамазий I и Урсин. Дело доходило до уличных побоищ, так что немалому количеству людей эта борьба двух претендентов стоила головы. «Трудно сказать, кому из этих двух позорных претендентов следовало отдать предпочтение, престол во всяком случае достался худшему (Дамазию)», — говорит Шпиттлер в своём труде «Папство». Бонифаций I (418-422), сын священника, был посажен императором Гонорием. Он первый совершенно отчётливо провозгласил римского епископа главой христианства, не встретив, однако, признания в христианском мире. Лев I (440-461) пытался уже обосновать первенство римского епископа на ложном утверждении, будто римские епископы являются преемниками апостола Петра, старшинство которого было признано самим Иисусом. С ним тщетно спорили св. Иларий и африканские епископы. В конце пятого века происходил жестокий спор насчёт природы христа между Феликсом III и Акакием, патриархом константинопольским, которые взаимно анафематетвовали друг друга. Это послужило поводом к

[1] **Николай Кузанский** (1401-1464) — кардинал, богослов и философ. В своих сочинениях он обнаружил свою свободу от средневековой схоластики, в них проглядывают даже зачатки материализма.

первому расколу в христианской церкви. Симмах (498-514) смог одолеть антипапу Лаврентия лишь с помощью остготского короля Теодориха. Это он сделал «Pallium», шерстяную мантию, отличительным одеянием римских епископов. Впоследствии так называемые «сборы папской мантии» играли роль одного из главных доходов папской казны. Иоанн I (523-526) был послан Теодорихом в Константинополь, чтобы упросить императора Юстиниана пощадить ариан, к которым принадлежал сам Теодорих. Папа, однако, действовал здесь в совершенно противоположном духе, за что он по возвращении был посажен в темницу, где и умер. Феликс IV (526-530) был посажен Теодорихом. Последний, однако, утвердил на будущее время за римским народом и духовенством право выбора папы, оставив за королём лишь утверждение избранника клира и мирян.

Бонифаций II (530-532) имел антипапой Диоскура, который скоро умер. Бонифаций отлучил покойника от церкви. Однако преемник Бонифация, Агапет, отменил это отлучение и приказал сжечь отличительную буллу Бонифация в церкви всенародно. Кто же из них был непогрешим? Сильверий, сын папы Гермизда, был посажен готским королём, однако распутная императрица Феодора, жена Юстиниана, выдвинула своего антипапу Вигилия (537-555). Велизарий, полководец Юстиниана, сослал Сильверия на остров Пальмарию, где он кончил свою жизнь в нищете и забвении. Проф. Крюгер пишет: «Пребывание жалкого Вигилия на папском престоле было временем глубокого упадка папского авторитета». Император Юстиниан потребовал от Вигилия осуждения «трёх глав», трёх сочинений, в которых доказывалось, что Иисус имеет божественную и человеческую природу. Вигилий осмелился сделать это вначале только тайно, но вскоре он и опубликовал это осуждение в своём послании к константинопольскому патриарху. «Вся Зап. Европа поднялась против папы, а африканские епископы отлучили его от церкви». Папа взял назад своё осуждение, но, тем не менее, втайне дал клятвенное обещание и впредь отстаивать осуждение «трёх глав». На общий собор в Константинополе (553) папа всё же отправил послание с защитой трёх глав. «Тогда Юстиниан сообщил собору о прежнем тайном согласии Вигилия на осуждение трёх глав, после чего собор по требованию императора большинством голосов постановил вычеркнуть имя папы из церковных книг». Вигилий подчинился. По дороге в Рим он скончался. Старокатолический священник Рикс называет в своей «Истории христианской церкви» поведение Вигилия «бессмертным свидетельством папской погрешимости». Пелагию I (555-560) пришлось под давлением императора Юстиниана снова осудить упомянутые «три главы», чем он, однако, навлёк на себя обвинение в ереси. Григорий I, прозванный Великим (590-604), был большим другом монахов и монастырей, в которых он совершенно резонно видел великолепное орудие папизма. Он освободил их от епископского надзора, он увеличил их влияние насаждением культа святых и мощей. Этот же папа первый провозгласил причастие подлинным воспроизведением или реальным повторением жертвы христовой на кресте, он создал учение о чистилище, он ввёл в церковную практику заупокойные или поминальные обедни, которые впоследствии приносили церкви чудовищные доходы. Он защищал также культ икон как «вспомогательное средство для невежд». Он называл себя самого servus servorum dei, т. е. «рабом рабов божиих». Отвратительным низкопоклонничеством добился он благосклонности захватчика и убийцы Фоки, который сделался императором в Константинополе ценой убийства Мавридия, его жены, его пяти сыновей и трёх дочерей. Это чудовищное преступление вызвало порицание даже со стороны константинопольского патриарха, Григорий же, напротив, немедленно послал Фоке своё поздравление и пожелание счастья. Послание его начиналось словами: «Слава в вышних богу, который, как сказано в писании, изменяет времена и низвергает троны». Григорию, таким образом, удалось опередить своего соперника в лице константинопольского патриарха и укрепить своё положение. Именно со времён Григория была введена чёрная одежда в качестве постоянного священнослужительского одеяния, при нём также стала общераспространённой

тонзура как символ смирения. Сабиниан (604-606) вызвал всенародное недовольство скупостью, которую он проявил в голодное время. Вот почему, когда он умер, его пришлось похоронить тайком за городскими стенами, дабы спасти его тело от растерзания разорённой толпой. Гонорий I (625-638) был за свои воззрения на природу христа анафематствован вселенским константинопольским собором (631) как «еретик». Папа Лев II и позднейшие папы подтвердили это отлучение Гонория. Его правоверие было подвергнуто сомнению ещё епископом Гефеле из Роттенбурга на ватиканском соборе. Итак, «непогрешимый» папа оказался еретиком.

Фёдор I (642-649), сын епископа, проклял на одном соборе в Риме константинопольского патриарха за его воззрения на природу христа, Мартин I (649-653) проклял всех, кто верил лишь в одну божественную природу христа, за это, однако, он был арестован императором Констанцием и увезён в Константинополь. Здесь его, наверное, казнили бы, если бы отлучённый Мартином и другими папами патриарх Павел, умирая, не вымолил ему помилования. Тем не менее, Мартин умер в изгнании. Виталиан (657-672) отлучил от церкви архиепископа равеннского, который, в свою очередь, отлучил Виталиана. При Григории II (715-731) разгорелось знаменитое иконоборческое движение, вдохновлявшееся императором византийским Львом Исавром. Григорий начал через монахов возмущать население против императора, которого он объявил еретиком. Он подстрекал народ к отказу от платежа податей, он призывал его к неповиновению, к борьбе со «впавшим в ересь» императором. Григорий также снова предал анафеме константинопольского патриарха. Он уполномочил Бонифация обратить германцев в христианство с тем категорическим условием, однако, чтобы анастазианское учение о божественности Иисуса христа истолковывалось Бонифацием в духе папских воззрений, чтобы во всех сомнительных случаях Бонифаций обращался за советом в Рим. Действовавшие до этого времени в Германии священники были сторонниками арианства и знать не хотели о первенстве римского епископа. Бонифацию пришлось в 723 г. снова явиться в Рим и торжественно поклясться в своём повиновении римскому папе. Так было положено начало подчинению Германии папскому престолу. За это Григорий III (731-741) возвёл Бонифация в сан архиепископа и дал ему звание примаса (главы) немецкой церкви. Бонифаций сумел убедить франкских епископов на соборе в 742 г. в необходимости признать свою полную подчинённость св. Петру и его преемникам. «Он пытался также путём насилия и церковных репрессий ввести в Германии целибат. Этот Бонифаций обвинил Вигилия, епископа зальцбургского, в ереси за то, что тот признавал шарообразность земли и существование антиподов. Папа Захария, естественно, отверг это “вредоносное” учение и пригрозил “анафемой”» (Энгерт). Григорий, теснимый лангобардами, тщетно умолял франкского канцлера Карла Мартелла о помощи. Вскоре, однако, сыну Карла, Пипину Короткому, понадобились папские услуги. Он вздумал занять место неспособного Хильдериха, короля франкского из династии Меровингов. Пипин получил санкцию на захват престола у папы Захарии (741-752). Хильдерих был низложен и заточён в монастырь. Папа Стефан III (752-777) съездил к Пипину, торжественно помазал его в короли и под угрозой строжайших церковных кар запретил франкам избирать себе королей из другого рода. Снова трогательный союз папы с захватчиком престола! Пипин, разумеется, стал называть себя королём «божией милостью». Союз папы с родом Пипина, к которому принадлежал также и Карл Великий, положил начало мировому владычеству папы и был для Германии большим несчастьем. Именно благодаря Пипину папа сделался также и светским властителем, ибо Пипин подарил ему отвоёванную двумя походами у лангобардов Италию, принадлежавшую, по существу, византийским императорам. Тем самым Пипин заложил основы церковного государства пап, продержавшегося до 1870 г. Папа, разумеется, без всяких околичностей принял подарок Пипина, нимало не считаясь с претензиями византийского императора. Германцы, таким образом, вели борьбу с германцами (франки с лангобардами) в интересах папы! Для того чтобы побудить Пипина к походу в Италию, Стефан III привёз с собой

Пипину письмо, которое якобы ему дал сам апостол Пётр, в котором тот обещал Пипину победу над лангобардами и, напротив, грозил отлучением от царства божьего в случае, если он откажет его наместнику в помощи. Это послание, разумеется, было самой дерзкой и вместе с тем самой топорной подделкой! Лангобарды в 676 г. провозгласили папой одного из своих, Константина II, однако папа Стефан IV (768-772) приказал выколоть ему глаза. На соборе в Латеране (769) несчастный Константин покаялся в своих прегрешениях и коленопреклонённо умолял о прощении. Епископы били его, плевали ему в лицо и в заключение вышвырнули его из церкви.

Не лучше поступили и с одним из его сторонников, епископом Фёдором, у которого выкололи глаза, отрезали язык, и которого уморили голодом. В VIII веке Иерусалим и Северная Африка попали в руки магометан, что избавило пап от соперников в Иерусалиме и Африке. Адриан I (772-795) призывал на помощь против лангобардов Карла, сына Пипина, который подтвердил и даже увеличил дар Пипина Короткого.

Лев III (795-816) был прогнан из Рима его противниками, которые посадили его на осла спиной наперёд и в таком виде провели по всему Риму. Он бежал к Карлу, который помог ему вернуться в Рим. За это Лев в 800 г. венчал его в рождественскую ночь римским императором. С тех пор у немецких императоров установился обычай короноваться у папы в Риме. Карл ввёл также в своём государстве десятину в качестве церковного налога, тогда как церковные имущества он освободил от податей. Один церковный историк (проф. Гаук) так характеризует Льва III: «Это был маленький человек, повинный, вероятно, в клятвопреступничестве и вообще запятнанный тяжкими преступлениями».

Пасхалий I (817-824) венчал на царство Лотара, сына Людовика Благочестивого и внука Карла Великого, однако он вынужден был смиренно покориться распоряжению императора о произведении расследования по поводу расправы папы над двумя его противниками, которым он выколол глаза и которых он казнил. Евгений II (824-827) признал даже за императором право верховного надзора за папскими выборами. На клир и мирян возложена была ответственность за то, чтобы каждый папа перед своим посвящением присягнул в верности императору. Парижский собор в 825 г. высказался против почитания икон и получил одобрение папы. Григорий IV (827-814) оказал поддержку сыновьям Людовика Благочестивого, поднявшим бунт против Лотара.

После Льва IV (847-855) на папском престоле восседала якобы в течение 2 лет 5 месяцев женщина, папесса Иоанна, которая будто бы умерла, разрешившись от бремени во время крестного хода. Это, однако, является легендой, которая, правда, с XIII по XVII век пользовалась общим доверием. В действительности же, вслед за Львом IV папой был Бенедикт III (855-858). Его антипапа Анастасий разбил вдребезги все собранные Бенедиктом в соборе Петра иконы и статуи, ворвался в Латеран, сорвал с Бенедикта все знаки папского звания и жестоко избил его. Однако императорские чиновники прогнали Анастасия. Всё это хорошо рекомендует «наместников христа». В это именно время королём Этельвульфом был введён в Англии взнос, известный под названием «динария Петра».

В IX веке в Майнце появилась невероятно дерзкая подделка церковников, известная под названием Лжеисидоровых Декреталий (по имени жившего в VII веке епископа Исидора из Севильи). Эти Лжеисидоровы Декреталии заключали в себе, кроме других подделок, около 100 выдуманных и подложных посланий первых римских епископов, в которых папа провозглашается полновластным, непогрешимым главой церкви, в которых папе присваивается неограниченная власть над всеми «царствами земными». Эта подделка пользовалась огромным авторитетом в течение всего средневековья, на неё ссылались папы в своём стремлении к миродержавию, она была страшным орудием в их руках особенно в борьбе с церковными конкурентами. Николай I «великий», «святой», пользовался этой дерзкой подделкой, хотя он великолепно знал, что она является грубейшим подлогом. Вопреки истине, он утверждал, что подложные декреталии

«сохранялись до его дней в архивах римской церкви с древних времён». Подлог этот, однако, был разоблачён в XVI веке, и ныне его не оспаривают даже католики. Ссылаясь на эти декреталии, Николай навязал франкской церкви верховенство Рима. Он вёл ожесточённую борьбу с константинопольским патриархом и даже с самим императором. Папские эмиссары прокляли и того и, другого в 863 г. в алтаре собора св. Софии в Константинополе, «предав их вместе с их сторонниками в руки дьявола и аггелов его».

Так возникло великое разделение церкви на западную и восточную. Николай был также первым, кто осмелился отлучить от церкви самого императора, а именно Лотара. Адриан II (867-872) был женат и имел дочь. Несмотря на это, он воспретил браки духовенства, а на вормсском соборе (868) он провёл постановление, согласно которому никто не может оставить монастырь, если он был отдан туда ещё в детстве. Иоанн VIII (872-882) изъял низшее духовенство из светской подсудности и предоставил ему неограниченное право обращения к самому папе. Когда епископ неаполитанский приказал выколоть глаза своему брату Сергею, герцогу неаполитанскому, за его потворство сарацинам, Иоанн благословил этот подвиг совсем по-христиански: «И если глаза наши соблазняют нас, вырвем их». Епископа Афанасия, который поддерживал связь с сарацинами, он отлучил от церкви и отлучение это согласился снять лишь после того, как тот приказал задушить целую кучу знатных сарацин на глазах у папских легатов. Иоанна VIII убил молотком его родственник в 882 г.

Адриан III (884-885) ослепил Григория авентинского, а жену одного клирика он приказал бичевать нагую на улицах Рима. Формоз (891-896) был, ещё будучи епископом, отлучён от церкви Иоанном VIII. Очевидно, он достаточно наделал всяких хороших дел. Большой католический церковный словарь Ветцера и Вельте, в котором сотрудничали значительные католические профессора, священники и богословы, содержит следующие сведения об этом обстоятельстве (т. 4, стр. 1620): «30 июня 876 г. папа собрал в Риме новый собор, где по адресу Формоза раздались ещё более чудовищные обвинения: Формоз, мол, подвергал разграблению римские монастыри и, невзирая на интердикт, продолжал отправление святых таинств, он-де, в союзе с неподобными женщинами и богопротивными мужчинами, злоумышлял против римского престола. На основании этих обвинений Формоз был извергнут из священства без всякого права на восстановление». Позже, однако, отлучение было с него снято после того, как он торжественно поклялся не выступать против Рима, даже не помышлять зла против него и всю свою жизнь не возвращаться к исполнению епископских обязанностей. Ближайший папа Марин освободил, однако, Формоза от этого клятвенного обета, призвал его обратно в Рим и в 883 г. возвратил ему епископский сан. А в 891 г. Формоз сделался папой. Умер он в 896 г. В этом же году папой сделался самый ярый противник Формоза, Стефан VII, сын священника. «Он созвал собор из римского духовенства», так буквально сообщает католический церковный словарь, для того чтобы вершить страшный суд и беспощадную расправу над своим предшественником. Формоз был извлечён из гроба, в котором он покоился уже несколько месяцев, облачён в папское одеяние и посажен пред собором. В защитники ему дали дьякона. Покойник был осуждён как клятвопреступник за то, что он из жадности променял одно из епископств на другое. Затем у трупа отрубили три пальца, содрали с него папское облачение, одели его в мирскую одежду и, вытащив его за ноги из церкви, бросили его в Тибр. Все посвящения, исходившие от него, объявлены были недействительными». Вскоре, однако, толпа напала на этого папу-урода и ввергла его в темницу, где он впоследствии был удавлен. Когда через некоторое время труп Формоза выплыл, папа Фёдор II приказал восстановить Формоза в папском звании и объявил его посвящения, аннулированные Стефаном, действительными.

Стефан получил прозвище папы-гиены, тогда как один из его ближайших преемников, Бонифаций VI, который до своего восшествия на престол был уже раз лишён церковного звания за

распущенность, получил у Варония (XVI в.), церковного историка и кардинала, т. е. высокопоставленного католического церковника, прозвище «срамника». Лев V (903 г.) был папой всего 40 дней. Преемник его Христофор силой заставил его отречься от престола и, сделавшись папой, посадил Льва V в тюрьму, где тот и умер. Такая же судьба постигла, однако, и самого Христофора, с которым то же самое проделал Сергий III (904-911). Первая половина X века носит в истории название «эры публичных женщин». Ибо блудницы Теодора и две её дочери, Теодора и Марочия, полновластно распоряжались папским престолом, на который они сажали своих любовников.

Упомянутый уже благочестивый Вароний горестно замечает по этому поводу: «В этом веке на престоле Петра, которого даже ангелы боятся, восседали не папы, а настоящие чудовища, которые были посажены туда развратными бесстыжими проститутками. Они полновластно распоряжались епископскими кафедрами, они попирали ногами все старые обычаи, все каноны и декреты. Христос глубоким сном заснул в лодке Петра, и не было апостолов, которые разбудили бы его».

Папский престол оказался доступным для всякого, кто мог побольше предложить Теодоре и её дочерям. Епископ Радберт из Вероны горько жалуется на упадок нравственности среди духовенства и умудряется перечислить в своих жалобах такие извращения и гадости, которые могут быть понятны только самым матёрым распутникам. Сергий III сделался папой благодаря Теодоре и Марочии, Иоанн X (914-928) — благодаря своей любовнице Теодоре. Её дочь, однако, Марочия, приказала посадить его в тюрьму и задушить его там. Стефан VIII (929-931) тоже находился целиком во власти этих женщин.

Иоанн XI (931-936) был сыном проститутки Марочии и папы Сергия III Он был низвергнут другим сыном Марочии, Альберихом, заточён в крепость св. Ангела, где он и умер 19 лет от роду.

Через 18 лет папой сделался сын. Альбериха, т. е. внук Марочии, Иоанн XII (955-963). Вароний говорит, что это был, пожалуй, самый распутный из пап. Для него всё было позволено. Он любил охоту и лошадей, которых у него было великое множество. Он кормил их фисташками, миндалём и фигами, вымоченными в вине. Он насаждал в церквах светские песни, пляски и разнузданное веселье. Женщины не осмеливались показываться ему на глаза, ибо он обесчещивал подряд всех, девушек, жён, вдов, где бы он их ни заставал, даже у гробниц святых апостолов. Таким рисует его епископ кремонский, Люитпранд. Император Оттон I приказал одному церковному собору низложить этого распутника. На этом соборе Иоанна XII обвинили в том, что он произносил тосты в честь Венеры и дьявола, что он раздавал публичным женщинам церковное серебро, что он продавал епископские кафедры, что он посвящал священников у себя на конюшне, что он сожительствовал с наложницей своего отца, что он зарезал одного епископа.

Оттон посадил на его место немца, Льва VIII. Однако едва Оттон покинул Рим, как Иоанн сумел поднять бунт против нового папы, прогнал его из Рима и после жестокой расправы с противниками снова воссел на папский престол. Он поклялся в верности Оттону, однако уже через год он присягнул его противнику, маркграфу Адальберту. В конце концов, Иоанн XII был убит человеком, у которого он обесчестил жену. Бенедикт VI (972-974) был удушен в тюрьме, надо полагать, по наущению своего преемника, Бонифация VII. Последний, однако, вскоре должен был уступить престол Бенедикту VII (974-983). За этим последовал Иоанн XIV. Последний, однако, попал в руки Бонифация, который приказал его убить и через 10 лет снова сделался папой. Однако и Бонифаций был убит: толпа тащила его труп по улицам Рима и бросила его в Тибр.

Григорий V (996-999) наложил интердикт на всю Францию за то, что король Роберт не хотел развестись со своей женой, с которой он находился в 14-ой степени родства. Из-за этого-то родства Григорий объявил брак кровосмесительным, лишил звания архиепископа турского, совершавшего обряд венчания, и всех прелатов при этом присутствовавших. Во Франции было

прекращено всякое богослужение! Народ пришёл в отчаяние. Сама королева Берта начала умолять Роберта оставить её. И Роберту пришлось подчиниться. Интердикт, таким образом, был в те времена, благодаря невежеству населения, могущественным орудием в руках пап. Григорий имел антипапу в лице Иоанна XVI. Однако Оттон III приказал выколоть ему глаза, отрезать уши, нос и язык и, посадив на осла задом наперёд, провести его по улицам Рима. Сильвестр II (999-1003) был довольно крупным учёным, ему приписывают ряд изобретений, введение в Европе арабских цифр и маятниковых часов. Однако этого папу объявили находившимся в сношениях с дьяволом, который, как тогда рассказывали, в конце концов, и унёс его. Бенедикт VIII (1012-1024) имел антипапой Григория. Иоанн XIX (1024-1033) вообще не был духовным лицом: он купил себе папское звание и в один день прошёл все ступени церковной иерархии. И вот, несмотря на это, король Кнут Великий приезжал к нему из Дании, чтобы сговориться насчёт уплаты десятины и динария Петра. Бенедикт IX (1033-1045), племянник предыдущего, был 10 лет от роду, когда он взошёл на папский престол. Послушаем, что говорит об этом «наместнике христа» католический церковный словарь, где Гейзле, бывший некогда придворным капелланом в Вене, сообщает следующее: «Хотя он попал на папский престол благодаря симонии (купле-продаже церковных должностей), благодаря тому, что отец его сумел богатыми подарками добиться для него этого звания, хотя он опозорил себя порочным поведением, всё же он до самого своего отречения признавался правомочным главой церкви». В 1038 г. римляне прогнали этого горе-папу, однако император Конрад II вернул его. Гейзле пишет далее: «Предававшийся прежним порокам и позорным деяниям, Бенедикт вскоре, однако, был снова вынужден (1044) бежать от римлян, которых поднял против него консул Птоломей и которые благодаря подкупу посадили на его место епископа Иоанна сабинского в качестве палы Сильвестра III»... «Однако уже через 49 дней Бенедикт при помощи родственников прогнал своего противника. Так как он, однако, решил, что ему свободнее и удобнее будет жить в качестве частного человека, так как он боялся всё растущей ненависти населения, то он отрёкся от папского звания в пользу архиепископа Грациана, благочестивого, безупречного (?) и благомыслящего человека, после того, как этот заплатил ему известную сумму денег, предоставил в его пользу весь папский доход с Англии и сумел подкупить наиболее влиятельных римлян». Гейзле оправдывает эту сделку: «К таким средствам вынужден был прибегнуть Грациан, который в качестве папы принял имя Григория VI, чтобы спасти церковь от ещё горшего позора. Однако вскоре Бенедикт пожалел о своём отречении и при поддержке родственников снова захватил папский престол. Таким образом, налицо оказалось уже трое пап и церковь была глубоко обесчещена». Император Генрих III низложил всех троих и восстановил закон Карла Великого и Оттона I, согласно которому действительным является лишь папа, утверждённый императором. И, тем не менее, благодаря подкупу, Бенедикт в 1047 г. в третий раз сделался папой, и лишь в 1048 г. он добровольно ушёл в свой замок Тускул, где и умер в 1055 г. За это время папами были Климент II, Дамазий II, Лев IX, которых всех сажал на престол император Генрих III.

Бенедикт X сделался папой в 1058 г. благодаря подкупу. Его антипапа, Николай II (1058-1061), низложил его и оставил право избрания папы исключительно за кардиналами, которые продолжают выбирать папу и поныне. Александр II (1061-1073) был первым папой, который был избран одними кардиналами без санкции императора. Поэтому императрица Агнесса, которая управляла за своего малолетнего сына Генриха IV, выдвинула своего антипапу Гонория II. Оба претендента поочерёдно обзывали друг друга убийцами и негодяями.

В 1073 г. на папский престол взошёл знаменитый Григорий VII. Уже до него папское влияние выросло до высокой степени. Григорий VII попытался утвердить верховную светскую власть папы. Общеизвестно, как он принудил императора Генриха IV, отлучив его от церкви, зимой перейти через Альпы и в 1077 г. явиться в папский замок в Каноссу босиком, в покаянной одежде и с обнажённой головой, простоять в таком виде на морозе три дня, чтобы умолить папу снять с него

отлучение. Тем временем немецкие князья, которых Григорий освободил от присяги на верность, данной ими Генриху IV, избрали другого императора, Рудольфа Швабского. Когда Генрих в борьбе с Рудольфом потерпел поражение, Григорий перешёл на сторону Рудольфа и снова отлучил Генриха. Рудольф, однако, получил в бою смертельную рану и умер в 1080 г. Генрих тогда снова отправился в Рим, завоевал его и приказал посаженному им папе Клименту III короновать его императором. Григорию пришлось бежать в Салерно, где он и умер в 1085 г.

Воззрения Григория изложены в «Dictatus Gregorii Papae», который включён в сборник государственных посланий Григория. В нём Григорий претендует на неограниченную власть папы над церковью. Папа, по его мнению, вправе даже низлагать императора и освобождать подданных от присяги на верность, данной ими «неправедным» властителям. Римская церковь, мол, никогда не заблуждалась и не будет заблуждаться. Все светские властители обязаны целовать папе ноги. Григорий охотно сравнивает светскую власть с луной, а папство с солнцем. Он даже заявляет, что «по наущению дьявольскому, из слепого властолюбия учреждена была людьми, ничего не знавшими о боге, исполненными всяческой скверны, королевская власть над жившими до того в полном равенстве народами». Григорий также возвёл целибат (безбрачие) в закон, обязательный для всего католического духовенства. С этого времени монахи, движимые фанатизмом и завистью, начали бешеную агитацию против женатых священников, приведшую к тому, что нафанатизированная толпа вытаскивала женатых священников из их домов и измывалась над их жёнами и детьми. Григорий потворствовал этим подвигам монахов. Целибат имел очень скверные последствия. К концу средних веков слышались уже прямо вопли о нравственной испорченности католического духовенства. Врачи жаловались, что, благодаря духовенству, венерические болезни получили такое распространение, что с ними нельзя уже вести никакой борьбы. Вместо нормального брака появились «нелегальные», беспорядочные связи и клирикам приходилось выплачивать церкви пеню за своих любовниц, даже если они таковых не имели. Полчища нищенствующих монахов, которым покровительствовал Григорий VII, только усиливали этот упадок нравственности в церковных кругах.

Урбан II (1088-1099) подтвердил отлучение Генриха IV и поддержал сына его Конрада, поднявшего бунт против отца. При Урбане II начались крестовые походы в Палестину, имевшие своей задачей «отвоевание гроба господня у неверных». Эти крестовые походы обошлись в 7 миллионов человеческих жизней. Ни одному папе, однако, ни разу не пришло в голову самому отправиться в Палестину. Пасхалий II (1099-1118) приказал выкопать умершего в 1100 г. антипапу Климента III из гроба, бросить его труп в Тибр, двух же преемников его взял в плен и заточил в монастырь. Он клятвенно обещался императору Генриху никогда не беспокоить его по поводу инвеституры и не налагать на него церковных кар. Несмотря на это, он всё же отлучил его в 1112 г.

Гелазий II (1118-1119) подтвердил это отлучение, однако он вынужден был уступить антипапе Григорию VIII. Он бежал во Францию и умер в монастыре Клюни. Его преемник Калликст II (1119-1124) незамедлительно отлучил от церкви и императора, и антипапу, последнего он даже захватил в плен, одел в окровавленную козью шкуру, которая должна была пародировать папский пурпур, и заставил его пройти по улицам Рима, держась за хвост ободранною верблюда. В 1120 г. он снова отлучил императора и освободил его подданных от присяги, однако в 1122 г. ему пришлось пойти на уступки и заключить соглашение с императором (Вормсский Конкордат). Иннокентий II (1130-1143) был изгнан антипапой Анаклетом II, выходцем из богатой еврейской семьи, во Францию. При Люции II (1144-1145) Арнольд Брешианский поднял движение против претензий пап на светскую власть, против нравственной испорченности духовенства. Папа был убит во время одного восстания ударом камня. Евсевию III (1145-1153) тоже пришлось бежать от Арнольда Брешианского. Лишь Адриану IV (1154-1159) удалось справиться с Арнольдом. Адриан сумел подчинить себе немецкого императора Фридриха I Барбароссу (Краснобородого). Последний взял Арнольда в

плен и выдал его папе. Адриан приказал посадить Арнольда на кол, сжечь, а пепел его разбросать по Тибру.

Александр III (1159-1181) имел трёх антипап — Виктора IV, Пашалиса III и Калликста. Однако главным его противником был император Фридрих I Барбаросса-Гогенштауфен, которого папа отлучил от церкви. Александр смирил также и Генриха английского и заставил 80 клириков бичевать его. Фридрих I тоже подчинился, в конце концов, Александру. Датский король Кристоф I был отлучён от церкви, а король португальский был обложен специальной годовой пеней. При Люции III (1181-1185) на одном соборе, на котором присутствовал и император Фридрих, было принято постановление об истреблении еретиков (вальденсов и др.).

Иннокентий III (1198-1216), самый могущественный из пап, наложил на христианство печать неизгладимого позора введением инквизиции, массовыми убийствами за религиозные убеждения, бешеным преследованием еретиков. Он организовал и вдохновил крестовый поход против альбигойцев, который привёл к опустошению цветущей южной Франции, к истреблению десятков тысяч людей. При завоевании Безьера было убито 20 000 человек всякого пола и возраста, а 7 000 человек, большей частью женщин, детей и стариков, спрятавшихся в церковь, были сожжены вместе с церковью. Для того чтобы обосновать свои претензии на южную Италию, Иннокентий изготовил подложный документ, завещание Генриха IV (германского императора), в котором тот якобы передал власть над южной Италией папе. Он также пускал в ход сравнение папы с солнцем, а светских властителей с луной и звёздами. Он заявлял, что «папа является наместником истинного бога на земле». Немецкие государи Оттон и Филипп присягнули ему в полном повиновении. Короли Португалии и Испании смирились перед папой, а Пётр Арагонский объявил себя ленником папы. Дания, Польша, Венгрия подчинились папе, царь Болгарии и Валахии принял корону из рук Иннокентия. Филипп Август французский и Иоанн английский тоже последовали общему примеру. Это была самая кровавая, самая мрачная эра средневекового суеверия, все народы Европы были погружены в чёрную ночь невежества. Иннокентий превратил в догмат учение о пресуществлении, т. е. о превращении хлеба и вина в плоть и кровь христовы, на котором основывалось причастие под одним видом (вкушение гостии). Иннокентий III также ввёл тайную исповедь, которая, в связи с безбрачием духовенства, сделалась источником всяких мерзостей и распутности, которая вносила разврат и в среду клириков, и в среду мирян. Иннокентий весьма покровительствовал монашеским орденам, которые составляли, по крайней мере, двухмиллионную армию преданных папе рясоносцев. Хуже всех были нищенствующие монахи, проповедники фанатизма и распространители самых нелепых суеверий, которые претендовали на роль попечителей о душах малых сих и духовников в то время как сами они позволяли себе самое разнузданное поведение. Полчища монахов получили у Вебера («Папство») название «чумы народов, распространяемой руками пап». Они выдавали жестокое и кровавое истребление инаковерующих за весьма богоугодное дело. Зверства инквизиции описывались уже не раз. (Ср. особенно Генсбрёх — «Папство», 2 т. Популярн. издание.) Здесь я на этом останавливаться не могу. Стоит только отметить, что Людовик IX, король Франции, и император Фридрих II Гогенштауфен дали свою санкцию на кровавые подвиги инквизиции.

Гонорий III (1216-1227) покровительствовал нищенствующим орденам. Он заострил на церковном соборе в Тулузе кровавые законы, направленные против вальденсов, которые, так же, как и альбигойцы, требовали очищения христианства и возврата к евангелию, он запретил мирянам читать библию, а клирикам заниматься природоведением. Григорий IX (1227-1241) издал в 1233 г. буллу «Vox in Rama» (Глас в Раме) о культе дьявола. Булла эта проникнута самой нелепой, самой отвратительной верой в существование дьявола. Папа требовал уничтожения огнём и мечом всех тех, кто «спутался с дьяволом в образе лягушки и кота, величиной в печь из хлебопекарни». Хороший образчик папской непогрешимости! Он призвал к крестовому походу

против земледельческого племени штедингов, которые требовали причастия в двух видах и отказали епископу бременскому в уплате десятины. В страшной битве (1234 г.) их уничтожили в количестве 6 000 человек. Всё племя штедингов было истреблено. Очень хитро и ловко Григорий вёл борьбу с германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном. Он отлучил его от церкви, он освободил население итальянских владений от присяги императору и призывал к отпадению от империи. На тулузском соборе в 1229 г. Григорий передал функции инквизиторов епископам, а затем он поручил их доминиканцам, этим «ищейкам инквизиции».

Иннокентий IV (1243-1254) был самым ожесточённым и опасным врагом Фридриха II Гогенштауфена. Он отлучил его от церкви, он освободил его подданных от присяги и долга, он призвал их к восстанию против «нечестивого» императора, он приказал немцам повиноваться врагам Фридриха II, Генриху Распе и Вильгельму Голландскому. Германии очень тяжело пришлось во время многолетней гражданской войны. Папе удалось подкупить канцлера, который до сих пор был преданным другом императора, что окончательно сразило Фридриха, который внезапно умер к великой радости папы в 1250 г. Иннокентий покинул Лион, куда он спасся от Фридриха и откуда он громил его всякими карами церковными. Один современник пишет, что кардинал Гуго по этому поводу заметил следующее: «Несомненно, пребывание папского двора в Лионе принесло ему пользу, ибо, если до переселения папы в городе было три или четыре публичных дома, то теперь весь Лион представляет собой лишь один публичный дом». В 1252 г. Иннокентий передал инквизицию в руки доминиканцев и потребовал самых жестоких мер против еретиков. Из ненависти к Гогенштауфенам он призвал французов в Неаполь, что привело к 300-летней войне в Италии.

Климент IV (1265-1268), отец многих детей, отлучил Конрадина Гогенштауфена от церкви и передал Неаполь в лен Карлу Анжуйскому. Иоанн XXI (1276-1277), бывший врач, был убит по воле «провидения божьего» обрушившимся потолком. Николай III (1277-1280) очень любил роскошь. Он сумел обеспечить своих родственников, назначив их на высокие и прибыльные церковные должности. При Мартине IV (1281-1285) имела место в 1282 г. ужасная «силицийская вечерня», когда в Палермо и других городах Сицилии было убито 8 000 французов. Эта кровавая баня явилась результатом прежней папской политики. Мартин был проникнут такой пламенной христианской любовью к немцам, что он выразил следующее пожелание: он, мол, хотел бы, чтобы «Германия превратилась в пруд, немцы — в рыб, а он в щуку, которая могла бы их всех сожрать». Целестин V (1294), основатель ордена целестинцев, которые устраивали свои монастыри в горах, чтобы «быть поближе к небу», под влиянием уговоров кардинала Каэтана отрёкся от своего звания. Он якобы трижды слышал голос с неба, призывавший: «Coelestine, cede, si salvus esse cupis!» («Целестин, уйди, если хочешь спастись!»).

Преемником его был, именно, Каэтан под именем Бонифация VIII. Так как юродивый Целестин прослыл в народе святым, то Бонифаций приказал заточить его в монастырь. Это при Бонифации в 1294 г. ангелы умудрились перенести домик мифической Марии из не менее мифического Назарета в Лоретто, которое сделалось местом усердного паломничества. Бонифаций VIII был после Григория VII и Иннокентия III самым могущественным из пап. При венчании Бонифация на папство белую папскую лошадь вели короли Неаполя и Венгрии, которые прислуживали также за столом. В два года он раздарил две империи и ещё больше королевств и отлучил от церкви восемь коронованных особ. Во время борьбы с Филиппом Красивым, королём Франции, Бонифаций выпустил буллу «Clericis laicos», отлучающую от церкви светских правителей, которые посмели бы обложить податью клириков без санкции папы. С двумя кардиналами Колонна, которые при отречении Целестина осмелились указать, что папа не может отречься, Бонифаций расправился весьма круто. Он лишил их звания, отнял у них все их владения и проклял их до четвёртого колена. Во время борьбы с Филиппом Красивым, королём Франции, Бонифаций

выпустил буллу «Ausculta fili» («Слушай, сын»), которую тот, однако, приказал публично сжечь. Бонифацию принадлежит также отвратительная булла «Unam sanctum», до сих пор ещё сохраняющая свою силу у католиков. В ней папа говорит о двух мечах: меч духовный вверен священникам, меч мирской — королям, под наблюдением, однако, священников. Всё духовное (церковное) стоит выше мирского. Булла заканчивается следующей фразой: «Мы говорим, заявляем, возвещаем во всеуслышание: подчинение, повиновение всей человеческой твари папе есть основной залог вечного спасения». Филипп в ответ на буллу Бонифация приказал созвать парламент, на котором его канцлер Ногарет выступил обвинителем Бонифация. Он требовал созыва вселенского собора для низложения папы, который, мол, является еретиком, который не верит в бессмертие и в пресуществление, который, мол, разврат, прелюбодеяние, кровосмешение и противоестественные пороки не почитает за грех, который-де повинен во всяких пороках, в убийствах, в торговле церковными должностями и т. д. Ногарет заточил папу в Ананьи, Бонифаций, не выдержав этого потрясения, умер 86-летним стариком, как говорят, в состоянии полного безумия. Согласно Сисмонди, Бонифаций умер при следующей обстановке. Однажды он приказал слугам удалиться, заперся в своей комнате и больше не показывался. Вскоре нашли его труп с окровавленными волосами. Посох его оказался весь искусанным.

Католический поэт Данте, живший во времена Бонифация, поместил его в ад (в своей поэме) посреди Николая III и Климента IV. Бонифаций также придумал «юбилейный год», который впервые праздновался в 1300 г. Все, которые в этом году совершают паломничество в Рим, получают, мол, полное отпущение грехов. Можно себе представить, какие чудовищные массы людей и суммы денег удалось собрать Бонифацию в первом «юбилейном году»! Бонифаций грозил отлучением всем тем, кто вздумал бы заняться вскрытием и изучением человеческих трупов. Это сильно помешало развитию медицины. От Бонифация до нас дошли следующие «частные» замечания и мнения. «Плотские грехи вовсе не грехи. Да сохранит меня бог в этой жизни, жизнь будущая меня занимает не больше, чем стручок гороха. Глупо верить в бога, который одновременно един и троичен. В Марию я верю столь же мало, как в ослицу, в её сына столь же мало, как в ослёнка. Мария была такой же девой, как и моя мать. Таинства — чепуха. Путаться с женщинами и мальчиками — такой же грех, как пожать кому-нибудь руку». Плотские грехи, даже противоестественные, не являются, по мнению Бонифация, грехами, ибо для чего же, кроме наслаждения, мол, господь дал людям их половые органы. О Бонифации говорили, что он жил одновременно с замужней женщиной и её дочерью, предаваясь противоестественному пороку со своими пажами, которые называли друг друга не иначе как папскими шлюхами. Достаточно, если во всём этом есть хоть некоторая доля правды.

Бенедикт XI (1303-1304) умер, как рассказывают, от отравленных фиг, которые ему подала аббатиса, у которой он был духовником. Климента V (1305-1314) Филипп, король французский, подкупом и хитростью заманил переселиться во французский город Авиньон. Восемь пап прожили в Авиньоне. О том, каковы были нравы папского двора в Авиньоне, свидетельствуют слова знаменитого поэта Петрарки, являющегося в данном случае очевидцем: «Всё, что говорят о Вавилоне, — пустяки пред Авиньоном; за деньги продают здесь христа. Не благочестие и вера царят в Авиньоне, а всяческие пороки и мерзости. Самый подлый — здесь самый счастливый». Климент переселился в Авиньон в 1309 г. Он придумал новый источник доходов для папской казны, а именно, он ввёл так называемые аннаты, заключавшиеся в обязательстве каждого епископа отдавать свой первый годовой доход «на удовлетворение нужд римской церкви». «Климент очень любил пышность и светскую мишуру, он находился в прескандальной связи с красивой графиней де Перигор» (Энгерт). Когда Климент умер, слуги украли его сокровища и покинули труп. Парадное ложе его было охвачено огнём. С трудом нашли какую-то ветхую мантию, которой можно было накрыть обгорелый труп самого богатого папы. По настоянию Филиппа Климент в 1312 г. распустил

богатый орден храмовников (тамплиеров), многие члены которого были подвергнуты пыткам и казнены, а все сокровища и владения конфискованы королём.

Иоанн XXII (1316-1334), сын сапожника, правил церковью из Авиньона. Он сумел самыми бесчестными финансовыми махинациями, самыми бессовестными приёмами сильно обогатить папскую сокровищницу. Он оставил после себя, как говорят, 25 миллионов золотых гульденов. Он отлучил от церкви немецкого императора Людвига, который приказал избрать антипапой Николая V. Иоанн, однако, сумел захватить в плен этого антипапу и заставил его отречься. Он также специальным эдиктом отделил Италию от немецкого государства. Иоанн не постыдился назначить разрешительную пеню за самые низменные деяния и подлые преступления. Тот, кто в состоянии был заплатить, получал отпущение самых страшных грехов, как отце- и братоубийство, отравление, скотоложство, «совершение греха в исповедальне» и т. д. Для каждого греха была своя особая такса. В конце реестра грехов стояла следующая фраза: «Подобные милости не могут быть доступны бедным, ибо они не имеют денег и вынуждены поэтому лишиться утешения» (Вебер. Папство. 2-й т. Стр. 186). Иоанн умер в 90 лет. Его преемником был Бенедикт XII (1334-1342). Это при нём немецкие курфюрсты в 1338 г. постановили, что «императорское звание исходит от бога, а не от папы, что поэтому император в земной жизни никого над собой не знает здесь на земле». Климент VI (1342-1352) по своему образу жизни является одним из позорнейших пап. Его возлюбленная, графиня де Тюренн, имела большое влияние на распределение церковных должностей. Папа вёл самую разгульную жизнь, окружённый молодыми и распутными кардиналами, рыцарями и женщинами. Он низложил императора Людвига и провозгласил немецким императором Карла IV. Анафема по адресу Людвига содержит в себе самые трогательные пожелания: «Пусть божественное всемогущество повергнет его в непроницаемую сеть, пусть проклят будет вход его и выход, пусть господь ввергнет его в слепоту и безумие, пусть он истребит его молнией своей. Пусть все стихии обернутся против него, пусть опустеет дом его, пусть дети его будут растерзаны на глазах отца своего!». Свирепый первосвященник великолепно усвоил евангельскую заповедь: «Любите врагов своих!». Климент уже в 1350 г. повелел праздновать снова юбилейный год. Промежуток в 100 лет он сократил до 50. Приток паломников был так велик, что в храмах происходила настоящая давка. Да к тому же и чума истребила около 10 000 паломников. Со времени Климента римская церковь в течение порядочного времени имела двух пап — одного в Риме, другого в Авиньоне. Историки этого времени жалуются, что пребывание папы ничего не дало Франции, кроме позора. Храмы превратились в публичные дома, и достаточно было девушке поднять вуаль, чтобы её приняли за публичную женщину. Петрарка говорит об этой поре в своём 160 сонете: «Мешок жадного Вавилона полон до краёв позорными и подлыми пороками, своими богами он сделал не Юпитера и Палладу, а Венеру (богиню любви) и Вакха (бога вина)».

Наряду с Урбаном VI (1378-1288) в Риме антипапой в Авиньоне был Климент VII (1378-1394). Оба «непогрешимых заместителя христа» анафематствовали и отлучали друг друга. Урбан приказал пытать пять кардиналов, которые показались ему подозрительными, после чего их умертвили и в мешках бросили в море. Шестого кардинала он приказал задушить. Палачу он говорил: «Мучай их так, чтобы я слышал их вопли». Сам он в это время гулял по саду, читал требник и молился. Урбан умер от яда. Для того чтобы добыть денег, Урбан установил празднование юбилейного года с промежутком в 33 года, ибо, мол, Иисус дожил до 33 лет. Преемник Урбана, Бонифаций IX (1389-1404), тоже прославился своим корыстолюбием. При избрании его в папы ему было всего 30 лет, он с трудом читал и писал. Его агенты, торговцы индульгенциями (разрешительными грамотами), шныряли повсюду и умудрялись, как рассказывает Ним, даже из небольших городов доставлять по 6 000-8 000 гульденов. Один Любек доставлял 20 000. И Бонифаций вызвал всеобщую ненависть слишком наглой торговлей церковными должностями и

частыми подачками своим корыстолюбивым родственникам. Двор его отличался необычайной пышностью. Он восстановил замок св. Ангела. Бонифаций превратил аннаты в регулярный налог и беззастенчиво торговал разрешительными грамотами.

В Авиньоне после смерти Климента VII (1394) был избран Бенедикт XIII. Однако пизанский собор низложил его и Бонифация, избрав папой Александра V. Так как те двое и не думали подчиниться, **то** римская церковь имела одновременно трёх пап, трёх наместников христа, каждый из которых выдавал себя за истинного. Александр V был отравлен кардиналом Коссой, который впоследствии сделался папой под именем Иоанна XXIII. Бонифаций умер в 1404 г., его преемником в Риме был Иннокентий VII (1404-1406), за которым папой был Григорий XII (1406-1415).

Антипапой его в Авиньоне был указанный выше отравитель Косса, бывший морской пират, под именем Иоанна XXIII (1410-1415). Иоанн, разумеется, предал анафеме обоих своих конкурентов. При нём происходил констанцский собор, главным делом которого было сожжение реформатора Иоанна Гуса. Собор этот продолжался от 1414 по 1418 г. Его посетило около 700 явных проституток, «не считая тайных». Король Венцель, которому приписывают изречение: «Самые худшие среди комедиантов — это попы», пытался защитить Гуса, однако император Сигизмунд нарушил клятвенное обещание о неприкосновенности, данное им Гусу (кардиналы и епископы доказывали ему, что клятва, данная еретику, недействительна), и выдал его на расправу попам. Констанцский собор заставил Иоанна XXIII клятвенно отречься от папского звания, однако тот вскоре нарушил свою клятву и взял назад своё отречение. Тогда против него был организован процесс, на котором 37 свидетелей доказывали виновность Иоанна XXIII во всех смертных грехах: и в убийстве, и в грабеже, и в симонии, и в противоестественных пороках, и в совращении 300 монахинь, которых он назначил аббатисами и настоятельницами. Ним говорит, что он в одной Болонье имел 200 наложниц. После этого процесса собор низложил и арестовал Иоанна, однако Мартин V в 1419 г. освободил Иоанна, выдал ему 30 000 дукатов и сделал его деканом кардинальской коллегии. В этом же году Иоанн и умер.

После низложения трёх антипап папой сделался Мартин V (1417-1431). За ним взошёл на престол Евгений IV (1431-1447), который был низложен Базельским соб. (1431-1444). Собор избрал Феликса V (1440-1449). Евгений, однако, не собирался уступать, так что снова оказалось одновременно двое пап. Евгений без всякого стеснения обзывал «отцов церкви» ошалевшими безумцами, дикими скотами, бесами в образе человеческом, своего же конкурента он называл не иначе как псом из преисподней, золотым тельцом, схизматиком, еретиком и антихристом. Королей Польши и Венгрии он втравил в войну с турками, которая привела к победе турок при Варне. В Риме Евгений свирепо расправлялся со своими противниками, которых он казнил около 200 человек. Евгений умер в 1447 г., а Феликс вынужден был в 1449 г. отречься. При Николае V (1447-1455) Константинополь был захвачен турками. Юбилейный год в 1450 г. привлёк в Рим чрезвычайно много паломников. В храмах задохлось много народу, а при обвале моста над Тибром сразу погибло больше 100 человек. Зато папская казна непрерывно богатела. Калликст III (1455-1458) прославился корыстолюбием и непотизмом (раздачей тёплых местечек родственникам — от слова *nepos* — внук). Пий II (1458-1464) был когда-то автором довольно вольнодумных сочинений. Будучи папой, он, однако, отрёкся от них в специальной булле, называя их «грехами юности». Даже постановления констанцского собора оказались для него радикальными, он проклял их как ересь.

Павел II (1464-1471) отличался чрезвычайным корыстолюбием. За приличный налог он разрешил открытие публичных домов в Риме. Он же установил празднование юбилейного года через каждые 25 лет. (Аппетит приходит во время еды!) Отличаясь большим тщеславием, Павел ввёл чрезвычайно пышное одеяние, мантия его была заткана вся золотом, тиара сверкала драгоценными камнями. Сикст IV (1471-1484) открыл в Риме несколько больших публичных домов,

которых, однако, не хватало. Доходы с них составляли ежегодно круглую сумму в 20 000 дукатов. Каждый клирик обязан был отныне платить 1 дукат «сожительного» налога, даже если он не имел сожительницы. Папские чиновники получали доходы с 20-30 проституток каждый. Сикст IV вёл развратный образ жизни. Он попытался руками наёмных убийц из-за угла устранить своих противников, братьев Медичи. Один из них действительно был пронзён кинжалом, другой тяжело ранен. Когда один из убийц, а также архиепископ Сальвиати с несколькими патерами были повешены на окнах собора, Сикст отлучил Флоренцию от церкви. Сикст любил кровавые зрелища и состязания. Когда его лейб-гвардейцы устраивали кулачный бой, он садился к окну и сам подавал знак к началу побоища. Этот-то папа учредил знаменитый католический праздник непорочного зачатия. Он же ввёл инквизицию в Испании. Энгерт называет Сикста IV «одной из самых подлых тварей среди святых отцов, для которой не было ничего святого... Всё служило для него предметом торговли... У него можно было купить даже разрешение на противоестественный порок: за приличную пеню его святейшество даже кардиналам разрешал в жаркие месяцы услаждаться любовью с мальчиками». Иннокентий VIII (1484-1492) прозван был «отцом отечества», ибо у него было 16 детей. Он давал отпущение грехов бандитам за хорошую пеню, он же издал в 1488 г. подлую буллу о ведьмах, в которой вздорное и нелепое суеверие освящалось церковным авторитетом, благодаря которой десятки тысяч невинных женщин попали в руки инквизиторов и палачей.

Александр VI (1492-1503) был ещё до своего избрания в папы известен как самый порочный в Италии человек. Несмотря на свой священнический сан, он прижил с одной женщиной пятерых детей. Время его правления полно убийств, вероломства и насилия. Своё папское звание, которого он добился путём подкупа, он использовал для обогащения своих детей. В осуществлении своих гнусных намерений он не останавливался ни перед чем. Дочь его, красивая Лукреция, имела четырёх мужей, от которых она освобождалась путём развода или убийства. Что Лукреция была любовницей своего отца, является только слухом, который не доказан. Александр преследовал все богатые семьи, чтобы завладеть их имуществом и передать их своим сыновьям, среди которых самым отвратительным был Цезарь Борджиа. Цезарь убил собственного брата и, тем не менее, достиг весьма высокого положения. Александру принадлежат такого рода утверждения: «Папа настолько же выше императора, насколько человек выше скота». «Всякая религия хороша, но самой лучшей является самая глупая». Бурхард, придворный церемониймейстер Александра VI, рассказывает, что на одном пиру 50 знатным проституткам пришлось танцевать нагими и собирать каштаны посреди поставленных на пол канделябров для услаждения взоров папы, Цезаря и Лукреции Борджиа. Он заставлял случать пред своим окном лошадей и т. д. Когда доминиканец Савонарола начал обличать испорченность церкви, Александр сумел нафанатизировать против него невежественную толпу, и Савонарола с двумя другими монахами был сожжён в 1498 г. В 1501 г. Александр издал строжайший декрет, направленный против неугодных ему сочинений. Он изобрёл новый источник доходов. Он придумал открывать во время юбилейного года золотые врата в соборе Петра. Всякий, кто проходит через эти врата, очищается, мол, от всех грехов. Можно было делать это через представителя или уполномоченного. Затем за определённые суммы Александр избавлял грешные души от мук чистилища. Неудивительно, что миллионы дружно текли в его руки. Умер он от яда, причём сам он подозревал кардинала Адриана.

Юлий II (1503-1513) был больше солдатом, чем священником. Он непрерывно с кем-нибудь воевал и раз даже призвал на помощь турецкие войска против Франции. Папское звание он купил совершенно открыто. Он был большим охотником до вина и женщин. Его церемониймейстер Грассис утверждает, что он в страстную пятницу никого не допускал к целованию своих ног, ибо он был весь покрыт язвами «галльской болезни» (сифилиса).

Относительно Льва X (1513-1521) Шпиттлер в своей «Истории папства», говорит: «Лев X был уже в 13 лет кардиналом. При нём педерастия и содомия являлись делом, обычным при папском дворе. Им предавались совершенно открыто и невозбранно». Всё времяпровождение Льва X заполнялось обжорством, зрелищами, картами и охотой. Кардинала Петруччи, обвинённого в заговоре, Лев X задушил, других кардиналов, вина которых не была доказана, Лев X подверг пыткам и сожжению на костре. Он прославился своей торговлей разрешительными грамотами. Так как Альбрехт Гогенцоллерн, курфюрст майнцский и одновременно архиепископ магдебургский, задолжал Льву X большую сумму за получение архиепископского звания, то Лев передал ему монополию на торговлю разрешительными грамотами в Германии, чтобы дать ему возможность расплатиться. Его главным помощником был тот самый презренный Тетцель, против которого так ополчился Лютер. За все грехи была установлена определённая такса. Достаточно было уплатить по ней, чтобы получить отпущение любого греха, обозначенного на разрешительной грамоте. Содомия стоила 12 дукатов, ограбление церкви — 12, убийство — 7, ведовство — 1, отце- и братоубийство — 4 и т. д. Тетцель утверждал, что отпущение грехов мог бы купить себе даже тот, который обесчестил бы деву Марию. Никакая бумага не выдержит сейчас тех эпитетов и прозвищ, которыми Лютер награждал Льва X. Умер он от яда.

Преемник его Адриан IV (1522-1523) вызвал такую ненависть к себе, что, когда он умер, на двери его придворного врача была обнаружена надпись: Liberatori patriae (Освободителю отечества). При Клименте VII (1523-1524) Рим был разграблен немецкими ландскнехтами. Англия отделилась от римской церкви при Генрихе VIII. Павел III (1534-1549) был избран кардиналами в надежде, что он скоро умрёт, однако надежда их не оправдалась. Проф. Гурлитт пишет о нём: «Если только хоть часть того, что о нём рассказывают, соответствует действительности, то он, несомненно, является одним из худших среди тех, которые когда-либо сидели на папском престоле». Шпиттлер говорит, что Павел в первую голову заботился о своих прижитых с разными женщинами детях. Двух своих внуков он сделал кардиналами, причём одному из них было в это время 14 лет, другому — 16. С женщин из весёлых домов, которые имели к нему доступ, он собирал налог, составлявший крупные суммы ежегодно. Этот-то презренный папа утвердил основанный при нём орден иезуитов. Вместе с тем он учредил общую инквизицию для подавления протестантизма. Юлий III (1550-1555) сделался папой благодаря подкупу и был, несомненно, одним из самых легкомысленных и распутных среди пап. Шпиттлер говорит о нём: «Более распутного кардиналы не могли найти в своей среде. Это подтверждает даже Онуфрий Павиний, августинский монах, в своём жизнеописании пап. Он был уже 65 лет от роду, однако предавался всяческому разврату. Его открыто обвиняли в педерастии. Он постоянно имел около себя мальчика, который ходил за папской обезьяной. В обществе этого мальчика и обезьяны папа проводил все свои дни». Мальчик этот, между прочим, в 16 лет сделался кардиналом. При Юлии III в Риме насчитывалось около 40 000 проституток.

Павел IV (1555-1559) ввёл в Риме инквизицию и рьяно преследовал протестантов. По его распоряжению был составлен список запрещённых книг, а сами книги подверглись сожжению. Когда Павел находился уже на смертном одре, разразились народные волнения, направленные против папы. Толпа взяла приступом здание инквизиции и доминиканский монастырь, на папскую статую она нацепила шутовской колпак и бросила её в Тибр. Беспорядки длились 12 дней. При Павле IV заседал Триентский собор (1545-1563), прошедший под руководством иезуитов. Собор привлёк в Триент триста «знатных проституток», рядовые, конечно, были не в счёт. Пий V (1565-1572), доминиканский монах, отлучил от церкви Елизавету Английскую, а немецкому императору Максимилиану II он грозил низложением в случае, если он предоставит протестантам свободу исповедания. При нём инквизиция свирепствовала вовсю. Так, например, по его распоряжению был обезглавлен и сожжён патер Парнезечи из Флоренции, заподозренный в лютеранстве. Он

предписал врачам покидать больных, которые не исповедались в течение трёх дней. Послания его посвящены, главным образом, борьбе с ересью. Екатерине Медичи (французской королеве) он писал: «Остерегайтесь думать, что богу может быть что-либо угоднее, чем преследование его врагов, врагов католической церкви». Он является вдохновителем кровавой Варфоломеевской ночи в Париже. Католическая церковь, разумеется, причислила его к лику святых. Если Пий V вдохновил героев Варфоломеевской ночи, то торжествовать по поводу этого массового избиения протестантов во Франции пришлось уже Григорию XIII (1572-1585). Король Карл IX писал ему, что по общему подсчёту убито было в эту ночь 70 000, если не все 100 000 человек. Папа пришёл в такой восторг по поводу этого бесчеловечного истребления «ближних», что кардиналу, принёсшему сообщение об этом, он выдал 2 000 дукатов и распорядился, чтобы пушки в замке св. Ангела ознаменовали это торжество праздничным салютом. Кроме того, он организовал торжественный крестный ход с иллюминацией и приказал отчеканить медаль, на которой с одной стороны был изображён ангел смерти с крестом и мечем, под ногами которого лежат поверженные люди (на этой стороне, кроме того, имелась надпись: Григорий XIII — верховный жрец, первосвященник»), а с другой — была надпись Ugonotorum Strages (Поражение гугенотов. 1572).

Климент VIII (1592-1605) замечателен тем, что он приказал после мучительных пыток сжечь живьём в 1600 году Джордано Бруно, бывшего монаха, явившегося предтечей современного научного мировоззрения. Григорий XV (1621-1623) находился под влиянием своей старой экономки, направлявшей папскую политику. Он бешено натравливал Баварию, Австрию и Францию против протестантов. Один архиепископ был им казнён за либеральные, по мнению папы, писания (1624). Этому архиепископу не помогло и его публичное раскаяние. Труп его волочили по улицам Рима, а затем сожгли. Однако тот же папа покровительствовал кардиналу-иезуиту Беллармину, который, по сообщению современников, имел 1 624 наложницы, да ещё четырёх красивых коз для удовлетворения своей извращённой похоти. Урбан VIII (1623-1644) роздал своим родственникам всего около 20 миллионов скуди. Это по его распоряжению астронома Галилея инквизиция посадила в тюрьму и принудила к отречению.

Иннокентий X (1644-1655) находился в руках развратной и корыстолюбивой женщины донны Олимпии, вдовы его брата. Дело доходило даже до того, что во время аудиенций донна Олимпия стояла за драпировкой, чтобы всё слышать. По её наущению папа закрыл около 2 000 монастырей, чтобы завладеть их имуществом. Она же руководила торговлей церковными должностями. По её совету папа ввёл хлебную монополию, которая подорвала римское земледелие, но зато обогатила донну Олимпию и её сподвижников. Иннокентий горячо ратовал против вестфальского мира 1648 года, который положил конец ужасной 30-летней религиозной войне. Иннокентий X повысил таксу за спасение души от мук чистилища, так что в папскую казну потекли новые потоки народных денег. Александр VII (1655-1667) обязан папским званием той же донне Олимпии. Однако под влиянием общественного мнения и всеобщей ненависти ему пришлось выслать эту «делательницу пап», которая вскоре умерла от чумы. Из преемников Александра VII следует отметить Александра VIII (1689-1691), который понабил карманы своим родственникам, и Климента XI (1700-1721), который был игрушкой в руках иезуитов. При Бенедикте XIII (1724-1730) появилась знаменитая «История Неаполя» Джианноне, результат 20-летнего напряжённого труда. Папа приказал сжечь эту книгу, а самого Джианноне, несмотря на его отречения, осудил на пожизненное заключение. При Клименте XII (1730-1740) архиепископ Фирмиан изгнал 30 000 трудолюбивых зальцбуржцев за «ересь»; это привело папу в такой восторг, что он наградил Фирмиана титулом Excelsus (Возвышенный). Следует упомянуть также о папе Клименте XIV (1758-1774), который признаётся наиболее порядочным среди пап. Буллой «Dominus ac redemptor» («Господь и спаситель») от 21 июля 1773 г. Климент XIV распустил орден иезуитов на вечные времена. Когда он подписывал

бумагу, он заявил: «Ну, сегодня я подписываю свой смертный приговор». Действительно, уже в 1774 г. он умер в страшных мучениях, по-видимому, от отравления.

При Пие VI (1775-1799) папское государство очень обеднело. Народ требовал хлеба, чиновники обворовывали казну и обирали население, но это не мешало папе тратить на один только стол 1 000 скуди в месяц. При нём папское государство было превращено французами в республику, а сам папа изгнан из Рима. Пий VII (1800-1823) сумел сговориться с Наполеоном, которого он короновал в императоры. Он скоро рассорился с Наполеоном, за что был сослан в Савону, откуда он вернулся в 1814 г. после падения Наполеона. Своей буллой «Sollicitudo omnium» («Попечение обо всех») он восстановил орден иезуитов. Он обозвал «Библейские общества» чумой, изгнал всех масонов из своего государства и усиленно покровительствовал монастырям. Лев XII (1823-1829) уже при вступлении своём на престол проклял масонов и «Библейские общества», возвратил иезуитам их прежнюю «коллегию», объявил юбилейный год, к которому приурочил специальную молитву об истреблении еретиков. Он же причислил к лику святых испанского францисканца Юлиана, который воскрешал (ни более ни менее) птиц, наполовину зажаренных на вертеле!

Пий VIII (1829-1830) проклял «Библейские общества» и философию и издал проникнутый средневековым духом эдикт об инквизиции. Папское государство при нём было, как признавал даже австрийский министр-реакционер Меттерних, наиболее скверно управляемым среди европейских государств. Гёте сказал о нём: «Государство это держится только потому, что земля не хочет проглатывать такую мерзость». Григорий XIV (1831-1846) проявил себя как бешеный светогаситель. В своей энциклике от 15 августа 1832 г. он говорит о «проклятой и отвратительной свободе печати», о «порочных и сумасбродных учениях и затеях вальденсов, беггардов и других детей Белиала, которые являются грязью и позором человечества». В 1844 г. с его благословения епископ Арнольда из Трира выставил на поклонение «святой хитон» Иисуса, несмотря на то, что подложность его была доказана неопровержимо.

Однако даже Григория XIV далеко превзошёл Пий IX (1846-1878), который в 1848 г. вынужден был бежать из-за революции, но, вернувшись в 1850 г., сделался послушным орудием в руках иезуитов. Сравнительно либеральные законы о школе и браке, изданные в Австрии в 1876 г., он объявил «проклятыми и отвратительными» и недействительными для всякого сына церкви. В 1854 г. он провозгласил догмат непорочного зачатия, согласно которому Мария была зачата её матерью, Анной, «непорочно». В своей знаменитой энциклике от 1864 г. он проклял все либеральные учения и направления, но особенно резко и выразительно осудил он их в своём «Syllabus'e», в «Списке главнейших заблуждений нашего времени». В 1870 г. он внушил ватиканскому собору провозглашение папской непогрешимости. Ему, однако, пришлось пережить воссоединение Италии и конец «папского государства» в 1870 году. Лев XIII (1878-1903) заигрывал с Вильгельмом II, злобствовал против масонов, еретиков и т. д., однако, и ему выпало на долю пережить большую неприятность — сооружение памятника Джордано Бруно на той самой площади, на которой он был сожжён в 1600 г.

Пий X (1903-1914) ввёл ожесточённую борьбу с современной наукой, к частичному признанию которой склонялся так называемый католический модернизм. В 1905 г. Франция, однако, провела у себя отделение церкви от государства. Это окончательно взбесило папу. В 1907 г. (13 ноября) он провозгласил обязательность для католиков веры в лурдские чудеса. В 1909 г. он причислил к лику святых Жанну д'Арк. В своём «Motu proprio» (указе, предписании) от 29 июня 1910 г. он обязал всех изучающих библию строго подчиняться папскому решению по поводу тех или иных её толкований. В этом же году он понизил возраст первого приобщения детей до 7 лет.

Началом войны с модернизмом следует признать обращение Пия X к кардиналам от 18 апреля 1907 г., в котором модернизм охарактеризован как сущность всех ересей. 7 мая он

обратился к доминиканцам с призывом бороться с «тёмной» и злокозненной критикой догматов католичества. Немецкий модернист, проф. Герман Шелль, который осмелился отрицать вечность мук чистилища, подвергся осуждению, несмотря на поддержку многих высокопоставленных церковников. 3 июля 1907 г. Пий X пытался нанести главный удар модернизму своим декретом «Lamentabili sane exitu» («Достойный сожаления исход»), который известен как новый Syllabus, в котором перечислены подлежащие осуждению 65 учений современной философии (особенно достаётся Канту и науке). 8 сентября появилась энциклика «Pascendi domini gregis» («Пасомого стада господня»). Она рисует модернизм как соединение всех ересей, необходимо приводящее к атеизму, она предписывает устранение модернистских учений из университетов и семинарий. Во всех епархиях специальному наблюдательному совету надлежит строго следить за всякими проявлениями модернизма в литературе и духовной жизни. Каждые два месяца этот наблюдательный совет должен собираться у епископа, который каждые три года должен представлять об этом отчёт папе. В приказе от 18 ноября 1908 года папа грозит отлучением от церкви всем, кто нарушит энциклику или силлабус, и предписывает епископам устранять учителей, заподозренных в модернизме, лишать исповеди молодёжь, сочувствующую модернизму, изымать из книжных магазинов и от читателей модернистские сочинения. Различные профессора были смещены, как, например, Миноччи во Флоренции, который не решился признать исторически верными библейские описания рая, 10 декабря 1907 г. немецкие епископы объявили о своём согласии с папой и потребовали борьбы с модернистами. Профессора Энгерт, Эргард Шнитцер были смещены, Луази во Франции был отлучён от церкви, а равно и Тирнелль, который ещё в 1906 г. был исключён из иезуитского ордена. В указе от 9 октября 1911 г. Пий X пригрозил отлучением всем тем, кто осмеливается притянуть священника к светскому суду или кто даже заставит его публично появиться в нём без разрешения церковного начальства. Этот указ должен был привести, значит, к тому, чтобы клирики, совершившие преступление, оказались свободными от заслуженного суда и наказания. В 1910 г. Пий X предписал приведение всех клириков и учителей к присяге, в которой утверждалась полная доказуемость бытия божьего и строгая доказуемость чудес и пророчеств. Такая присяга должна была повторяться каждый год. Преподавателей высших школ, правда, не обязали давать такую присягу, однако те, которые её не принесли, попадали под подозрение. Большинство всё-таки присягнуло; заново принимались только те, кто принёс эту присягу...

Таким образом, Пий X проявил себя как непримиримый враг науки и свободомыслия, как яростный защитник средневекового суеверия.

3 сентября 1914 г., через месяц после начала мировой войны, на папский престол вступил Бенедикт XV. Он добился допущения иезуитов в Германию. Когда в Чехо-Словакии и в других местах многие ксёндзы отделились от Рима и поженились, Бенедикт в обращении от 16 декабря 1920 г. заявил, что церковь никогда не даст своего согласия на отмену или ослабление закона о целибате, ибо этот спасительный закон сыграл главную роль в подготовке современного величия латинской церкви. В начале 1920 г. этот папа отлучил от церкви учёного богослова Бонфанта, который усомнился в божественности христа, и запретил два издававшихся Бонфантом историко-религиозных журнала. 22 января 1922 г. Бенедикт XV, заболевший гриппом, умер в возрасте 67 лет от удушья. Его преемником является Пий XI.

В. Шишаков

Христианство, убийство и война

Не убий.
Люби врагов своих.

Именующая себя кротчайшей и незлобивейшей, христианская религия внесла в жизнь человечества столько кровавых потрясений, сколько едва ли приходится за счёт всех остальных религий всех времён, какие только помнит человечество. Одна империалистская война 1914-1918 гг. стоит всех магометанских войн «за веру», всех опустошительных нашествий татар, хазар, печенегов, половцев, гуннов, вандалов и многих других. Крестовые походы, войны за утверждение «чистоты веры» против т. н. еретиков (вроде кровавых подвигов императрицы византийской Феодоры и причисленного к лику святых патриарха Игнатия, во второй половине IX века вырезавших 100.000 павликиан, действий Владимира, «святого», крестившего Русь огнём и мечем, и мн. др.) — всё это только «мелкие» части того общего кровавого фона, на котором должна быть изображена христианская религия.

Понятно, что война и вообще убийство должны были быть христианством теоретически обоснованы. Понятно также, что теоретическое обоснование это должно было быть таким, чтобы имущие классы, которым только и служило христианство, как и всякая религия, могли этим быть вполне довольны. И незлобивейшая из всех религий, основатель которой якобы утверждал только мир и любовь, сумела и войну со всеми её ужасами втиснуть в рамки своих догматов, благословить убийство и насилие, утвердить и ободрить аппетиты насильников, воспеть оружие от копья до современных лучей смерти.

Естественно, что материал для этой работы, результаты которой удовлетворяют даже изысканные вкусы современного финансового капитала, дала, прежде всего, всё та же разноречивая старушка — библия.

Что ветхий завет переполнен кровью, и известно, и понятно. Его мотивы — мотивы кровожадных дикарей, полукультурных народностей, верования, поэзия и обычаи которых легли в основание и всего христианства.

Уже школьная церковная история даёт нам бесконечный ряд рассказов о кровопролитнейших боях, которые вели дикие орды евреев с соседними народцами. Подвиги Моисея, Иисуса Навина, Гедеона, Саула, Давида и других — всё это непрекращающиеся войны, войны «за веру», во имя божие, под водительством божиим.

В этих рассказах бог является и вдохновителем войн, и их главным участником, и руководителем. Так, в войне с амаликитянами малочисленные и ослабленные евреи побеждают только потому, что Моисей неотступно молится богу, не опуская рук своих, причём, когда его руки опускаются от усталости, неприятель начинает одолевать евреев (Исх.17 и сл.). Войну против мадианитян евреям приказывает вести сам бог («Сказал господь: отмсти мадианитянам»... Чис.31:1, сл.).

Новую войну против амаликитян также вдохновляет сам бог («Изгладь память амалика из поднебесной, не забудь» — Втор.25:17).

В битве с аморреянами «господь бросал на них (аммореян) с небес большие камни... больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны израилевы мечем». Ради окончательной победы евреев бог во время этой битвы остановил даже движение небесных светил (Нав.10:11, сл.).

Все войны ветхого завета — «войны господни». «Господь бог сам сражался за израиля» (Нав.10:42; 23:3 и др.). Библейское название бога, вкоренившееся и в христианском обиходе, — «саваоф», что значит «силы воинства», «воитель», «бог воинств», «господь сил».

Одно присутствие священной коробки — «ковчега завета» — будто бы способно было привести к решительной победе (стены осаждённого евреями Иерихона падают, обнесённые ковчегом — Нав.6).

Бог так определяет свою военную программу: «Упою стрелы мои кровию, и меч мой насытится плотию, кровию убитых и пленных, головами начальников врага» (Втор.32:42). Перед выступлением в поход Моисей молится богу: «восстань, господи, и рассыплются враги твои, и побегут от лица твоего ненавидящие тебя» (Чис.10:35). «Прокляните Мероз (город), говорит ангел господень, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь господу, на помощь господу с храбрыми» (в войне с Навином, царём ханаанским — Суд,5:23).

За послушание законам бог обещает евреям: «Будете прогонять врагов ваших, и падут они пред вами от меча» (Лев.26:7).

«С тобою, господи, избодаем рогами врагов наших; во имя твоё попрём ногами восстающих на нас, Не на лук мой уповаю, но ты спасёшь нас» (Пс.43:6, сл.) «Не бойся их (врагов), ибо с тобою господь, бог твой» (Втор.20:1, сл.) «Не от множества воинов победа, но от помощи божией... Сам господь сокрушает врагов наших» (1Мак.3:18). «Бог научает руки мои битве и персты мои брани» (Пс.143:1).

Ветхий завет, в особенности шестикнижие, — это сплошной дифирамб войне. Сладострастие бандита-кочевника буквально выпирает из всех рассказов о военных подвигах тех или иных благочестивых полководцев. «Все города их (мадианитян) во владениях их и все селения их сожгли огнём. И взяли всё захваченное и всю добычу, от человека до скота... И было добычи: мелкого скота»... и т. д. (Чис.31:10, сл.) «Воины грабили каждый для себя» (ст. 53).

«И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и всех царей их... Никого не оставил, кто уцелел бы, и всё дышущее предал заклятию, как повелел господь» (Нав.10:40, сл.).

Количество жертв в библейских сражениях и других событиях фантастично до ужаса. Отвратительнее всего описание их становится именно из-за того, что они сдобрены самой необузданной дикой фантазией. Так, бог поражает смертью 14 700 евреев, возмутившихся против Моисея (Чис.16:49); двадцать четыре тысячи отступников убивают евреи по слову божию (Чис.25:1, сл.); 50 070 евреев убивает бог за то, что они заглядывали в ковчег (1Цар.6:19); пятьдесят тысяч сто вениамитян за два дня избивают израильтяне во славу господа (Суд.20:35,46), а вениамитяне, также по воле господа, — за два дня 39 000 израильтян (ст. 21, 25); иудеи под предводительством царя Авия водном сражении убивают **пятьсот тысяч** израильтян (2Пар.12:17) и др.

Вся библейская кровь — кровь по воле господа. «Око за око», — возглашает премудрый «вседержитель» — «рану за рану, ушиб за ушиб... Кто ударит человека так, что он умрёт, да будет предан смерти» (Исх.21:24-25,12).

«Земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего её», — мудро определяет бог (Чис.35:33). «Сними невинную кровь, пролитую Иоавом, с меня и с дома отца моего», — напутствует Соломон Ванею, приказывая ему убить полководца Давидова — Иоава (3Цар.3:31). Этот закон твёрдо подчёркивает и сам Павел — величайший авторитет каждого христианина: «Без пролития крови не бывает прощения» (Евр.9:22).

Само принесение «христом» себя самого в жертву совершилось, по мистическому толкованию христианского богословия, как раз во исполнение этих божественных словес.

А «христос»? Не он ли принёс на землю «мир и в человечех благоволение»? Не он ли сказал: «блажени миротворцы»?

Да, ему и эти слова приписаны, но эти слова также умело истолкованы и с исключительным талантом использованы рясниками, служившими буржуазии.

«Блажени миротворцы» — это относится к рабам, **но не к господам**. Господ же, не щадящих своих рабов, бог **на том** свете накажет («Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу божию» — Рим.12:19). А в отношении войны — так в объяснениях попов их правительства всегда были именно «миротворцами». Они только «защищались», «нападали» же, естественно, **всегда и везде враги**.

«Взявший меч от меча и погибнет», — торжественно объявляет евангельский Иисус. То-есть, значит, нельзя брать оружия? Совсем нет, утверждают учёные богословы. Это значит: Поднявшего меч — рази мечом **во исполнение слов божиих** (!).

Но ведь «христос» сказал: «люби врагов своих» (Мф.5:44). Да, люби врагов **своих**, но **не чужих**. Ты, рабочий, люби фабриканта; ты, крестьянин, люби помещика, ибо это **твои** враги (но они друзья божии). Но турок — враг царя, революционер — враг и царя, и бога — бей их!

А впрочем, не особенно нужны были и эти толкования. Ведь Иисус сказал: «Не думайте, что я пришёл нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл я, но исполнить» (Мф.5:17). Закон же и пророки — это ветхозаветный бог и благочестивая кровавая баня его противникам.

«Восстанет народ на народ... Подобает бог всем сим быти», говорит Иисус про войны (Мф.24:6-7). «Да будет воля твоя», одним словом.

«Предтеча господень» — Иоанн — не сказал ни слова осуждения воинам. Спросили они его: «нам что делать? И сказал им: довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк.3:14). Разве он велел им бросить военное ремесло? Разве Иисус посоветовал сотнику капернаумскому выйти в отставку?

Иисус же прямо благословил военные подвиги: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:13). «Мы должны полагать душу свою за братьев» (1Ин.3:14). А такую любовь особенно легко проявить солдату.

Раз это наибольшая любовь, и раз за любовь вообще предлагается царствие небесное, то за самую большую любовь — и самое тёплое местечко в раю.

Знали попы и посылавшие их, что солдата соблазнить наградой земной не всегда удастся — усилили ему награду небесную (благо это ничего не стоило и ни к чему не обязывало).

Доказательство. Бог сам говорит: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен (царю) до смерти, и дам тебе венец жизни» (Отк.2:10). «Не бойтесь убивающих тело... Всякого, кто исповедает меня перед людьми, исповедаю и я перед отцем моим небесным» (Мф.10:28).

Если бы даже эти свидетельства самого «христа» не удовлетворяли часть христиан (напр., сектантов), то странным кажется, как могли они ослушаться таких категорических предписаний, скажем, ап. Петра: «Будьте покорны всякому человеческому начальству **для господа**» (1Пет.2:13), или Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога» (Рим.13:1). Ведь апостолам сказал Иисус: «Слушающий вас — меня слушает, отметаяйся вас — мене отметается» (Лк.10:16).

Разве это не живой образ благословляющей десницы божией — почивающие во святых, особо славные своими ратными подвигами: Георгий победоносец; Фёдор стратилат; Иоанн-воин; Дмитрий Солунский; Дмитрий Донской и Сергий Радонежский; Иаков, еп. Нисибийский (см. под 8 января), по молитве которого комары и пёсьи мухи обратили в бегство персов; Макарий желтоводский, побивший (после смерти) двадцать тысяч агарян (татар) под Унжей (см. под 25 июля); Лонгин сотник; Корнелий сотник; святой и благоверный полководец Александр Невский; Евстафий Плакида; муч. Никон; муч. Евсигней; Леонтий; Фёдор Тирон, и, наконец, среди многих прочих, особо знаменитый Меркурий, даже слезший с иконы, убивший в бою императора Юлиана и вернувшийся на старое место в церковь с окровавленным копьём. Святые отцы русской церкви

сняли свою копию с этой копии языческого бога Меркурия — муч. Меркурия смоленского, кстати, воспользовавшись для изготовления его жития и библейским примером — Давида и Голиафа (см. под 24 ноября).

А рассказ об императоре Константине и явившемся ему в небе знамении — кресте с надписью: «сим победиши»? А осада Троицкой лавры под духовным водительством угодника божия Сергия? А чудодейственная помощь божия в тысячах легенд о христианских воинах, спасавших свою жизнь кто крестом, кто образком, кто ещё более фантастичным приёмом. Вспомним, наконец, «явление» божией матери с младенцем Иисусом, а затем креста полуэскадрону драгун на прусском фронте 17 сентября 1914 г. под Августовым[1].

В смысле теоретического обоснования войны христианская литература также имеет достаточное количество решительных утверждений святых отцов.

Так, св. Василий Великий объявляет: «Убийство на войне отцы наши не вменяли в убийство, мне кажется, из снисхождения к защитникам благочестия» (Прав. 13-е).

Афанасий Великий: «**Убивать врагов на брани почитается делом законным и похвалы достойным**, и великих почестей сподобляются доблестные в брани» (Письмо к монаху Аммуну).

Иоанн Златоуст: «Неужели бог есть учитель войны? **Да** (!), **не погрешит тот**, кто припишет ему **и победу** при этом. Таков смысл слов: "научай руце мои брани" (Пс.143:1), т.е. дающий силу преодолевать врагов, побеждать, воздвигать трофеи. Так, когда Давид низложил Голиафа, виновником победы был бог; когда он вёл многие войны, воздвигал трофеи, брал неприятельские города вместе с жителями, **то бог доставлял ему победу**. И при Моисее бог совершал много подобного» (Беседа на пс. 143[2]).

«Чем отличается звание воинов, — спрашивает митрополит Филарет, — и приобретает, преимущественно перед другими званиями, право на уважение и почести? Особенными трудами, лишениями, **подвигами**... Только совершенная готовность пожертвовать жизнью за царя своего делает воина бесстрашным и непоколебимым в бранном подвиге, способным к победе, достойным венца»[3].

Именно этот святитель собрал в так. наз. катехизисе всё самое яркое, что утверждало право феодализма и буржуазии на насилие. Естественно, что это он с богословской точностью обосновал и войну с её ужасами, и смертную казнь.

«Не есть беззаконное (!) убийство, когда отнимают жизнь по должности, как-то:

1) когда преступника наказывают смертию по правосудию;

2) когда убивают неприятеля на войне за государя и отечество» («Катехизис» — О шестой заповеди).

Благочестивые примеры избиения еретиков во славу божию и прямые предписания божии распаляли фантазию и гибкость мысли оборотистых рясников, старавшихся запретить и оградить право эксплуататоров на насилие.

«Если будет уговаривать тебя брат твой, или сыны твои, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: пойдём и будем служить богам иным... то не соглашайся с ним и не слушай его; и **да не пощадит его глаз твой, не жалей его и не прикрывай его; но убей его... побей его камнями до смерти**». (Втор.13:6, сл.). «Если найдётся среди тебя мужчина или женщина, кто сделает зло пред очами господа, преступив завет его... то выведи мужчину того или женщину ту... **и побей их камнями до смерти**» (17:2, сл.).

Святой праотец Авраам подал этому хороший пример: по слову божию он не задумался выпустить кишки наружу и сыну своему. Святой боговидец Моисей, увидевший, что евреи

[1] Д. Святский. Страшный суд как астральная картина. Атеист, 1923 г.

[2] Тв., т. V, стр. 511. СПб, 1899.

[3] Цит. по речи его в «Приб. к творениям св. отцов», 1844 г., кн. 3, стр. 314-351.

отвернулись от бога и сделали себе золотого тельца, приказал левитам (рясникам): «Возложите каждый свой меч на бедро своё, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно **и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего**... И пало в тот день из народа около **трёх тысяч человек**. Ибо Моисей сказал: сегодня посвятите руки ваши господу» (Исх.31:27, сл.).

Святой пророк Илия, дабы укрепить «истинную» религию, «схватил их (жрецов Бааловых) и отвёл их к потоку Киссону, и заколол их там» (3Цар.18:40). Этот благочестивый эпизод запечатлён на церковном изображении в храме Рогожского кладбища в Москве с исключительной рельефностью: святой громовержец Илья за волосы оттягивает голову жреца и режет ему горло.

Разве не эти священные примеры помогли инквизиции сохранить благочестие в той кровавой работе, результатом которой была смерть миллионов «еретиков»? Разве грех какой совершили аббат Арно и папский легат Мило, ответившие на вопрос, как при избиении жителей города Безье (в 1209 году) отличить «еретиков» от правоверных:

— Бейте всех, господь на том свете отличит верных от неверных[1].

Естественно, что взгляды и рассказы священного писания и святых отцов и учителей церкви об убийстве позволили рясникам и их хозяевам, правящим верхушкам, проводить политику воспитания масс именно в этом духе.

В частности, попы от самой юности своего сословия наспециализировались в благословениях, щедро расточаемых войскам перед боями и после сражений. Уже начальные страницы библии рисуют нам рясника Мелхиседека, «священника бога всевышнего», который благословил Авраама после его победы над Кедорлаомером и другими царями (Быт.14:18).

Вт.22, сл. сообщает, что попы перед войнами и сражениями особенно усиливали свою деятельность: «Когда приступаете к сражению, тогда пусть подойдёт священник и говорит народу: “вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими; да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо господь бог ваш идёт с вами, чтобы сражаться за вас с врагами вашими”»...

Царь иудейский Иосафат в войне с моавитянами и аммонитянами «поставил певцов господу, чтобы они в благолепии святыни, выступая впереди вооружённых, славословили и говорили: славьте господа, ибо во век милость его» (2Пар.20:21).

Специально военное духовенство в христианстве появилось уже при императоре Константине, т.е. с первых же шагов христианства как сложившейся религии, как о том свидетельствует Созомен в своей «Церковной истории». Он рассказывает, что при Константине имелась походная церковь, и при каждом легионе — молельная палатка с попом и дьяконом (Hist, eccles, I, 8).

Архиепископ Вениамин в своей «Новой скрижали» повествует, что император Константин составил даже особую молитву для воинов, которая постоянно читалась во время войны[2].

У нас в России армия военного духовенства возникает вместе с появлением при Петре I регулярного войска. В воинском уставе 1716 г. и морском уставе 1720 г. упоминаются уже обер-полевые священники и обер-иеромонах. Павел I указами 1797-1800 гг. уже проводит обособление военного духовенства, неподчинённого даже синоду. Обер-священники в дальнейшем (с 1890 г.) стали именоваться протопресвитерами военного и морского духовенства, с подчинением им всей военно-поповской клики, этого необходимого дополнения помещичьей армии.

Ни одна церковная служба в христианском богослужении не обходилась без молитв о «христолюбивом воинстве» и о «покорении под ножи» царя «всякого врага и супостата» (ектении).

[1] Розенов. Против попов, вып. IV, гл. IX.
[2] Ч. IV, стр. 175, СПб. 1875.

В самый торжественный момент христианского богослужения — во время тех молитв, при которых хлеб и вино «превращались» в «тело и кровь христовы», поп возглашал тайную молитву, в которой обязательно фигурировали император, царствующий дом и воинство их: «Покори ему (царю) вся варварские языки».

Пожалуй, нет особенной нужды особо отмечать, что молитвы подобного рода христианскими рясниками возносились отнюдь не только в тех случаях, когда властителями их живота и деятельности являлись христианские же владыки. Если это был татарский хан, попы ему так же верно служили, как и христианскому князю (святые митрополиты Пётр, Алексей, Кирилл в их отношениях к ханам Узбеку, Чанибеку, Бердйбеку, Тулумбеку и др.).

Во время русско-турецкой войны 1877 г. константинопольский патриарх Иоаким разослал во все церкви своего патриархата (в Турции) особые молитвы о даровании победы турецкому оружию. 11 июня 1878 г. султан пожаловал этому богопослушному иерарху («несть власти, аще не от бога»!) орден Османиэ I степени и на приёме удостоил рясника величайшей, с точки зрения придворного этикета, чести — посадил его рядом с собой[1].

Значительная часть христианских молитв составлена в весьма воинственном тоне. Таковы: «Спаси, господи, люди твоя... победы благоверному... над супротивными даруяй»; «Взбранной воеводе победительная»; «О нами бог! Разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог!» (в воспоминание о победе над Наполеоном в 1813 г.).

Наряду со словесным возвеличением «участия божия» в победах христолюбивого воинства, воздвигались и вещественные памятники «божьего провидения» в войнах. Таков, например, «храм христа спасителя» в Москве в память поражения французов, внутри весь разукрашенный священными воспоминаниями о подвигах русской армии в борьбе с «дванадесятыо языков», вплоть до вывешивания мраморных досок с перечислением особо отличившихся героев и воинских частей.

Надо ли идти дальше и глубже? Не видно ли из всей деятельности рясников, из всего содержания христианства, какую верную службу несла эта религия, будучи сторожевым псом, вернейшим стражем власти насильников и злодеев, владевших «телами и душами» своих «верноподданных»?

«Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим.13:11), пока эти власти содержат на своей службе и щедро вознаграждают рясников.

Но когда эти власти в 1918 году ударили по поповскому карману, то та же «идущая за христом» клика, именовавшая себя «духовными отцами, пастырями и учителями», завопила: «Соединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, и мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты заветных святынь... Правители народные хотят отнять у народа божие достояние... Оберегайте же и защищайте... Не попустите совершиться страшному кощунству... **Идите в защиту святынь... Лучше кровь свою пролить** и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную на поругание. Мужайся же, Русь святая! Иди на Голгофу! **С тобою крест святой, оружие непобедимое. С тобою воинства небесные**, с тобою все святые» (Воззвание Всероссийского церковного собора по поводу декрета о свободе совести от 27 января 1918 г.[2]).

Святые отцы и здесь сумели благословить войну буржуазии и помещиков с восставшим против них пролетариатом. На долю рабочих и крестьян выпали тучи проклятий: «Подлежите вы огню геенскому в жизни будущей... Властью, данной мне от бога, анафематствую вас»... (св. Тихон, патриарх всероссийский, грамота от 19 января 1918 г.).

---

[1] Моск. Епарх. Вед. за 1878 г., № 24, «Известия с востока».

[2] Деяния собора, кн. VI, вып. 2, стр. 139-140.

Бедные духовные пастыри! Они и здесь занимали только «оборонительную» позицию. Они «не нападали»! Они только «защищались»! Они действовали по слову божию: «взявший меч от меча и погибнет» Взявшего пулемёт и винтовку пролетария они расстреливали из пулемётов же и винтовок с церковных колоколен, собирая оружие под престолами в алтарях, помогая белогвардейщине объединяться и бороться против рабочих и крестьян.

Боголюбивые труды отцов духовных на благо контрреволюции теперь, впрочем, хорошо известны. И мы не ошибёмся, если скажем, что христианство от колыбели до могилы, к которой оно неуклонно и катастрофически движется, не знает ни одного дня из своей кровавой истории, не омрачённого гнуснейшим насилием под сладким соусом из слов и умилительных картинок о любви и всепрощении.

Паноптикум мракобесия[1]

Американское благочестие

В Англии недавно отлит колокол весом в 15 тонн (около 900 пуд.) и стоимостью в 120 000 золотых рублей. Он заказан американской фирмой и предназначен для часовни, построенной в память основателя фирмы.

Пфенниги Бенедикта и языки Непомука

В газете «Vossische Zeitung» от 6 февраля 26 г. д-р Г. Тимм даёт описание интереснейшей коллекции амулетов, которая недавно приобретена государством у вдовы известного географа Андре-Эйзна и передана в Венский музей народоведения.

«Амулеты (латинское *amuletum* происходит от слова *amuliri* — слагать себя, сбрасывать что-либо у себя "с шеи долой"), "лекарства, которые вешаются на шею" (как говорили средневековые немцы), были известны уже египтянам, грекам, римлянам. Особенной употребительностью, однако, пользовались амулеты в средние века, когда духовенство всячески содействовало изготовлению амулетов, да и само изготовляло их, стремясь вытеснить из употребления языческие талисманы. Весьма часты были случаи, когда церковь христианизировала языческие обычаи, превращала языческие символы в христианские амулеты.

Амулеты существовали буквально для всех случаев жизни, для всех превратностей судьбы, которые могли постигнуть христианина от колыбели до могилы. Были амулеты и против болезней, и против дьявольских козней, и против колдовства, и против несчастных случаев, и т.д.

Большая часть амулетов христианской эпохи связана с культом святых. Они должны были обеспечивать носителям амулетов особое покровительство тех святых, которым эти амулеты посвящены. Отдельным святым, кроме того, приписывалась особая чудодейственная сила против отдельных болезней, напастей, дьявольских и человеческих злоумышлений. В большом почёте, например, были бенедиктовы пфенниги и кресты. Они получили своё название по имени папы Льва XI, бывшего бенедиктинского монаха, который и ввёл их в обиход. Амулеты эти должны были предохранять от всяческих болезней и дьявольских чар. Женщинам они помогали якобы при родах.

Против сплетен и злоязычия ближних особенную магическую силу должен был иметь "язык Непомука". "Святой Непомук", Иоанн Помук, пражский каноник, был, согласно сказанию, сброшен в реку королём богемским Венцелем за то, что он не хотел выдать ему тайны, поведанной канонику супругой короля на исповеди. "Языки Непомука" изготовлялись из воска, их часто вделывали в серебряную оправу филигранной работы и носили на шее. Подобно амулету святого Непомука, многие другие амулеты тоже заимствовали свою форму, свой внешний вид от атрибутов святых. Маленькие серебряные "стрелы Себастиана" должны были охранять носителей их от ужаснейшей болезни средневековья, от чумы. "Чепцы из Лоретто" с изображением богоматери из Лоретто (в Зальцбурге) надевались умирающим и роженицам. "Рубашки из Лоретто" клались детям под подушки для предохранения их от судорог, а "чепцы Анастасии" должны были помогать от головной боли. Впрочем, для того, чтобы избавиться от головной боли, достаточным считалось положить на лоб грамотку с образом Анастасии. Такая же грамотка с

[1] В отделе «Паноптикум мракобесия» будет систематически помещаться обзор фактов, заимствованных из заграничной прессы и относящихся к прошлому и настоящему воинствующей церкви на Западе.

изображением святой Агаты должна была охранять от пожарной опасности, вот почему её прибивали к косякам домов, конюшен и хлевов. Особенно чудодейственной считалась крошечная грамотка со святыми инициалами I.N.R.I. (Иисус Назарянин, царь иудейский) или с изображением Марии. Проглотивший её считал себя застрахованным от всяких злых напастей. В ходу были также и глиняные плиточки с подобными же изображениями. Их растирали в порошок и проглатывали. Особенно употребительными были они в применении к скоту, порошок замешивался в корм и пойло, так что чудодейственная сила этих амулетов могла быть распространена и на скот. Очень хорошим средством против болезней домашнего скота, против околдования его и лихих наговоров считались "благословения св. Вольфганга и св. Леонгарда" (металлические пластинки с изображениями этих святых).

Гораздо более действенным магическим средством, чем эти охранительные грамотки, считались, конечно, "мерки христа и Марии", т.е. полосы бумаги, которые изображали якобы рост сына божьего и богородицы. Замечательно, что при средней ширине в 6-7 сантиметров длина этих "мерок" колебалась от 1,40 до 1,80 метра для обоих. "Мерка Марии", имеющаяся в коллекции г-жи Андре, снабжена следующей надписью: "Подлинный и действительный рост нашей милой госпожи и присноблаженной царицы небесной Марии". На знаменитой штайермарковской мерке, приписывающей Иисусу рост в 1,50 метра, написано: "Мерка эта найдена в Иерусалиме у святого гроба, как говорят, в 1665 г., и папа Климент VIII сие удостоверил". "Мерки" эти должны были помогать против всяких напастей тому, кто носил их у себя на теле.

Самым замечательным амулетом являются, пожалуй, "вальпургиевы пузырьки". Они содержали в себе капли елея, который ежегодно источался якобы грудным позвонком святой мученицы, хранившимся в Вальпургиевой церкви, в Айхштетте. Баночки или пузырьки со святым "елеем" вделывались обычно в филигранную оправу тончайшей работы. Нередко их носили, впрочем, и в качестве подвеска на браслетах и цепочках.

Много, много и других амулетов имеется в коллекции г-жи Андре. Тут и "небесные грамоты", зашитые в ладанки из кожи, тут и кресты, монеты из святых мест (Зальцбург, Сент-Галлен, Кефлаар), серебряные ключики от судорог, красные матерчатые "сердца Марии", которые якобы застраховывают от пули, которые очень часто употреблялись и в последнюю войну баварскими солдатами, тут и свечки, веночки из разноцветной бумаги от града, грозы и наводнения, тут и грамотки от чумы, и кресты св. Ульриха, и кольца св. Антония, и талеры св. Георга, и кресты св. Одилии от глазных болезней и многое, многое другое, порождённое ребяческим суеверием и страхом пред непонятным и неведомым.

Немало, однако, и древнейших амулетов мелькает среди той массы магических предметов, вера в которые сохранилась со времён средневековья вплоть до нашего скептического века. Нашли же совсем недавно, в 1749 г., на шее у одного весьма высокопоставленного духовного сановника, у епископа князя Ансельма-Франца Вюрцбургского, на шее амулет с языческими заклинаниями!

Среди языческих амулетов мы имеем экземпляры, связанные с самыми разнообразными видами минерального, растительного и животного царства. Гелиотроп, например, по магической формуле *similia similibus* ("схожее сходным"), считался кровоостанавливающим средством. Малахит слыл противоядием, агат — средством от сглаза, горный хрусталь предохранял якобы детей от внезапного, считавшегося весьма опасным, испуга. Среди "животных" амулетов особенная сила приписывалась рогу горного козла, из которого очень любили пить, который перерабатывался также в табакерки, фляжки и т. д. Сердце из кораллов охраняло от клеветы, а ужовые позвонки, добывавшиеся особым, крайне мучительным для несчастного ужа способом, помогали от судорог. Борода горного козла тоже считалась ценным амулетом. Она делала того,

кто обзаводился ею, сильным, храбрым, ловким. Очень употребительны были амулеты, изготовленные из разного рода корней, кореньев, клубней, плодов и семян.

В заключение следует ещё отметить, что в средние века очень любили носить целые ожерелья из амулетов. Это были самые разнообразные амулеты, нашитые на красную нитку. Этим ожерельям, разумеется, приписывалась особенная чудодейственная сила».

Положение обязывает

Муссолини был, как известно, когда-то социалистом и свободомыслящим. Он был уже тогда женат на своей теперешней супруге, но не считал необходимым оформить этот брак хотя бы граждански. В 1918 г., когда Муссолини отрёкся от социализма и сделался душой воинствующего фашизма, он зарегистрировал свой брак в гражданском порядке. Ныне, когда Муссолини заключил трогательный союз с католической церковью, он пожелал продемонстрировать папе «искренность» своих черносотенных планов и намерений. Совсем недавно, как сообщает «Pester Lloyd» (от 6 февраля 26 г.), Муссолини обвенчался по католическому обряду со своей гражданской женой, от которой он имеет уже взрослых детей. Венчание происходило в часовне Санта-Мария, охранявшейся нарядом полицейских. Свидетелями были брат Муссолини, Арнольдо, редактор газеты «Popolo d'Italia» и генеральный секретарь фашистской партии, известный погромщик Фариначчи. Муссолини — опытный ловкий политик, его церковный брак является лишь отдельным звеном той цепи, которая ныне связывает черносотенный фашизм с родной ему по духу и целям католической церковью.

О численности рясников

По данным журнала «Volna Myslenka», общее количество католических священников в мире достигает 312 тысяч, из которых 200 тысяч приходится на Европу. В Африке и Австралии приходится по триста верующих на одного священника, в Китае и Японии — по 800 верующих.

После обезьяньего процесса — змеиный процесс

Похоже на то, что ханжи всего мира сговорились приложить все усилия к тому, чтобы довести библейские легенды до полного абсурда. Ещё недавно в Америке один преподаватель был осуждён за распространение дарвинизма, а теперь в Голландии кальвинистами организован церковный суд над правоверным д-ром Вангелькеркеном, который осмелился выразить своё сомнение в способности райского змея разговаривать по-человечески.

Миссионеры за работой

В венской газете «Arbeiter Zeitung» от 11 января 26 г. помещена следующая любопытная заметка о работе «современных служителей господа» — миссионеров:

«Во время торжества, устроенного в Ватикане в честь отца Кларета, основателя братства "Сердца Иисусова", папа произнёс речь, в которой он всячески превозносил отца Кларета за то, что он, мол, был современным служителем господа, что он в своей работе применял новейшие средства пропаганды, которые раньше были неведомы, но которые теперь стали могучими

жизненными факторами, а именно прессу и книгу. “Если бы святой Павел жил в наше время, — сказал папа, — то он сделался бы журналистом”.

Трудно, конечно, обыкновенным смертным решить вопрос о том, кем был бы теперь Павел, но вот что касается отца Кларета, то тут с папой приходится согласиться. Церковь действительно вовсю старается использовать в своих интересах все достижения современной техники. Прошли те времена, когда церковь живьём сжигала людей, подобных Джордано Бруно, за то, что они проникнуты были новыми веяниями. Ныне сам святейший отец уже настолько просвещён, что он открыто признаёт прессу могучим жизненным фактором. Церковь в своих приёмах и методах проделала путь, который не короче дистанции между ослом апостолов и современным мотором. Апостолам приходилось ещё трястись на ослах, когда они отправлялись обращать язычников; современные же служители господа носятся на автомобилях по дебрям Африки, где они возвещают спасение дикарям. Это отнюдь не наша выдумка. В миссионерском ежемесячнике “Эхо из Африки” отец Олье обращается к своим братьям во христе с просьбой подарить ему автомобиль для того, чтобы ему легче было выполнять свою миссию в Африке. Словом, недалёк тот день, когда господь белых людей пошлёт своего жреца к чернокожим прямо на аэроплане, когда несчастные дикари услышат “ангельские хоры” по радио, когда миссионеры прямо с неба будут кропить святой водой свою паству.

Современные миссионеры действительно широко пользуются прессой. Правда, пропаганда их направлена не столько в Африку, сколько в Европу. В то время как они в Африке смогли распространить катехизис на наречии зиндефеле лишь в количестве 3 000 экземпляров, а ветхий завет на языке кириамко лишь в количестве 1 000 экземпляров, “Эхо из Африки” появилось в 1924 г. в количестве 72 000 экземпляров на разных европейских языках, а юношеское издание “Негритянское дитя” — в количестве 137 000 экземпляров. Оба эти издания призваны уловлять сердца и карманы благочестивых европейцев. Оба эти органа содержат тысячи одобрительных отзывов по адресу тех благочестивых овец, которые не поскупились на доброхотные даяния в пользу отцов-миссионеров. В них рекламируется чудотворное действие этих пожертвований. Если какой-либо верующий страдает, допустим, от зубной боли, то ему рекомендуется наметить кого-либо из многочисленных святых, обратиться к нему с горячей молитвой о прекращении страданий, а также дать обет: в качестве мзды за исцеление больной обязуется вносить известную сумму на крещение или выкуп негритянских детей. Средство это весьма действенно, как показывают многочисленные примеры, приводимые в указанных органах. Вот один из них: “Г-жа Г.М. заболела в 1923 г. фурункулёзом (болезнью, вызывающей нарывы на теле). Она признавала врача, который вылечил её. В мае 1924 г. она снова заболела той же болезнью. Теперь она уже не стала обращаться к врачу, а направилась к графине Ледоховской, основательнице миссионерского братства св. Петра, и дала обет в случае своего исцеления пожертвовать известную сумму на нужды братства. Через два дня фурункулы совершенно исчезли сами собой без всякой врачебной помощи”.

Если, однако, читатель думает, что подобные обеты действенны только против фурункулёза, то он глубоко заблуждается. Один священник обнаружил как-то, что в его доме засорилась водопроводная труба. Он тогда, не обращаясь к водопроводчику, пообещался внести известную сумму миссионерам. И что же? Не прошло и часа, как из трубы весело заструилась живительная влага. Нет такой беды, из которой не выручали бы доброхотные даяния на нужды миссионерских братств. Они восстанавливают нарушившийся семейный мир, они приносят письма заждавшемуся их человеку, они спасают запутавшегося должника и т.д. Всего несколько грошей в кружку миссионерам — и дело в шляпе! И так ещё много дураков в Европе, что из этих грошей в 1924 г. составилась у ловких миссионеров почтенная сумма в 6-8 миллиардов крон.

О чудотворной силе молитвы и обета миссионеры трезвонят только в Европе, иронически замечает автор заметки: неграм, очевидно, труднее вдолбить в голову, что при головной боли молитва действеннее аспирина. Ибо те же африканские миссионеры взывают к европейским врачам о пожертвовании им остающихся у этих врачей лекарств. "Сотни и сотни людей, — пишет отец Валтасар из Млингано в В. Африке, — выздоровели здесь благодаря употреблению тимола и снова обрели способность трудиться". Сами отцы-миссионеры, очевидно, великолепно знают, что не молитвы и обеты, а тимол является реальным средством против болезней. Африканские дикари, оказывается, далеко ушли от одурачиваемых европейцев».

«Праздник господа нашего Иисуса христа, государя»

Так называется новый праздник, установленный папой Пием XI в своей последней энциклике «Quas primas» от 11 декабря 1925 г., приведённой в «Reichspost» от 15 января. Праздник этот должен справляться ежегодно в последнее октябрьское воскресенье. Для него составлена специальная обедня с особой богослужебной церемонией. Какова задача этого праздника? «Устанавливая настоящий праздник, — пишет его святейшество, — мы тем самым провозглашаем, что христос почитается государем всего католического мира, мы тем самым предлагаем превосходное целебное средство против заразы, которая охватывает всё человечество. Под этой чумой нашего времени мы разумеем так называемый лаицизм (обмирщение), его заблуждения и преступные посягательства. Преступление это, как вам ведомо, досточтимые братья, появилось не сразу, оно долго таилось в лоне общества. Оно началось с отрицания господства христа над всеми народами. Затем начали отрицать основанное на праве самого христа право церкви учить людей, давать им законы, руководить народами и вести их к вечному блаженству. Постепенно начали недостойным образом ставить религию христа на одну ступень с ложными религиями. Ещё дальше шли те, которые думали, что на место божественной религии должна выступить некая естественная религия, некое естественное религиозное чувство. Больше того, существуют даже государства, в которых бога считают ненужным, в которых религия заключается в безбожии и презрении бога». Но этого мало, в последней энциклике «раб рабов господних» опять вопит о верховенстве папы над миром, совершенно откровенно выставляет теократические лозунги. Этот праздник, мол, призван напомнить людям, что церковь, которая основана христом как совершенное общество, в силу своего от природы ей присущего права, от которого она не может отказаться, требует полной свободы и независимости от гражданской власти. Такой же полной свободы она требует для тех религиозных орденов и обществ обоего пола, которые столь действенно помогают пастырям церкви расширять и укреплять царство христа. Самим же государствам этот праздник будет напоминать, что не только частные граждане, но также власти и управители обязаны повиноваться христу *(т.е. церкви. — Ред.)*, что во время страшного суда христос-государь жесточайше отомстит за все обиды и несправедливости, чинимые в отношении церкви».

В этой же примечательной энциклике есть одно место, где папа совершенно без прикрас вскрывает подлинную социальную роль церкви в современном обществе. Если «князья и законно избранные власти» проникнутся послушанием церкви, то «расцветут покой и порядок, то будет устранены всякие основания для мятежа». Ибо церковь научит подданных видеть в них братьев во христе, обнаруживать в них образ и авторитет богочеловека христа, и если эти **«властители даже и покажутся подданным недостойными или заслуживающими порицания на каком-либо основании, то они всё же не станут свергать их господство».**

Поучительные цифры

Газета «Viener Stimmen» от 12 января 1926 г. приводит следующие официальные статистические данные о распространённости различных исповеданий в Швейцарии. Католиками признали себя по переписи 1925 г. 1 585 911 человек, протестантами — 2 750 622 (они распределяются по 31 секте), безрелигиозными — 25 000, атеистами — 2 000, православными — 4 000, магометанами — 400 и язычниками — 100.

Благочестивые садисты

В Зап. Европе недавно нашумел случай со священником Денуайе, которого почти насмерть запороли во время покаянного бичевания благочестивые члены братства «Скорбящей богоматери». «Arbeiter Zeitung» от 12 января пишет по этому поводу: «Несчастный священник может утешиться. То, что ему пришлось перенести, было добровольно взятым на себя уделом многих благочестивых людей в прошлом. В первые века христианства священники бичевали кающихся мужчин и женщин в тиши церквей. Однако с XI-го века эти экзекуции стали совершаться публично. Грешники и грешницы должны были раздеваться на шумных площадях, и здоровенные клирики ударами розог вышибали из них их прегрешения.

Святой Людовик, король французский, частенько "поролся" у своего духовника, и ещё не очень давно на одном из окон собора Сен-Дени в Париже можно было видеть рисунок, изображавший короля подставляющим седалище кнуту исповедника. Особенно процветало бичевание в Клюнийском монастыре. Здесь "кающиеся" становились в очередь в одних рубашках, чтобы не заставлять других долго дожидаться. К св. Эдуарду, епископу Кентерберийскому, когда он был ещё студентом в Париже, пристала как-то ветреная бабёнка. Он отвёл её в свою комнату и розгами отделал её так, что всё её тело представляло одну сплошную рану.

В XIII веке в Германии и Италии свирепствовали флагелланты (бичующиеся). Тысячи и тысячи мужчин и женщин разного возраста пробегали нагишом по улицам, бичуя себя, что было мочи. Генрих III пытался ввести флагеллантизм во Франции. Он сам участвовал в первой процессии. Процессия эта тянулась от августинского монастыря до собора богоматери. Впереди её шёл с крестом кардинал Гиз, церемонимейстером был герцог майеннский. В процессии принимали участие люди всех сословий. Мужчины и женщины шли нагими, и при каждом упоминании имени Иисуса они падали на землю и целовали грязь.

15 февраля 1580 г. весь Париж высыпал на улицы, по которым проходила процессия из восьми- или девятисот бичующихся нагих женщин, за которыми в таком же виде шествовали сотни детей, школьников и иезуитов. Во главе этой процессии с крестом в руках выступал священник.

Даже в XVIII веке наблюдались отдельные случаи подобного благочестивого садизма».

Паломничество бездетных

В Маниле (на Филиппинах), по сообщению «Arbeiter Zeitung» от 17 января 1926 г., сохранился ещё следующий древний обычай. Каждый год, весной, дорога в Обандо бывает усеяна тысячами женщин, которые танцующим шагом направляются к алтарю св. Паскуаля Бэлона (плясуна). Тут и стареющие жёны, которые не хотят умереть без наследников, тут и весёлые девушки, собирающиеся выйти замуж. Все они разодеты в пёстрые платья, все они обязательно приплясывают. Добравшись до алтаря, они начинают горячо молить святого о ниспослании им потомства. На Филиппинах много таких чудотворных алтарей, однако особенной славой

пользуется алтарь св. Паскуаля. Для того, однако, чтобы он исполнил просьбы молящихся, необходимо являться к нему в старинных одеждах и обязательно приплясывая.

Такая же чудотворная сила источается иконой богоматери, «госпожи мира и благополучного пути», в Антиволо. Сюда тоже стекаются каждую весну тысячи женщин, молящихся о даровании потомства. Попы служат обедни и молебны. Народу собирается так много, что большие наряды полиции не в состоянии сохранить порядок. В соседнем «святом источнике» купаются девушки, которые верят, что чудотворная вода сделает их матерями здоровых детей. Статистики относительно реального действия этих алтарей и источников, конечно, не имеется. Отрицательный результат, однако, отнюдь не расхолаживает верующих. Обычай этот — не что иное, как старательно христианизованная форма тысячелетнего суеверия, видевшего в богине луны подательницу плодородия полям, животным и людям.

Новый случай чуда

По сообщению венской газеты «Arbeiter Zeitung» в Лурде недавно произошло новое чудо — исцеление 21-летней Луизы Бабт, которая больна была якобы туберкулёзом в последней стадии. Во время своего прибытия в Лурд она была освидетельствована врачом (церковным, конечно), признавшим её состояние крайне тяжёлым.

Во время крестного хода Луиза упала в обморочном состоянии, когда же она пришла в себя, она оказалась совершенно здоровой... Не любо, не слушай...

Спасительная сила религии

В апреле 1925 г. в Инсбрукском (Австрия) суде разбиралось дело одной крестьянки, Франциски В., любопытное в психологическом отношении. Франциска В. родила ребёнка и решила от него избавиться «собственными средствами». Помолившись господу богу, она окропила ребёнка святой водой, положила его на кровать между матрацем и досками, а сама легла на матрац. Она пролежала так час, непрерывно молясь богу. Когда ребёнок задохся, она снова окропила его святой водой и заснула безмятежным сном праведницы. Как правоверная христианка, она назавтра отправилась с трупом на кладбище, чтобы предать его погребению в освящённой земле, но здесь она была поймана с поличным.

Рука руку моет

Историчность Иисуса христа нашла себе новых защитников в лице иудейских раввинов. Американские газеты сообщают, что 26 декабря 1925 г. многие раввины выступили в синагогах с проповедями в защиту д-ра Стефена Уайза, который доказывает, что иудеям пора отказаться от взгляда на христа как на «легендарную личность». Один богач, некий Натан Штраус, пожертвовал даже 150 000 долларов на пропаганду взглядов Ст. Уайза.

Небольшая справка к предстоящему собору

В 1926 г. состоится ватиканский собор. Последний собор был в 1870 г. Он провозгласил «непогрешимость папы». Ватиканский собор 1854 г. установил догмат рождения Марии путём непорочного зачатия. Чем порадует верующих собор 1926 г.?

Обнаглевшие церковники

Заигрывания Муссолини с папой окрылили церковников в Италии. Они требуют уже не только реставрации церковных школ, но и провозглашения церковного брака обязательным для всех «крещёных» христиан. Согласно сообщению «Osservatore Remano», церковь предъявляет в области брачного законодательства Италии следующие требования:

1. Гражданский брак признаётся для крещёных христиан необязательным.
2. Церковные браки признаются государством действительными.
3. Итальянское гражданское право объявляет недействительными браки, нарушающие божественное и церковное право.
4. Итальянское государство обязано запретить вступление в брак тем крещёным христианам (т.е. и не католикам), которые не вправе вступать в брак по церковным законам.

Один остроумный немецкий журналист рекомендует папистам в довершение своих домогательств выставить требование кастрировать всех еретиков и еретичек во славу божию.

Великая честь

Великой чести удостоился недавно священник д-р Иосиф Виттиг, профессор церковной истории и христианской археологии. Бдительная папская цензура включила некоторые его сочинения в знаменитый «Index librorum prohibitorum» (список запрещённых книг). Учёный богослов попал в блестящую компанию. Начиная с 1557 г., когда впервые появился этот «Список», в него включено больше 5 000 названий. Среди их авторов мы находим и Абеляра, и Бальзака, и Бунзена, и Канта, и Бруно, и Конта, и Дарвина, и Вольтера, и Толстого, и Гейне, и Золя, всех социалистов и коммунистов — одним словом, всех, кем гордилось и гордится человечество.

«На наш век дураков хватит»

В 1925 г. («юбилейном») католические попы открыли на 19 дней доступ для публичного поклонения к Аахенским святыням, к которым с 1909 г. никого не допускали. В течение целых 14 дней десятки тысяч мужчин и женщин бесновались вокруг этих святынь. Что же они собой представляют? А вот что. Во-первых, одежда, в которой была Мария, когда она рожала спасителя, во-вторых, пелёнки божественного младенца, на которых имеются красноречивые пятна от того, чего не удалось сохранить благочестивым аахенским патерам, в-третьих, плат, на котором лежала отрубленная голова Иоанна Крестителя, и, наконец, повязка, бывшая на чреслах спасителя, когда он страдал на кресте. Комментарии как будто излишни.

В Бретани (Франция) имеется городок Ле-Партель, насчитывающий 8 000 жителей. Он населён рыбаками. И вот в этом городке в полной неприкосновенности сохранился обычай «доли господней». Восьмую часть всей своей выручки население этого города отдаёт попам!

Не сговорились

На состоявшемся недавно «евхаристическом конгрессе» в Шпейере баварский министр внутренних дел Штютцель произнёс длинную речь, в которой между прочим заявил: «Для католических рабочих социальный вопрос стоит в центре их интересов, однако вопрос этот может быть разрешён только в духе христианства». На этом же конгрессе присутствовал епископ Генле из Регенсбурга, который совсем недавно в баварской палате заявил нечто совершенно иное: «Христианство уже много веков не занимается социальным вопросом. Кто является рабом, тот рабом и должен остаться». Епископ оказался циничнее, но честнее министра.

От религии к атеизму
(систематический указатель книжной и журнальной литературы по вопросам религии и её критики)[1]

I. История религии

1. **Бецкий, К.** и **Павлов, П.** Русский Рокамболь. Приключения Манасевича-Мануйлова. Изд. «Былое». Л. 25 г. Стр. 239. Ц. 1 р. 30 к.

   Манасевич-Мануйлов был одной из центральных фигур «распутиниады», так что его «приключения» вносят немало интересных и ценных штрихов в картину предреволюционного развала церкви.

2. **Галактионов, М.** Духовенство. Статья в «Энциклопедии государства и права». Изд. «Коммунистическая Академия». М. 25 г. Стр. 1048-1064.

   Очень содержательная статья, ярко вскрывающая социальную роль церкви в дореволюционной России.

3. **Голяновский, С.** Роль миссионерства в Китае. «Бс». 26 г. № 2.
4. **Гурев, Г.** Из области «доказательств» существования бога. «Ант.». 26 г. № 2. Стр. 14-27.
5. **Дубровский, В. В.** Жизнь и дела Феодосия Углицкого (Полоницкого). Гиз Украины. Х. 25 г. Стр. 87. Ц. 36 к.

   Брошюра посвящена разоблачению одного из «святителей», канонизированных Победоносцевым, архиепископа черниговского Феодосия.

6. **Мстиславский, С.** Крыша мира. Изд. «Недра», М. 25 г. Стр. 306. Ц. 1 р. 25 к.

   В этой книге, представляющей живое описание путешествия на «Памиры», много страниц посвящено верованиям и обычаям туземцев Туркестана.

7. **Олар, Альфонс.** Церковь и государство в эпоху великой французской революции. Пер. с франц. Н. Рубинштейна. Предисл. Р. Пельше. Гиз Украины. 25 г. Стр. 101. Ц. 50 к.

   Книжка составлена из статей О., помещённых в журнале «La Revolution Française» в 1905 г. и является устарелой по выводам в сравнении с новой работой О. 1925 г., переведённой в изд. «Атеист».

8. **Племя** Кубу на острове Суматра. «Бс.». 26 г. № 2.

   Статья излагает статью Косвена, помещённую в «Красной Нови» (25 г. № 8), посвящённую племени Кубу, не имеющему никакой религии.

9. **Сендерленд, И. Т.** Священные книги в свете науки. Пер. с английского, под ред. и с предисл. Ив. Сухоплюева. Изд. «Гомельский Рабочий». Гомель. 25 г. Стр. 207. Ц. 1 р. 20 к.

   Цель издания этой книги не совсем понятна.

10. **Шейншн, М.** Церковь и международное рабочее движение. «Ант.». 26 г. № 2. Стр. 50-62.

[1] В нашем журнале из номера в номер печатается библиографическая сводка, включающая издания, появившиеся после выхода библиографического указателя «От религии к атеизму» (Изд. «Атеист», 1926 г., стр. 104), или пропущенные в нём.

II. Антирелигиозная пропаганда

11. **Акульшин, Родион.** Земля Советская, «Калитура» и культура. (Из деревенского блокнота). «Новый Мир». 26 г. № 1.

В этих очерках нашёл себе отражение и религиозный быт современной деревни.

12. **Антирелигиозный песенник.** Изд. «Труд и Книга». М. 25 г. Стр. 67.

13. **Амур-Санан, А. М.** Мудрешкин сын. С предисл. Ф. Ф. Раскольникова. Изд. «Прибой». Л. 25 г. Стр. 196. Ц. 1 р.

Книга интересна и по яркой характеристике быта, нравов и психологии калмыцкого народа («И». 26 г. № 46. В. III.).

14. **Глан, Я. М. и Кононов, А. Т.** Антирелигиозная пропаганда в школе. Изд. «Транспечать». М. 26 г. Стр. 162. Ц. 60 к.

Содержание: Вступление. 1. Социальная роль религии в современном обществе. 2. Отделение церкви от государства и школы. 3. Школа — главное орудие безрелигиозного воспитания. 4. Происхождение человека. 5. Происхождение мира, растений, животных и человека. 6. Происхождение христианства. Библиография.

15. **Горев, Мих.** Гапон и 9-е января. Исторический очерк. Изд. «Безбожник». М. 26 г. Стр. 30. Ц. 20 к.

16. **Дантек, ле-, Феликс.** Существует ли бог? Перев. с франц. А. Соловьёва. Под ред. и с предисл. проф. Рожицына. Гиз УССР. Х. 23 г. Стр. 49. Ц. не обозначена.

17. **Дмитриева, В.** Темнота и суеверие (как люди болеют и умирают от суеверий). Гиз. 25 г. Стр. 16. Ц. 5 к.

18. **Зимняя** антирелигиозная кампания. Сборник для клубов. Под ред. С. Рафаловича. Ленгиз. Л. 26 г. Стр. 138. Ц. 1 руб. Р. Лукачевскнй. А. —«Ант.», 26 г. № 2.

19. **Ивановский, А.** Задачи и методы антирелигиозной работы среди крестьянства. «Ант.», 26 г. № 2.

20. **Истрати, Панаит.** Дядя Ангел. Рассказы Адриана Зограффи. Перев. Изабеллы Шерешевской. Под ред. О. Мандельштама и Г. И. Федотова. Изд. «Время». Л. 25 г. Стр. 176. Ц. 1 р.

В двух первых главах згой книги дано любопытное изображение крестьянина, который под влиянием ударов судьбы превратился в непримиримого безбожника.

21. **Календарь** деревенского коммуниста на 1926 год. Изд. «Моск. Рабочий». М. Стр. 407.

В календаре среди прочего материала имеются отделы: «Антирелигиозная пропагаида» и «Мир, в котором мы живём», составленные тщательно и могущие пригодиться сельскому пропагандисту.

22. **Кандидов, Б.** Роль религии в империалистической войне. «Бж», 26 г. № 4.

23. **Кирдецов, Г.** За стеной Ватикана. Очерк. С фотографиями Анри Мануэля. «За 30 дней». 26 г. № 2.

В этом большом фельетоне дано довольно яркое изображение (правда, в самых общих чертах) той комедии, которая происходила в Риме и Ватикане во время празднования юбилейного 1925 г.

24. **Клуб против церкви.** Пособие юношеским секциям и комсомольским клубам по антирелигиозной пропаганде. Изд. «Мол. Гвардия». М. 26 г. Стр. 116. Ц. 15 к.

25. **Логинов, Антон.** Наука и библия. 2-е исправленное издание. Изд. «Безбожник». М. 25 г. Стр. 65. Ц. 25 к.

Содержание: Как началась религиозная вера. Многобожие у древних евреев. Сотворение мира по библии. Сотворение человека. Объяснённе библейских легенд. Библия и наука. Сказание об Адаме. Всемирный потоп. Вавилонское столпотворение.

26. **Логинов, Антон.** О боге и святых его. Изд. «Безбожник». М. 26 г. Стр. 30. Ц. 15 к.

27. **Лукачевский, А.** Союз безбожников и антирелигиозная пропаганда. «Ант.». 26 г. № 2.

28. **Неизлечимый.** Совесть отца дьякана. По рассказу Гл. Успенского. Гиз. М. 26 г. Стр. 42. Ц. 10 к.

29. **Песенник** безбожника. Изд. III. Изд. «Прибой». Л. 26 г. Стр. 74. Ц. 20 к.

30. **Петти, Шарль.** Нищий с моста драконов. Роман. Перев. Р. Н. Исаковой. Под ред. Л. С. Утевского и Н. Н. Шульговского. Изд. «Время». Л. 26 г. Стр. 136. Ц. 90 к.

31. **Письма** с земельного фронта. «И». 26 г. № 45.

В статье отмечена ловкая политика ср.-азиатских мулл, которые при проведении земельной реформы заняли сочувственную позицию и даже обосновали её на шариате и адате (на священном писании и устных законах).

32. **Поповский, А.** Женщина и религия. Посвящ. международному дню работницы (8 марта. Изд. «Нов. Москва». М. 26 т. Стр. 62. Ц. 80 к.

Содержание: I. Женщина в религиях Востока. II. Древний языческий мир. III. Христианство. IV. Женщина в поговорках и изречениях народов.

33. **Путинцев, Ф.** Сектантство и 1905 г. «Ант.». 26 г. № 2. Стр. 41-50.

34. **Путинцев, Ф.** Церковь и 1905 г. Изд. «Безбожник». 26 г. М. Стр. 40. Ц. 20 к.

35. **Путинцев, Ф.** Церковь накануне февральской революции. «Бж». 26 г. № 4.

36. **Ренье д'Анри.** Дважды любимая. Роман. Перев. Ф. Сологуба. Изд. «Academia». Л. 24 г. Стр. 479.

В этом мастерски написанном романе для атеистов могут быть интересны образы скептически и вольнодумно настроенного аббата Юберте, отвратительного кардинала Лампарелли и ханжи помещицы Галандо.

37. **Родин, А.** Коперник. Бруно. Галилей. День борцов за науку в клубах молодёжи. Гиз. 25 г. Стр. 88. Ц. 45 к. Р. «И. У.». 25 г. № 7.

38. **Рождество** в рабочем клубе (Сборник материалов). Изд. «Червоннй Шлях». Х. 25 г. Стр. 60. Ц. 30 к.

Содержание: И. Логинов. Происхождение христианства. Конспект лекции. А. Полин (Френч). 2000 лет. Пьеса в 2 д. И. Лафарг. Религия и рабочий класс (из книги «На политической каторге»). А. Полин. Рождественские сказки. Инсценировка в I д. Книги о происхождении христианства.

39. **Рожицын, Валентин.** Происхождение христианского бога-отца. 2-е переработанное издание. Изд. «Пролетарий». 26 г. Стр. 71. Ц. 40 к.

40. **Рожицын, Валентин.** Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. Гиз. М. 26 г. Стр. 29. Ц. 25 к.

Брошюра ярко вскрывает социально-политическую подоплёку церковного движении в годы революции.

41. **Сарабьянов, Вл.** Наука на службе у капитала. «Ант.». 26 г. № 2.

42. **Сахаров, Ив.** Святая собака и святая свинья. «Бж». 26 г. № 4.

Статья описывает историю появления смехотворного святого с собачьей головой — св. Кинокефала.

43. **Серафимович, А.** Незримые пути. «И.». 26 г. № 55.

Очерк изображает освобождение рядовой крестьянки от религиозного дурмана.

44. **Ставский, М.** Откуда повелись на Руси масленичные праздники. «Б.». 26 г. № 9.

45. **Степанов, И.** Это было. Рассказ о божественном. Гиз. 26 г. Ц. 20 к.

46. **Фёдоров, Е. Ф.** Антирелигиозная пропаганда в рабочем клубе. Изд. «Знание». М. 26 г. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.

Содержание: Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Беседа I. Правда ли, что бог создал вселенную? Беседа II. Бог ли создал жизнь на земле? Беседа III. Происхождение человека. Беседа IV. Существует ли бог? Беседа V. Существовал ли христос? Беседа VI. Происхождение и развитие христианства. Беседа VII. Происхождение христианских мифов. Беседа VIII. Религиозные и общественные праздники.

47. **Фигурин, А.** Панихида. Изд. «Пролетарий». 25 г. Стр. 99. Ц. 45 к.

Брошюра посвящена критике религиозных верований в загробную жизнь, она вскрывает происхождение христианского погребении и излагает взгляды науки на смерть.

48. **Франс, Анатоль.** Таис. Перев. с франц. И. Б. Мандельштама. Изд. «Сеятель». М. 25 г. Стр. 55. Ц. 30 к.

Эта книга вся напоена тонкой иронией, направленной против церкви и религии. К сожалению, доступна она только более или менее искушённому читателю.

49. **Чегтай.** Женщина в исламе. «Б.», 26 г. № 9.

50. **Чукичев, И. П.** От молитвы к науке. Изд. «Сев. Печатник». Вологда. 26 г. Стр. 117. Ц. 75 к,

51. **Шолохов, М.** Двумужняя. Рассказ. Под ред. Ф. Березовского. Гиз. М. 26 г. Стр. 32. Ц. 6 к.

Книжка предназначена для крестьянского читателя. В ней изображается, как крестьянская женщина с трудом освобождается от гипноза и обаяния церковного «венца».

52. **Яг, Г.** Умирающая худжра. «И.». 26 г. № 55.

Статья описывает умирание мусульманской религиозной школы в Туркестане.

53. **Ярославский, Ем.** Можно ли прожить без веры и бога. Изд. «Безбожник». М. 26 г. Ц. 6 к.

111. Современное научное мировоззрение (Атеизм)

54. **Агол, И.** Происхождение животных и человека. 2-е издание. Изд. «Нов. Москва». М. 26 г. Стр. 72. Ц. 30 к.

Содержание: 1. Введение. 2. Доводы в пользу эволюционной теории. 3. Отбор. 4. Изменчивость. 5. Наследственность. 6. Менделизм. 7. Происхождение человека. 8. Возникновение жизни на земле.

55. **Баммель, Гр.** Аксиоматика и диалектика. «ПЗМ». 26 г. № 1-2.

56. **Граф, Георг Энгельберг.** Происходит ли человек от обезьяны? Перев. с немецкого. Изд. «Знание». М. 26 г. Стр. 63. Ц. 30 к.

57. **Гурев, И. А.** Дарвинизм и марксизм. Популярные очерки. 2-е, значительно дополненное издание. Изд. «Гомельский Рабочий». Гомель. 25 г. Стр. 417. Ц. 2 р. 60 к.

Содержание: Введение. I. Чему учит дарвинизм. II. От дарвинизма к марксизму. III. Чему учит марксизм. IV. Роль марксизма и дарвинизма в идее мировоззрения. V. Дарвинизм и коммунизм. VI. Диалектика — учение о развитии.

58. **Дебсрин, А.** Энгельс и диалектика в биологии. «ПЗМ». 26 г. 1-2.

59. **Захаров, А.** О происхождении человека. Рассказ Матрёны. Под ред. проф. И. Попятского. Изд. «Новая Москва». М. 26 г. Стр. 42. Ц. 20 к.

60. **Зоммерфельд, А.** Строение атома и спектры. Ч. I. Перев. с нем. под ред. А. И. Иофе и П. И. Лукирского. Гиз. М. 26 г. Стр. 403. Ц. 3 р. 75 к.

Книга эта доступна лишь хорошо подготовленному, знакомому с основными элементами физики читателю.

61. **Карев, Ник.** Тектология или диалектика (к критике «Тектологии» Богданова). «ПЗМ». 26 г. № 2.

62. **Лепешинская, О. Б.** Воинствующий витализм. О книге проф. Гурвича. Изд. «Сев. Печатник». Вологда. 26 г. Стр. 77. Ц. 40 к.

Брошюра посвящена разбору «Лекций по общей гистологии» проф. А. Г. Гурвича, проникнутых ярым витализмом.

63. **Некрасова, А.** Борьба за дарвинизм. Гиз. М. 26 г. Стр. 163. Ц. 76 к.

64. **Паперный, Л.** Азбука марксизма. Изд. «Гудок». М. 25 г. Стр. 268. Ц. 1 р. 35 к.

«Настоящая книга есть попытка дать популярное, рассчитанное на Ленинский призыв изложение марксизма как цельного мировоззрения. Попытку эту нельзя признать удачной» (М. Коваленко. «Н. У.» 25 г. № 4).

65. **Рубакин, Н.** Где и когда появились люди на земле. Гиз. М. 25 г. Стр. 84. Ц. 50 к.

66. **С., М.** Что такое диалектика? «Н. У.». 25 г. № 4. Стр. 177-184.

67. **Спокойный, Л.** Марксизм и вопросы философии. «Н. У.» 25 г. № 4. Стр. 157-177.

Сокращения

«Ант.» — ***Антирелигиозник.***
«Б.» — ***Безбожник (газета).***
«Бж.» — ***Безбожник (журнал).***
«Бс.» — ***Безбожник у станка.***
«И.» — ***Известия ЦИК.***
«К.» — ***Книгоноша.***
«Л.» — ***Ленинград.***
«М.» — ***Москва.***
«Н. У.» — ***Народный Университет.***
«П.» — ***Правда.***
«ПЗМ» — ***Под знаменем марксизма.***
«Р.» — ***Рецензия.***
«Х.» — ***Харьков.***

Типография МКХ, имени Ф. Я. Лаврова, Варгунихина гора, 8.

Главлит № 59511. Москва, 1926 г. Тираж 4 000 экз.

Содержание № 1 журнала «АТЕИСТ»

1. От Редакции.
2. И. ШПИЦБЕРГ. — Святой Василий Грязнов — защита подмосковных акул текстильной промышленности.
3. С. РЕЙНАК. — Общие явления животного тотемизма.
4. Г. ШЛЕГЕР. — Неисторичность Иуды Предат.
5. А. НЕМОЕВСКИЙ. — Исторический ли факт — гонение на христиан при Нероне?
6. Н. РУМЯНЦЕВ. — 666 (попытка решения апокалиптической загадки).
7. Л. СЭНТИВ. — Мощи христа.
8. В. ШИШАКОВ. — Религия и женщина.
9. Я. КЕТКОВИЧ. — К вопросу об эволюции религ. верований.
10. А. МОНИН. — Капиталистическая прививка и 7 годовщина Красной армии.
11. На книжной полке.

Содержание № 2 журнала «АТЕИСТ»

1. А. НЕМОЕВСКИЙ. — Культ животных у ранне христианских сект.
2. А. ДРЕВС. — Историзация Иисуса.
3. Г. ЛЕШКЕ. — Иудейское и языческое в христианском культе.
4. Н. РУМЯНЦЕВ. — Святой Тихон чудотворец, епископ амафунтский.
5. Ф. МЕЛИ. — Молоко приснодевы.
6. П. СЭНТИВ. — Из шантажной практики духовенства:

а) Чудо св. Януария.

б) Иконы, закрывающие и открывающие глаза.

7. В. ШИШАКОВ. — Библия и рабство.
8. Библиография.

Содержание № 3 журнала «АТЕИСТ»

1. Г. ЭЙЛЬДЕРМАН. — Религия и политика.
2. С. ФАРФАРОВСКИЙ. — Из истории русской инквизиции.
3. В. ШИШАКОВ. — Христианство как апологет монархизма.
4. И. ШПИЦБЕРГ. — Интернационал пролетарских свободомыслящих.
5. Н. РУМЯНЦЕВ. — Ещё об Апокалипсисе, или попытка ответа на одну критику.

БИБЛИОГРАФИЯ

С № 6 в нашем журнале начнёт печататься работа известного писателя Георга Брандеса «Легенда об Иисусе».

Научное Общество
«АТЕИСТ»

Вышли из печати:

- «Миф о христе», т. I — А. Древса, пер, с нем. под редакцией П. Красикова, сост. И. Шпицберга: «Христос как динамомашина капитализма». 1 р. (Распр.)
- «Миф о христе», т. II — А. Древса, пер. с нем. Н. Румянцева, под ред. П. Красикова с передовой ст. Перевод. «Мифологическая школа». (Распр.)
- «Миф о христе» — А. Древса. Пер. Н. Румянцева. Однотомное, переработанное автором в 1924 г., издание. 1 р.
- «О боге и чёрте», памфлет Э. Даэнсона, пер. с франц. и примечания И. Шпицберга. (Распр.)
- «Святой отрок Гавриил» — бейлисиада. 10 к.
- «Рождество христово» — Н. Румянцева. 15 к. (Распр.)
- «Страшный суд как картина звёздного неба» — Д. Святского. 15 к. (Распр.)
- «Философия жизни Иисуса» — А. Немоевского, пер. с польского яз. и предисловие Н. Румянцева. 35 к. (Распр.)
- «Евангельские мифы» — Джона Робертсона, перевод с немецк. под редакцией и с предисловием И. Шпицберга. 50 к.
- «Первобытный коммунизм и первобытная религия в историко-материалистическом освещении — Г. Эйльдермана с нем. с предисл. автора и профессора В. К. Никольского. 1 р. 50 к. Сдано в печать. 2-ое исправленное изд.
- «Зеркало папизма» — Отто Корвина, с предисл. И. Шпицберга. 1 р.
- «Миф об Иоанне крестителе» — Н. Румянцева. 20 к. (Распр.)
- «Жил ли христос» — А. Древса, пер. с нем. Н. Румянцева. 40 к. Изд. 2-е.
- «Рождественская мифология» — Н. Румянцева. 25 к. (Распр.)
- «Религия и здравый смысл» — П. Гольбаха, пер. с франц. под редакцией В. Шишакова. 75 к.
- «Завещание священника Иоанна Мелье» (по Вольтеру). Пер. с франц. под редакцией В. Шишакова. 30 к.
- «Пасхальная мифология» Н. Румянцева 1 р. 25 к.
- «Жил ли апостол Пётр?» — А. Древса, перевод и примечания Н. Румянцева, с предисловием И. Шпицберга. 75 к.
- «Что мы знаем об Иисусе? — Э. Гертлейна, с нем. 40 к.
- «Христианство и франц. революция» — А. Олара, пер. с франц. 75 к.
- «Святой Тихон амафунтский» — Н. Румянцева. 40 к.
- «Святой Василий Грязнов — защита подмосковных акул текстильной промышленности» — И. Шпицберга. 30 к.
- «От религии к атеизму» — Библиографический сборник. (Сведения о литературе, вышедшей в области религии и её критики, начиная с февральской революции до М — 1926 г., с отзывами). 1 р.
- «Смерть и воскресенье спасителя» (исследование в области сравнительной мифологии), т. I — Н. Румянцева. 2 р. 50 к.

- «Дохристианский христос» — Н. Румянцева. 1 р.
- «Миф о деве Марии» — А. Древса, пер. с нем. Н. Румянцева. 1 р.
- «Мысли В. И. Ленина о религии». 1 р. 25 к.
- «Занимательная библия» — Лео Таксиля, т. I. Пятокнижие с 39 сатирическими рисунками. Пер. с франц., под ред. В. Шишакова. 1 р. 25 к.
- «Миф и религия» (Первобытная мифология — в материалистическом освещении) — Г. Эйльдермана. Пер. с нем. 70 к.

Сданы в печать:

- «Святая инквизиция» — Проф. С. Г. Лозинского.
- «Моё завещание», т.т. I, II, III — Священника Иоанна Мелье.
- «Первобытный коммунизм и первобытная религия в мсторикоматериалистическом освещении» — Г Эйльдермана. Заново переработанный автором труд.
- «Происхождение креста». Статьи.
- «Великий шантаж» (Реликвии христа) — Н. Румянцева.
- «Смерть и воскресение спасителя», т. II — Н. Румянцева.
- «Занимательная библия» — Лео Таксиля, т.т. II и III.
- «Трактат о мощах» — Жана Кальвина.
- «Пройсходит ли человек от обезьяны» — Г. Графа.

Вышли антирелигиозные плакаты:

1) **Для крестьян вера — дурман; для попов — прибыль в карман.** Стихи С. Городецкого. В 2-х красках. **30** коп.

2) **Из разбойничка во угодничка.** Стихи С. Городецкого. В 2-х красках. **30** коп.

3) **Об иконах обновлённых и о том, как попов неугомонных обновляет исправдом.** Стихи С. Городецкого. В 2-х красках. **30** коп.

4) **Заповеди блаженства.** Рисовал В. Тривас. **50** коп.

Эти плакаты рекомендуем развешивать в избах-читальнях, в уголках безбожников, в фабкомах и т. д.

Составление антирелигиозных библиотечек от 10 р. до 40 р. Посылка в провинцию наложенным платежом и в кредит на льготных условиях.

Почтовые расходы по рассылке антирелигиозной литературы по адресам на деревню и село АТЕИСТ принимает на себя.

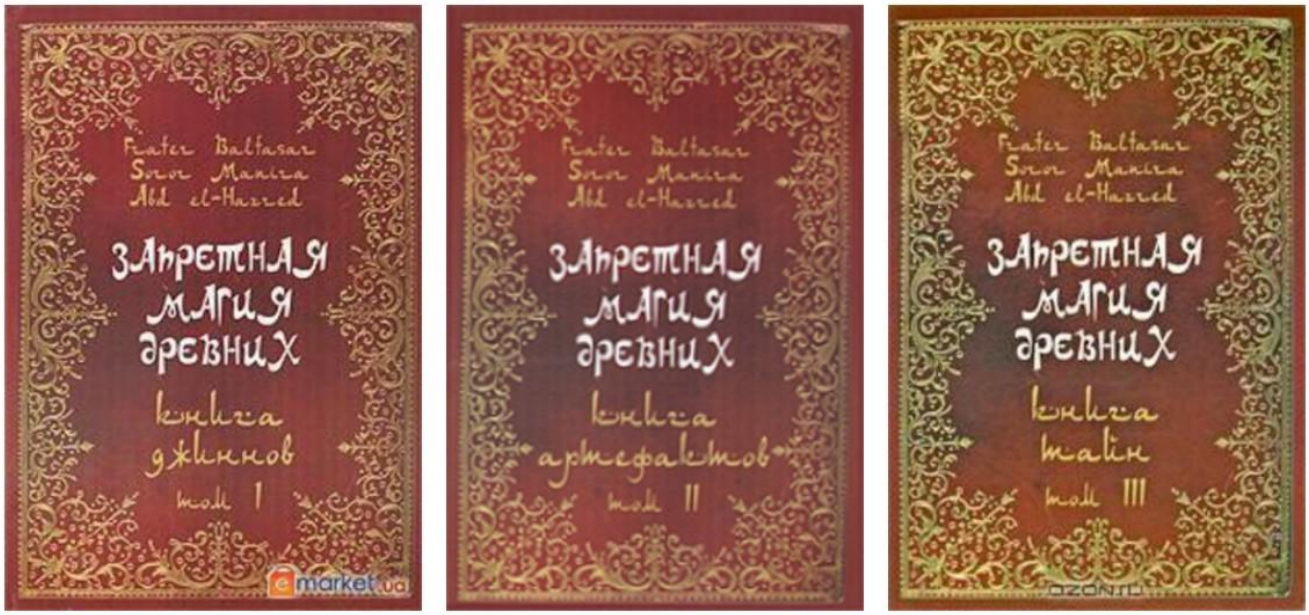
Заказы направлять по адресу:

Москва, Гранатный пер., 1, Издательству «АТЕИСТ».

ЛЕНИНГРАД. Отделение «Атеиста». — Пр. Володарского, № 46. Тел. 2-24-21.

Предлагаем всем Издательствам и Редакциям газет и журналов обмениваться изданиями.

Запретная Магия Древних в 3-х томах



"Запретная магия Древних", 2-е издание. Первый печатный сборник материалов по лавкрафтианской традиции.

Том 1. Книга джиннов.

Мягкий пер., 468 стр., 60x90/16, 2009 г. *В «Книге Джиннов» раскрыты тайны египетских папирусов, содержащие магические тексты магрибов, греческие свитки таинственного содержания, а также много практических советов, как использовать магию Древних сегодня.*

Manira. Вместо предисловия. **Тэрций Сибеллиус.** Мистерии Червя. **Baltasar.** Книга Духов. Книга Джиннов. Арабская гематрия. Лунный зодиак. Магические квадраты Абд эль-Кадира. Магические папирусы. **Абдулла Альхазред.** Книга Рельях. **Анна Нэнси Оуэн.** От переводчика «Завета Мёртвых». **Fr. Nyarlathotep Otis.** Биография Абдуллы Альзазреда. История Некрономикона.

Том 2. Книга артефактов.

Мягкий пер., 532 стр., 60x90/16, 2009 г. *В «Книге Артефактов» раскрыты тайны изготовления амулетов и талисманов по авторской системе Маниры, содержащие магические формулы на удачу, счастье, любовь и богатство. Дается много практических советов, как использовать их для своих целей.*

Manira. Книга Артефактов. **Baltasar.** Книга Великих Имён. **Абдулла Альхазред.** Завет Мёртвых.

Том 3. Книга тайн.

Мягкий пер., 612 стр., 60x90/16, 2009 г. »*Книга Тайн» завершает трехтомник и подводит логический итог всему сказанному. Все темы, которые затрагивались в рамках концепции Древних, заканчиваются здесь.*

Manira. Книга Тайн. **Baltasar.** Книга Джиннов. Магические папирусы *(продолжение)*. **Священные тексты лавкрафтианской мифологии. Три книги о Силах. Лавкрафт и авторство Некрономикона. Как писалась Книга Мёртвых - Некрономикон. Fr. Nyarlathotep Otis.** Уилсон против Симона? Каббала Древних. **Майкл Калмар.** О призывании Йог-Сотота. **О Шуб-Ниггурат и секте скопцов. Тайна колдуна Пацифиды.**

Желающие могут заказать эту книгу по льготной цене, всего **1000 р. за три тома**. Оплата — почтовым или банковским переводом либо через электронные платёжные системы. Пересылка по России — порядка 250-300 р., по ближнему зарубежью — порядка 450, в некоторых случаях возможна пересылка с нарочным. Присылайте заявки по адресу **93in39@gmail.com**.

Апокрифы герметизма
в 5-и томах

В 2012 году выходит в печать 5-томник материалов из журнала "Апокриф".

Первый том **("Теория и практика ритуальной магии")** включает следующие материалы:

Франц Бардон. Практика магической эвокации. Ключ к истинной каббале.

A.G.H. Герметический орден Золотой Зари.

Алан Беннет. Заметки к Книге Бытия. Магическая инвокация высшего гения.

Олег Телемский. Арехепиты индивидуации. Этика и символизм Телемы.

Книга Магии Служения.

Eisheth Zenunim. Читая Liber AL vel Legis.

И.М. Liber OZ глазами либерала.

Magnus von Morgenstern. Opus Primus *и другие статьи по практике неокаббалы.*

Марног. Составление заклинаний.

Comahon, Fr. Nyarlathotep Otis. Ритуал призывания Бельфегора. Парный Малый Ритуал Изгоняющей Пентаграммы, адаптированный под L. Azerate.

Fr. Nyarlathotep Otis. Гимн Огню.

Алистер Кроули. Liber XLI: Тяньдао. Три великих мистификации Первой мировой. Гимн Люциферу. Роза и Крест.

Второй том **("Теория и практика магии Хаоса")** включает следующие материалы:

Остин Осман Спеар. Логомахия ЗОС. Автоматическое рисование.

Fr. Nyarlathotep Otis. *Дхаскар и другие предание Альтеров.* Мистерия Курочки Рябы.

Neworld. Теория сущностной природы пути.

T.O.P.Y. Серая Книга. **Эндрю Чембли.** Азоэтия. **Paperdaemon Chaognostic.** Том Хаоса *(фрагменты)*.

Иллюминаты Танатэроса. Книга. Уранический варварский язык Хаоса.

Список работ, вошедших в следующие тома, обсуждается. В третьем томе **("Теория и практика магии Древних")** ожидаются работы, посвящённые лавкрафтианской традиции и шумаро-аккадской магии, включая первый полный русский перевод старейшего сохранившегося гримуара - ассирийских Табличек Маклу. Одно из произведений, которые должны войти в четвёртый том **("Теория и практика демонологии")** - "Книга Тёмных Ангелов" Моргила. Основу пятого тома **("Теория и практика травологии")** составит монография Валерия Карташева "Звёздная магия растений", представляющая собой ключ к современной астрологической ботанике и медицинской астрологии.

Серия будет издана предположительно до конца мая 2012 года. Следите за новостями в нашем журнале, на главной странице сайта **http://cardshouse.castalia.ru/** и в группе **http://vk.com/apokrif93**.

Все книги (по отдельности и полным собранием) можно заказать по адресу: **93in39@gmail.com**.

Количество экземпляров по льготной цене (**350 р.** за том без стоимости пересылки, предполагаются скидки за покупку полного собрания или нескольких экземпляров) ограничено.

РАССКАЗЫ ПОД ЗОНТОМ

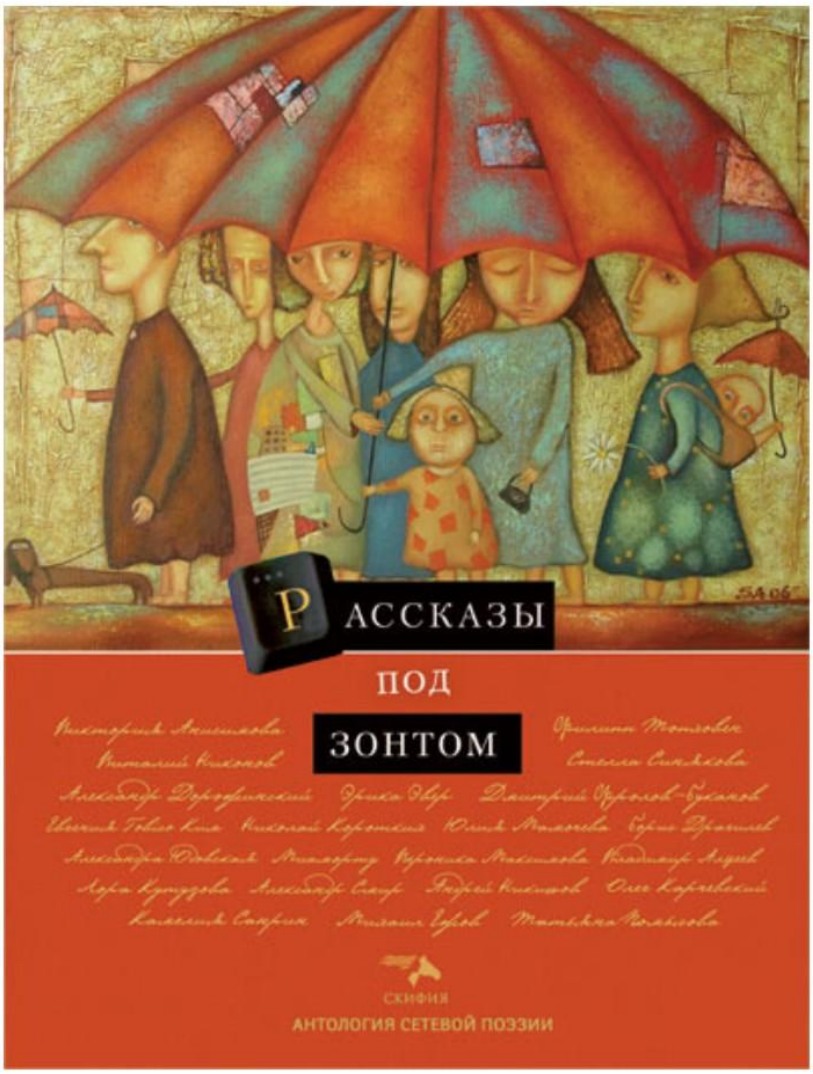
Принимаются заказы на 9-й том книжной серии «СКИФИЯ: Антология сетевой поэзии» — **«Рассказы под зонтом»**. В этот том были отобраны произведения следующих авторов:

Артем Алендеев — г. Екатеринбург
Мария Хамзина — г. Новосибирск
Елена Коро — Украина, респ. Крым, г. Евпатория
Поль Корде — г. Санкт-Петербург
Евгения Онегина — г. Санкт-Петербург
Андрей Гатинский — г. Москва
Сергей Есипов — г. Ленск, Республика Саха (Якутия)
Элиас Отис (Роман Адрианов) — г. Калининград
Шри Махадэва Ади Нидана — пос. Головеньковский, Тульская обл.
Шри Ади Нари Карана — пос. Головеньковский, Тульская обл.
Мурат Ибрагимов — г. Пермь
Ярослав Колосов — г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ
Ольга Редекоп — Казахстан, г.Тараз
Галина Вороненко — США, г. Аурора
Светлана Новгородцева — г. Нижний Тагил, Свердловская обл.
Евгения Бакарюкина — пос. Ромны, Амурская обл.
Евгения Ергонова — г. Улан-Удэ, респ. Бурятия
Алиса Рекунова — Эстония, г. Таллин
Сергей Данилов — Испания, Гибралтар
Дарья Бухарова — г. Санкт-Петербург

При разработке обложки использована работа **Александра Сулимова**, художника из г. Жигулевск Самарской обл. (http://www.sulimov.info/).

Ориентировочная стоимость книги — **350 р.** (не считая почтовых расходов), оплата — Яндекс-деньгами, веб-мани, почтовым или банковским переводом. Предоплата. Заказы по адресу: 93in39@gmail.com

Позднее в этой серии ожидается также выпуск герметической поэзии (рабочее название - **“Все смыслы мироздания”**):



Телемитский Вестник
Магики и Искусства

Deus Est Homo

Strive ever to more!

Магика
Телема
Оккультизм
Современное искусство, поэзия и музыка
Магические ритуалы и техники трансформации
Психология любопытства
Переводы каббалистических и оккультных текстов и книг
Секретный Перформанс Хаоса
Коинтеизм
Дискордия
Забавные истории, пьесы, плутонианский сатанизм
и многое другое

Выпускается с 2010 года,
Томским Просветительским Центром

Дом Богохульства

Оформить подписку на журнал
и заказать ранее выходившие номера
можно по нашему почтовому адресу:
E-mail: deh.publishing@gmail.com

STELLA ORIENTIS
Ежеквартальный электронный журнал
Харьковского Лагеря О.Т.О.
“Серапис”
предлагает вам:
- Статьи по Телеме, Магии, Каббале, Таро, Астрологии
Эзотерическим Традициям Востока и Запада
- Личные разработки техник и ритуалов
-Отчёты о проведенных магических работах
- Творчество (проза. поэзия, живопись)
По вопросам подписки обращаться:
stella_orientis@inbox.ru

Запретные Тексты Древних

Полное собрание сочинений
www.diongray.org

Калининградский эзотерико-информационный центр «93 in 39»

АПОКРИФ

http://cardshouse.castalia.ru

Старейший из ныне издаваемых электронных журналов оккультной тематики (выходит с 2006 года).

Нам требуются на общественных началах:

- авторы, переводчики, корреспонденты, колумнисты;
- оцифровщики книг, наборщики текстов, верстальщики;
- корректоры, рецензенты, помощники редактора;
- художники, иллюстраторы, дизайнеры обложки;
- помощники по продвижению проекта;
- администраторы социальных сетей и блогосервисов;
- помощники веб-дизайнера, бета-тестеры веб-ресурсов;
- издатели, меценаты.

Обращаться: 93in39@gmail.com
По этому же адресу можно подписаться на наш журнал.

Заказ печатной версии — vera.shcherbina@samizdal.ru

Помочь журналу материально Вы можете, переведя деньги на наш счёт
в системе Яндекс.Деньги: **41001416643125**
в системе Mail.Деньги: **1049000173863097**
в системе WebMoney:
Z318373604178, E263825672387, R412990927571, U141526320068, B411510488425, G198524212114
или почтовым переводом по адресу:
236022, г. Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11, Адрианову Роману Олеговичу

№№ 4-5

1926

Библиотечка “Апокрифа”

Вып. 4 (апрель 2012)